

ISSN 2541-7606

ВЕСТНИК

Вятского государственного
университета

Философия, педагогика,
психология

HERALD

of Vyatka State University

Philosophy, pedagogy,
psychology

2024

3(153)

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (153)

Киров
2024

Главный редактор

Н. А. Низовских, д-р психол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Заместители главного редактора

О. А. Останина, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

С. С. Куклина, д-р пед. наук, проф., Вятский государственный университет, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Ответственный секретарь

Е. В. Динер, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Редакционный совет

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., председатель редакционного совета, президент ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-2706-3904;

И. А. Баева, д-р психол. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

Ю. П. Зинченко, д-р психол. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

В. В. Лаптев, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

А. В. Смирнов, д-р филос. наук, проф., академик РАН (г. Москва);

А. П. Тряпицына, д-р пед. наук, проф., академик РАО (г. Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

И. Е. Валитова, д-р психол. наук, проф., БрГУ им. А. С. Пушкина (Республика Беларусь, г. Брест), ORCID: 0000-0003-0751-8534;

Е. М. Вечтомов, д-р физ.-мат. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

Е. О. Галицких, д-р пед. наук, проф. (г. Киров), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

И. Н. Грифцова, д-р филос. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

А. М. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

Р. В. Ершова, д-р психол. наук, проф., РУДН (г. Москва), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

С. И. Калинин, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

Е. В. Котельников, д-р техн. наук, проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0001-9745-1489;

В. Г. Маралов, д-р психол. наук, проф., ЧГУ (г. Череповец), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

Л. А. Мосунова, д-р психол. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

Г. Н. Некрасова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

М. И. Ненашев, д-р филос. наук, проф. (г. Киров);

В. Б. Помелов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

Л. Т. Ретюнских, д-р филос. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Н. Л. Росина, д-р психол. наук, проф., МГЭУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

Е. Е. Сапогова, д-р психол. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Ю. А. Сауров, д-р пед. наук, проф., чл.-корр. РАО, ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

Г. И. Симонова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

Е. А. Счастливец, д-р филос. наук, доц., ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Суворова, д-р пед. наук, проф., МГПУ (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3628-129X;

Е. А. Ходырева, д-р пед. наук, проф., Университет Иннополис (г. Казань), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

Е. С. Черепанова, д-р филос. наук, проф., УрФУ (г. Екатеринбург);

Л. В. Шиповалова, д-р филос. наук, проф., СПбГУ (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-1989-1152;

М. А. Шукина, д-р психол. наук, Институт медицинского образования ФГБУ НМИЦ им. В. А. Алмазова (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-0834-3548;

Е. Protassova, д-р пед. наук, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет (Финляндия, г. Хельсинки), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

A. Prusak, PhD, Академический образовательный колледж Ораним (Израиль, г. Кирьят-Тивон), Академический педагогический колледж Шаанан (Израиль, г. Хайфа).

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2024

**HERALD
OF VYATKA STATE
UNIVERSITY**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (153)

Kirov
2024

Chief editor

N. A. Nizovskikh, Dr. of psychol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Deputy editors

O. A. Ostanina, Dr. of philos. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

S. S. Kuklina, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Executive Secretary

E. V. Diner, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Editorial council

V. T. Yungblud, Dr. hist. sciences, prof., chairman of editorial council, president of Vyatka State University, (Kirov) ORCID: 0000-0002-2706-3904;

I. A. Baeva, Dr. of psychol. sciences, prof., Herzen State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen, academician of the RAE (St. Petersburg);

Yu. P. Zinchenko, Dr. of psychol. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

V. V. Laptev, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of ped. sciences, academician of the RAE (St. Petersburg);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

A. V. Smirnov, Dr. of philos. sciences, professor, academician of the RAS (Moscow);

A. P. Tryapitsina, Dr. of ped. sciences, professor, academician of the RAE (St. Petersburg).

Editorial board members

I. E. Valitova, Dr. of psychol. sciences, prof., State Pedagogical University n. a. A. S. Pushkin (Republic of Belarus, Brest), ORCID: 0000-0003-0751-8534;

E. M. Vechtomov, Dr. of phys.-math. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

E. O. Galitskykh, Dr. of ped. sciences, prof. (Kirov), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

I. N. Grifcova, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

A. M. Dorozhkin, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

R. V. Ershova, Dr. of psychol. sciences, prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

S. I. Kalinin, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

E. V. Kotelnikov, Dr. of tech. sciences, prof., European University in St. Petersburg (St. Petersburg), ORCID: 0000-0001-9745-1489;

V. G. Maralov, Dr. of psychol. sciences, prof., Cherepovets State University (Cherepovets), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

L. A. Mosunova, Dr. of psychol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

G. N. Nekrasova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

M. I. Nenashev, Dr. of philos. sciences, prof. (Kirov);

V. B. Pomelov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

L. T. Retyunskikh, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

N. L. Rosina, Dr. of psychol. sciences, prof., MHEU (Kirov), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

E. E. Sapogova, Dr. of psychol. sciences, prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Yu. A. Saurov, Dr. of ped. sciences, prof., corresponding member of Russian Academy of Education, Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

G. I. Simonova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

E. A. Schastlivtseva, Dr. of philos. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

T. N. Suvorova, Dr. of ped. sciences, prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3628-129X;

E. A. Khodyreva, Dr. of ped. sciences, prof., Innopolis University (Kazan), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

E. S. Cherepanova, Dr. of philos. sciences, prof., Ural Federal University (Ekaterinburg);

L. V. Shipovalova, Dr. of philos. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-1989-1152;

M. A. Shchukina, Dr. of psychol. sciences, associated prof Institute of Medical Education of National Medical Research Centre n. a. V. A. Almazov (St. Petersburg);

E. Protassova, Dr. of ped. sciences, associate prof., University of Helsinki (Finland, Helsinki), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

A. Prusak, PhD, Academic Educational College Oranim (Israel, Kiryat Tiv'on), Shaanan Academic Teachers College (Israel, Haifa).

**Scientific journal «Herald of Vyatka State University» as a mass media registered with Roskomnadzor
(Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-67510 of October 18, 2016)**

Founder of the journal Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Address publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals,
in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Тумин Александр Юрьевич. Идея служения Отечеству как традиционная ценность в парадигме становления современного суверенного российского государства</i>	7
<i>Шетулова Елена Дмитриевна. Философия И. Канта как предмет исследования в советской философии</i>	18
<i>Мамченков Дмитрий Валерьевич. Как возможны телеологические суждения в науке?</i>	26
<i>Клепикова Любовь Владимировна. Концепция «nesting orientalism» в восточноевропейском социально-философском дискурсе</i>	36
<i>Яковлева Елена Людвиговна, Дарчинов Эдгар Вадимович. Об элементах деструктивности фотографий в социальных сетях</i>	44
<i>Кострюков Владимир Евгеньевич. В предчувствии киберсоавтора как антропного сдвига сетевой культуры литератора</i>	52
<i>Пашина Людмила Александровна. Геронтологическая мысль в эпоху постмодерна</i>	59
<i>Киричек Александр Владимирович, Ходикова Нина Анатольевна. Космические символы российской идентичности (на материале скульптурных композиций Москвы и Подмосковья)</i>	68
<i>Кузьмин Владимир Геннадьевич. Данность понятия в структуре бытия</i>	78

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гущина Галина Анатольевна, Булдакова Наталья Викторовна, Перепелица Светлана Александровна, Косцова Надежда Григорьевна, Какнаева Полина Вячеславовна. Демографические установки студенческой молодежи в контексте формирования новых семейных ценностей</i>	88
<i>Леонов Сергей Андреевич. Образовательный дефицит и профицит как педагогическая проблема в системе многоуровневого образования</i>	101
<i>Леушина Ирина Владимировна, Рябова Любовь Игоревна. Феноменология и профилактика профессионального выгорания преподавателя иностранного языка неязыкового вуза</i>	111
<i>Доброва Виктория Вадимовна. Композиция и структурные особенности речи педагога в педагогической ситуации</i>	121

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ершова Регина Вячеславовна, Соколова Анна Викторовна, Шляхта Дмитрий Александрович. Психометрическое обоснование многофакторной шкалы созависимости</i>	131
<i>Виноградова Яна Евгеньевна, Бызова Валентина Михайловна. Метакогнитивная включенность в интеллектуальную деятельность студентов на начальных и финальных курсах обучения в вузе</i>	143

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Tumin Alexander Yuryevich. The idea of serving the Fatherland as a traditional value in the paradigm of the formation of a modern sovereign Russian state.....</i>	7
<i>Shetulova Elena Dmitrievna. I. Kant's Philosophy as a subject of research in Soviet Philosophy</i>	18
<i>Mamchenkov Dmitry Valeryevich. How are teleological judgments possible in science?</i>	26
<i>Klepikova Liubov Vladimirovna. The concept of "nesting orientalism" in the Eastern European socio-philosophical discourse</i>	36
<i>Yakovleva Elena Ludvigovna, Darchinov Edgar Vadimovich. About the destructive elements of photos in social networks.....</i>	44
<i>Kostruykov Vladimir Evgenievich. In anticipation of the cyber-author as an anthropic shift in the network culture of the writer.....</i>	52
<i>Pashina Lyudmila Aleksandrovna. Gerontological Thought in the Postmodern era</i>	59
<i>Kirichek Alexander Vladimirovich, Khodikova Nina Anatolyevna. Cosmic symbols of Russian identity (based on the sculptural compositions of Moscow and the Moscow region).....</i>	68
<i>Kuzmin Vladimir Gennadievich. The reality of the concept in the structure of being.....</i>	78

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Gushchina Galina Anatolyevna, Buldakova Natalia Viktorovna, Perepelitsa Svetlana Alexandrovna, Kostsova Nadezhda Grigorievna, Kaknaeva Polina Vyacheslavovna. Demographic attitudes of students in the context of the formation of new family values.....</i>	88
<i>Leonov Sergey Andreevich. Educational deficit and surplus as a pedagogical problem in the system of multilevel education.....</i>	101
<i>Leushina Irina Vladimirovna, Ryabova Lyubov Igorevna. Phenomenology and prevention of professional burnout of a foreign language teacher at a non-linguistic university.....</i>	111
<i>Dobrova Victoria Vadimovna. Composition and structural features of a teacher's speech in a pedagogical situation.....</i>	121

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Ershova Regina Vyacheslavovna, Sokolova Anna Viktorovna, Shlyakhta Dmitry Alexandrovich. Psychometric substantiation of the multifactorial scale of codependency</i>	131
<i>Vinogradova Yana Evgenievna, Byzova Valentina Mikhailovna. Metacognitive involvement in the intellectual activity of students in the initial and final courses of study at the university</i>	143

Идея служения Отечеству как традиционная ценность в парадигме становления современного суверенного российского государства

Тумин Александр Юрьевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии,
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-9420-8149. E-mail: tumin-msk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается историческое развитие идеи служения Отечеству в российской духовной жизни, ее современное содержание и пути превращения в подлинную жизненную ценность для большинства граждан России, организующую и направляющую повседневную жизнь. Для исследования данной проблемы необходимо использование исторического, аксиологически-ценностного, интенционально-феноменологического, диалектического и общенаучного методов анализа и синтеза. В ходе исследования рассматривается парадигма развития России как суверенной державы. И в настоящий исторический период требуется активное участие большинства граждан в реализации государственных приоритетов, в связи с чем идея служения Отечеству как традиционной ценности имеет большое значение. Эта идея зародилась в глубокой древности и развивалась, обогащалась новыми чертами на всем протяжении истории России. Большую роль в превращении идеи служения Отечеству в реальную жизненную ценность играют образы героев, вышедших из народа и составляющих его важную основу. Служение Отечеству должно стать внутренней, институциональной идеей в сознании граждан, соответствовать современным параметрам России как многонациональной и поликонфессиональной страны.

Испытав в XX в. глубочайшие качественные трансформации, Россия в XXI в. обеспечивает в новых исторических условиях свое суверенное развитие. Для укрепления единства страны и сохранения ее духовной идентичности общество обращается к традиционным ценностям, прежде всего к идее служения Отечеству. Эта ценность, возникшая в древности, развивалась и дополнялась, преобразовывалась в ходе истории. Она должна иметь характеристики «всеединства», реально объединяя различные социально-политические подходы, национальные культуры и религиозные конфессии. Поэтому ценность служения Отечеству занимает ключевое место в парадигме становления современного, суверенного российского государства.

Результаты исследования могут применяться в идейно-воспитательной работе, преподавательской деятельности, а также в дальнейших исследованиях ментальных особенностей современного развития России.

Ключевые слова: традиционные ценности, служение Отечеству, многонациональность, поликонфессиональность, единство, суверенность.

Введение. Становление и укрепление современного российского государства проходит в сложных исторических условиях. Трагический распад Советского Союза в 1990-х гг. XX в. не сопровождался адекватной заменой прежних идеологических основ общества на новые. Попытки заимствования западных идеологических моделей, неадекватного возрождения идей из исторического прошлого России, нелепое отрицание необходимости наличия у государств каких-либо идейных оснований вообще – все это не способствовало реальному самоопределению современной России в новых исторических условиях, определению ее подлинных общегосударственных интересов, формированию патриотического гражданского сознания, а в конечном счете – достижению подлинного суверенитета России.

Изменение общественно-политической ситуации в 2000-е гг. вновь поставило вопросы идейных аспектов в сегодняшней парадигме становления современного суверенного россий-

ского государства. В данных условиях закономерно обращение к проблеме ценностей, воздействующих на граждан и ориентирующих их на определенную направленность их общественной активности.

Становление подлинной суверенности российского государства требует сохранения и укрепления преемственности с нашей великой историей. Поэтому естественно обращение к традиционным ценностям российской цивилизации. Однако это не должно вести к возврату к прошлому, к регрессу в любом виде. Сила традиции – в ее диалектическом единстве потенциалов сохранения и изменения, способности сохранять свои существенные качества преобразовывать формы их реализации в новых условиях.

Это относится и к наиболее значимой в контексте проблематики нашей работы ценности – идее служения Отечеству, рассмотрения развития этой ценности в истории России, специфики ее современного проявления в сознании граждан и путей приобщения людей к этой традиционной ценности. Этим вопросам и посвящено данное исследование.

Методология и методы исследования. Рассмотрение данной проблематики требует комплексной методологии, включающей в себя целый ряд методов. Прежде всего это исторический подход, выявляющий периоды формирования традиционных ценностей в истории российского общества, конкретно – идее служения Отечеству.

Аксиологический, ценностный подход используется при анализе идеи служения Отечеству не как теоретической, философской проблемы, а именно в качестве ценностной ориентации, не просто осознаваемой, а определяющей деятельность, поступки и мировоззрение людей, их жизненную позицию.

Исследование идеи служения Отечеству требует применения интенционально-феноменологического подхода. Поскольку интенциональность сознания означает его имманентную и необходимую направленность на некий «предмет», важным компонентом человеческого сознания является наличие общего осмысления, оценки жизненных ориентиров своей деятельности.

В самом интенциональном переживании выделяются два аспекта – когнитивный (понимаемый как «схватывание предмета переживания») и оценочный (смысловой, определяющий отношение к предмету). Соответственно, мы должны выявлять подобный интенциональный предмет, создающий основу человеческой деятельности, придающий ей смысл. Поэтому он должен обладать такими характеристиками, которые «схватывают» его и создают определенное эстетически-образное переживание данного предмета и его смысла, а также формируют позитивное отношение к нему.

Применяется и диалектический подход, поскольку многие особенности подобного интенционального предмета проявляются в противоречивой форме, тем не менее имеющей в основе некоторое единство.

Также в работе используются общенаучные методы анализа и синтеза при исследовании феноменов общественной психологии и рассмотрении различных теоретических концепций и прикладных исследований.

Обсуждения. На протяжении предыдущего XX в. Россия испытала глубочайшие качественные преобразования. Начав этот век Российской Империей, страна в процессе жесточайших конфликтов распалась и восстановилась уже в виде РСФСР, а затем СССР, стала одной из ведущих сверхдержав мира, определявших всемирную историю. В 1990-е гг. страна снова распалась, причем этот распад все еще порождает новые конфликтные ситуации на постсоветском пространстве и во всем мире.

Выйдя из прежнего состояния в качестве независимой Российской Федерации, находящейся в сложной системе связей с государствами СНГ, в 1990-е гг. Россия испытала серьезные экономические и социально-политические кризисы и оказалась под сильным политическим и идеологическим влиянием стран Запада, в особенности США, стала самостоятельной по ряду направлений экономического и научно-технического развития. С 2000-х гг., в XXI в. Россия начала восстанавливать свою самостоятельную, суверенную позицию во внутренней и внешней политике, все более решительно отстаивать свои жизненные интересы. Эта стратегия, с учетом все более активного и агрессивного противодействия ей со стороны «коллективного Запада», требует определенной духовной мобилизации граждан, их активного и деятельного патриотизма.

В нынешний исторический период Россия преодолела «постсоветский синдром» в том плане, что она сформировалась уже в новом качестве и находится в процессе становления по-настоящему суверенным государством, адекватным наступившей исторической эпохе и

способным эффективно решать свои проблемы. В настоящее время России необходимо обеспечить свою суверенную позицию и собственный путь развития через формирование новой идентичности, соответствующей ситуации XXI в. и одновременно обеспечивающей историческую преемственность с прошлым. Подобная парадигма становления суверенной державой XXI в. включает в себя необходимость обеспечения производственно-технологической и экономической самодостаточности, социальной стабильности, политической самостоятельности, высокого уровня научно-технической сферы, собственной богатой духовно-культурной жизни и объединяющих общество идейных ориентиров.

Реализация этой парадигмы возможна лишь при активном участии значительного большинства членов общества. При этом подобная активность не может ограничиваться ориентацией лишь на ближайшие, явные цели, т. е. быть целерациональной, направленной на достижение непосредственной, пусть и не только личной, но и общественной пользы. Направленность этой активности должна выходить за пределы ситуации и ее интересов и потребностей, быть ориентированной на более отдаленные перспективы, на реализацию определенных идеалов. Таким образом, она станет ценностно-рациональной, устремленной к воплощению в жизнь определенных духовных ценностей.

Подобная деятельность в масштабах всего государства возможна лишь при условии единства большей части его граждан, которые должны идентифицировать себя со своей страной, чувствовать приобщенность к ее исторической судьбе. А идентичность с определенной социальной общностью также определяется общими ценностными ориентирами.

Одной из ключевых проблем современной России является вопрос о тех ценностях, принятие которых формирует ее как современное, суверенное во всех смыслах государство. Однако ценностная сфера нашей страны и ее многонационального народа в XX в. также пережила серьезные потрясения. Имперская мораль построения идентичности на основе отношения к монарху была разрушена в годы революции и гражданской войны.

Несмотря на то, что новые ценности и новая идентичность «советского периода» включили в себя многие общезначимые ценности из прошлого исторического периода, они обладали качественной спецификой по отношению к дореволюционной России. Традиционные ценности определялись классовым подходом, пролетарской идеологией и коммунистическими идеалами, часто излишне гипертрофированными эти ценности. Советская система ценностей в последней четверти XX в. оказалась в ситуации кризиса, все больше играла роль скорее формальную и символическую, чем являлась реальным ориентиром для жизни и развития нашего общества. В этот же период все более широко в общественное сознание граждан СССР и стихийно, и целенаправленно внедряли западные «либеральные» ценности – прежде всего крайний индивидуализм, потребительство и космополитизм. После распада СССР в 1991 г. новая Россия в 1990-х гг. XX в. оказалась в духовном плане под мощным воздействием этих ценностей – фактически духовно дезориентирована.

С 2000-х гг. на фоне восстановления суверенной политики России влияние западных «либеральных» ценностей стало ослабевать под влиянием патриотических ценностей нашей Родины: чувства национальной гордости и достоинства, уважения к прошлому и исторической преемственности, заботы об общественных интересах, любви к Родине и стремлению служить Отечеству усилились.

Поскольку роль этих ценностей в решении стоящих перед Россией проблем постоянно возрастала, они стали предметом и общественного внимания, и государственной политики. Поэтому в программной статье Президента России В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» было обращено внимание на ценности, которые являются «общими для всех традиционных религий России» – милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда [15].

Вопрос о традиционных ценностях сегодня является важным фактором объединения и укрепления российской государственности и российского общества. Именно так конкретизируется понимание этих ценностей в послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 2021 г., где под их источником понимается наша «тысячелетняя история», сформировавшая «духовно-нравственные основы цивилизации каждого периода» [16].

Соответственно, во втором десятилетии XXI в. проблема традиционных ценностей начинает широко обсуждаться и отображаться в государственных документах по культурной политике. В этом, по мнению И. И. Горловой, проявился «... подход к традиционным ценностям

как призванным не допустить разобщенности общества и сохранить единство многонациональной страны» [6].

Однако, чтобы понять подобную роль традиционных ценностей, необходимо рассмотреть их специфику и особенности воздействия на общественную жизнь, особенно в интересующем нас аспекте. Основные направления государственной политики в этом направлении изложены в Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [22].

В данном Указе представлен перечень тех ценностей, которые на государственном уровне приняты как стратегические духовные ориентиры. Хотя некоторые авторы при обсуждении подобных проектов предлагали дополнить его, например, «книжной культурой» [18, с. 122], выделенный в Указе набор ценностей представляется достаточно обоснованным.

Прежде всего, отмеченные в Указе ценности складываются в определенные структуры, регулирующие различные направления общественной жизни. Так, граждански-патриотические позиции обеспечивают, в первую очередь, такие ценности, как «патриотизм» и «гражданственность», во многом определяющие такую ценность, как «служение Отечеству и ответственность за его судьбу». Как отмечают в своих работах М. Е. Иванова и Н. В. Резепова, ценность «служения Отечеству» существует «в непосредственном сопряжении с ценностями патриотизма и гражданственности» [9, с. 41]. Полагаем, что эти ценности опираются на историческую память и преемственность поколений. Одновременно и условием, и итогом реализации в жизни российского общества данных ценностей является такая важная составляющая, как «единство народов России».

В общем плане все отмеченные в Указе ценности так или иначе связаны в определенную целостную систему, однако в ней мы обнаруживаем некоторые подсистемы. Ключевой в нашем рассмотрении ценности – служении Отечеству – уделяется особое внимание, и данная система ориентиров содействует ее реализации, хотя имеются и такие самостоятельные ориентации, как «высокие нравственные идеалы». Служение Отечеству связано с выходом за пределы непосредственной пользы или блага для индивида или узкого круга его близких, «приоритет духовного над материальным» (по тем же основаниям), «созидательный труд» (может реализоваться не как самоценный, а как служение Отечеству, например, творческая деятельность М. В. Ломоносова, С. П. Королева и др.), «крепкая семья» (чувство семьи, забота о ней – связаны с чувствами к Отечеству).

Рассмотрим нашу проблематику в контексте интенционально-феноменологического подхода. Согласно этому подходу, формирование «жизненного мира» личности и ее «трансцендентальной субъективности» является основой понимания своего места и роли в общественной жизни, коррелированной с «объективированной субъективностью», т. е. общей направленности человеческой активности. Поэтому необходимо формирование в сознании человека соответствующего интенционального предмета. В этих целях для развития у граждан устойчивой ценностной патриотической ориентации необходимо создание интенционального образа России – Отечества. Этот образ должен быть связан с его высшей позитивной оценкой и сопровождаться волевым стремлением к служению Отечеству. Только в том случае, когда знания и образы дополнены ценностно-волевыми интенциями, в сознании людей формируются ценностные позиции, ориентирующие, направляющие и организующие реальную человеческую деятельность. В этом плане идея служения Отечеству должна стать определенным, не всегда «явным» дополнением ко всем повседневным делам граждан, своеобразным логическим «фоном», «подтекстом» в текущей деятельности.

Необходимо четко фиксировать в сознании граждан позитивный интенциональный образ России как Отечества, сопряженный с его высшей оценкой и волевой ориентацией на достойное служение ему. Только тогда идея служения Отечеству действительно станет реальным ценностным ориентиром для жизни и деятельности большинства граждан. Поэтому современная Россия как Отечество должна восприниматься именно как общая Родина, в единстве всех ее народов, регионов, культур и конфессий. Формирование именно такого, ценностно насыщенного образа России – ключевая идейная проблема сегодня.

В формировании сознания граждан интенционального предмета – ценностно насыщенного образа Отечества – большое значение имеет их приобщение к историческому знанию. Роль истории в патриотическом воспитании подчеркивается в недавнем Указе Президента России В. В. Путина от 08 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной полити-

ки Российской Федерации в области исторического просвещения» [23]. Патриотическое сознание включает в себя понимание истории и современной жизни России, ее важнейших достижений и исторических перспектив. Полагаем, что здесь важно обратить внимание и на евразийские основы российской цивилизации, и на объективные предпосылки единства ее народов.

Результаты исследования. В чем же проявляется специфика идеи служения Отечеству именно как традиционной ценности России, каково содержание ее в современных условиях, в чем ее роль для страны? Это – важнейшие методологические проблемы, решение которых должно помочь усовершенствовать реальную деятельность по формированию патриотических позиций российского общества.

Традиционные ценности – это те духовные ориентиры, которые определяют жизнь и развитие определенных социальных сообществ на протяжении их истории, сплачивают эти сообщества, сохраняют их идентичность. Опора на традиционные ценности сама понимается как одна из традиционных ценностей современной России, как «историческая память и преемственность поколений».

В. Н. Дежнев и О. В. Новикова основными характеристиками традиционных ценностей считают следующие: «истoki в прошлом, результат исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации»; они «базовые, фундаментальные, стержневые, основополагающие, системообразующие»; «обеспечивающие идентификацию личности, общества, цивилизации»; это «национальное, цивилизационное своеобразие понимания, актуализация общечеловеческих ценностей»; «национальное, цивилизационное своеобразие выстраивания иерархии и системы ценностей» [8, с. 74].

Полагаем, следует исходить из понимания традиционных ценностей как имеющих глубокие исторические корни и сохраняющих преемственность в различные эпохи; как базовых, основополагающих для культуры данной общности; как идентифицирующих данную общность и его членов; как своеобразно преломляющих общечеловеческие ценности в рамках культуры данной общности. Очевидно, что все эти характеристики присущи такой нравственной ценности, как идея служения Отечеству, и должны учитываться при ее рассмотрении, причем именно как одной из основополагающих традиционных ценностей российского общества.

В этом плане нельзя вполне согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что в России ценность служения Отечеству формируется со времен Петра I. Очевидно, что здесь требуются уточнения. Так, в статье Л. И. Бондаренко и Е. А. Овчинниковой «служение» и «служба государству» как определенные понятия хоть и относятся к эпохе Петра I [3, с. 217], однако зарождение идеи «служения» как нравственного действия во имя внешних целей относится еще к военному эпосу [3, с. 215], а затем эта идея рассматривается у русских просветителей XVIII в., рассуждавших о «нравственном служении» обществу [3, с. 219], а далее – у декабристов: главным для них был «принцип патриотизма, понимаемый как служение Отечеству», «вносивший особый нравственный смысл в отношение к государственной службе», хотя этот принцип и оставался утопической этикой «абстрактной идеи» [3, с. 221].

Такое общественное явление, как «служение» чему-то более высокому, чем повседневные потребности, существовало с глубокой древности (служение божествам, правителям, своему племени). То есть, можно говорить о существовании данной ценности практически с самого возникновения социума, а еще более определенно – с формирования первых государственных образований. При этом и четкое понятие «служение Отечеству», и, тем более, соответствующий термин, – могли возникнуть значительно позже. В этом плане мы согласны с М. Е. Ивановой и Н. В. Резеповой, которые полагают, что «идеал служения как высшей ценности, значимой для страны и народа, формируется в национальной культуре с глубокой древности», причем его «наглядным образом в русском национальном сознании всегда выглядели герои» [9, с. 43].

Действительно, уже К. С. Аксаков обратил внимание на то, что богатыри русских былин – это идеальный образ защитника своего Отечества. И наиболее это характерно для образа самого любимого народом богатыря – Ильи Муромца. «Полный неодолимой силы и непобедимой благодати, он, по нашему мнению, представитель, живой образ русского народа», – писал К. С. Аксаков [1, с. 120]. Отметим, что это понимание героев народного эпоса как образцов служения Отечеству, своему народу развивается и современными авторами. А. Х. Давлеткулов писал: «Батыр башкирского эпоса – это выражение идеалов и стремлений своего народа на сложных, переломных и судьбоносных этапах его истории» [7, с. 201].

Далее идея служения Отечеству раскрывалась акцентами, охватывая новые сферы и формы деятельности, сохраняя и развивая прежние (образ героя как наглядного воплощения ценностей данного общества. Например, в СССР возникло понятие «героизм в труде»).

В этой связи еще раз обратим особое внимание на то, что идея служения Отечеству, как и все традиционные ценности, сохраняясь в своем существенном содержании на протяжении всего исторического развития определенных народов, в этом процессе развивается, раскрывает новые стороны, проявляется в иных сферах. Учитывая рассмотренные выше качественные трансформации, имевшие место в истории России, мы можем полагать, что определенные изменения должны были происходить и в содержании идеи служения Отечеству как одной из ключевых ценностей общества.

В XX–XXI вв. представления об идейной, культурной определенности патриотизма претерпели значительные изменения, связанные преимущественно с переходом от религиозно-философского рассмотрения патриотизма как формы реализации любви к Богу к нейтральной социально-феноменологической позиции, характеризующей патриотизм в качестве одной из форм социального мировоззрения, определяющей систему отношений между человеком и его страной [22, с. 164].

Так, если в Российской Империи официальная версия патриотизма строилась по формуле «Православие. Самодержавие. Народность», т. е. религиозная идентичность ставилась на первое место (например, в тексте российского государственного гимна «Боже, Царя храни!»), то Советская республика сначала руководствовалась лозунгом – «Пролетарии не имеют Отечества». Однако вскоре стала ясной необходимость обращения не только к классовым чувствам, но и к патриотизму. «Социалистическое Отечество в опасности!» – стало новым лозунгом Отечества.

В дальнейшем, по мере угасания надежд на скорую Мировую революцию, роль патриотических аспектов в идеологии СССР постоянно возрастала. Однако, в советском патриотизме на первый план выдвигались социально-политические позиции страны, ее значение в мировой истории, понимаемой в тот период прежде всего как мировой переход к социалистическому и коммунистическому общественному устройству.

Важное место в патриотическом самосознании заняли такие достижения СССР, как Победа в Великой Отечественной войне и успешное освоение космического пространства. После распада СССР и последующих глубоких социальных трансформаций в России, в кризисные 1990-е гг. патриотические ценности в общественной жизни страны усиленно подавлялись и вытеснялись либерально-космополитическими и прозападными, а также националистически-сепаратистскими идеями.

В сложившейся ситуации формировалась иная, скорее деформированная система ценностей в общественной жизни России. Не находя в современной жизни достойных ценностных ориентиров, граждане искали основу для патриотических чувств в своей истории. Еще в начале 2000-х гг. В. В. Калмыков отмечал: «Мы гордимся тем, что было достаточно давно» [11, с. 3]. Однако с 2000-х гг. начался процесс восстановления подлинной суверенности России. На смену попыткам насаждения ценностных ориентаций на крайний индивидуализм, как подчеркивают исследователи, в российском обществе вновь пришло патриотическое сознание [11, с. 31].

Наконец, в условиях решительного противостояния России агрессивному давлению «коллективного Запада» влияние ценностей патриотизма и служения Отечеству значительно возросло. Тем более данный процесс вышел на качественно новый уровень в связи с началом специальной военной операции (СВО) по защите целостности и безопасности страны. Как отмечают О. Карпович и Л. Смагина, возникают «идеологемы СВО», в основе которых лежит «служение Отечеству», патриотизм, взаимопомощь, справедливость» [12]. Эти сложные процессы в духовной жизни общества требуют также конкретного подхода к пониманию ценности служения Отечеству в современный период.

Сохраняя преемственность с народными, из глубины веков идущими чувствами и ориентирами, нынешнее понимание идеи служения Отечеству как базовой ценности современной России должно соответствовать не только ее состоянию и насущным проблемам, но и ее специфической многонациональности и поликонфессиональности, ее историческому пути и перспективам. Прежде всего необходимо отметить, что при сохранении особого значения у воинского служения Отечеству подобным служением может быть любая общественно-полезная деятельность.

Идею служения Отечеству следует понимать как феномен, объединяющий представителей всех наций и религиозных конфессий России. Наконец, служение Отечеству в современной России должно, в качестве традиционной ценности, сохранять связь сегодняшнего дня с истоками истории страны. Но в то же время оно должно быть направлено и на стимулирование прогресса, развитие страны.

Опора на традиционные ценности ни в коем случае не означает стремление остановить прогресс, уйти в прошлое. Дело в том, что подлинное творчество – это не полное отрицание старого, не абсолютизация любой «новизны» как обязательно позитивного явления, не эгоистически-индивидуалистическое «самовыражение». Все это – социально-культурные миры, согласно которым все традиционное понимается как помеха прогрессу и «предрассудкам, подлежащим тотальному отрицанию».

Эти идеи получили широкое распространение в современной культуре западных стран. При этом «творческое самовыражение» личности, лишенной традиционных духовных опор, становится поверхностным произволом, эпатажем, не затрагивающим основ общественной жизни и безопасным для тех сил, которые реально управляют обществом. А «креативная личность», пустая в идейном отношении, становится удобным объектом для идеологического манипулирования, поскольку сама не имеет устойчивых ценностных ориентиров. Соответственно в разряд «предрассудков», с подобных позиций, попадает и идея служения Отечеству, заменяясь якобы «общечеловеческими», а на деле прозападными глобалистскими ценностями.

Обратимся к идее служения Отечеству именно в ключе ее отношения к прогрессу общества. Отечество, обладающее самобытностью и самоценностью, является единством исторической судьбы и базовых ценностных ориентиров бывших и будущих поколений. Это основание и опора бытия патриотической личности. Требуется ли подобный подход полной консервативности и отрицания прогресса и творчества? На самом деле это совсем не так.

Традиционные ценности отнюдь не требуют застоя и неизменности в жизни общества. Несовместимы они и с возвратом к внешним формам жизни в прошедшие эпохи. Истинно традиционные ценности – это духовные ориентиры, по-разному проявляющиеся в конкретных исторических условиях, но всегда сохраняющие свое активное, существенное, принципиальное содержание. Поэтому приверженность традиционным ценностям не только не отвергает, но прямо предполагает обновленное прочтение, в полной мере раскрывающее их потенциал в изменившихся условиях. Отвергаются в этом случае лишь сомнительные «новации ради новаций».

Изменения в общественной жизни, в отношениях между людьми, в социальной структуре – все это изменяет и формы реализации традиционных ценностей, в том числе идею служения Отечеству. Однако сохраняется и по-новому проявляется ее существенное содержание – отношение к Отечеству как к высшему, наиболее значимому для личности смыслу.

Специфика отношения традиции и творчества в общественной жизни состоит в том, что традиция не только не отвергает творчество, но обязательно для своей успешной реализации предполагает и обуславливает его. Традиция обеспечивает глубину творческого действия, помогает его развитию. Но и сама традиция для своего полноценного сохранения нуждается в творческом подходе ее осмысления. И органичную связь прошлого с настоящим и будущим, устойчивое прогрессивное развитие, осуществляющееся на основе достигнутого на пройденном историческом пути, обеспечивает именно опора на традиционные ценности, в особенности – на идею служения Отечеству.

Идея беззаветного служения Отечеству выступает как одна из наиболее значимых традиционных духовно-нравственных ценностей. В России это имеет глубокие исторические корни, обеспечивает культурную преемственность в различные эпохи, сохраняя и укрепляя духовную идентичность российского народа как социальной общности. Традиционность, историзм этой важнейшей ценности дает возможность привлечь к ее актуализации в обновившейся жизни общества богатый позитивный опыт из прошлых эпох, при этом сохраняя в главном и существенном ментальное единство поколений, что обеспечивает сохранение сознания идентичности народа.

Восприятие идеи служения Отечеству как одной из базовых, государственных ценностей также должно преодолевать те идейные расхождения, которые разделяли патриотов России на предыдущих этапах нашей истории. Как отмечает В. И. Винокуров, на данном этапе развития России нужно опираться на основные духовные ценности, которые выстраиваются независимо от социально-экономической модели общества в конкретный исторический период [5].

Осмысление идеи служения Отечеству включает в себя три основных момента. Во-первых, она должна быть совместима с частными ее интерпретациями в различных этнических и конфессиональных общностях. Во-вторых, сам термин «Отечество» следует понимать в наиболее широком смысле, не только актуально, но и потенциально охватывающем все проявления России. В-третьих, это служение должно быть ориентировано не только на Россию, но и на весь контекст мировых проблем, в котором она находится. С чем связаны данные моменты, которые мы считаем необходимыми для формирования в современной России идеи служения Отечеству как всеобщей базовой ценности ее граждан?

Прежде всего, данная идея не должна противоречить традиционным ценностям. Крупный отечественный мыслитель С. Н. Булгаков писал: «Мы сознаем себя членами нации потому, что реально принадлежим к ней, как к живому духовному организму» [4, с. 438]. А попытки искусственно формировать некие «новые» национальные общности из существенно различных по своим культурам этносов, препятствуя их нормальному национальному развитию, – способны привести к стихийному возникновению своеобразных «патогенных социальных мутаций» и появлению новых опасных общностей.

Ослабление влияния традиционных национально-культурных ценностей может привести к искаженному восприятию религиозных, языковых, культурных, региональных идейно-политических и иных абстрактно абсолютизирующих моментов. В итоге, как отмечают некоторые авторы, возникнут социальные общности, которые «лишены исторического опыта сотрудничества и компромиссов» и «изначально агрессивны и экстремистски ориентированы на «захват» себе места в бытии» [17, с. 125].

Поэтому служение Отечеству на нынешнем этапе, согласно концепциям выдающихся русских философов, должно быть сопряжено с идеями служения своему этносу или своей конфессии в отношениях своеобразного «всеединства». Основоположник философии всеединства В. С. Соловьев писал: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всем. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [19, с. 552].

Полагаем, для того, чтобы проявлять качества всеединства идеи служения своему народу, региону, вере, российская ценность служения Отечеству должна опираться на широкое понимание России не как «национального государства», а как «государства-цивилизации», издавна формировавшегося целым рядом народов на просторах Евразии.

Идеи русских «евразийцев» первой половины XX в. носили в большей степени философско-идеологический характер, а концепции Л. Н. Гумилева часто воспринимались как слишком умозрительные и гипотетичные. Но во второй половине XX в. «евразийский менталитет», исторически формировавшийся в общем культурном пространстве Евразии, на конкретном этнографическом и историческом материале исследовал известный российский историк и этнолог Р. Г. Кузеев [14, с. 219]. Эти идеи, будучи новаторскими на том этапе, предвосхитили философское понимание такой общности, как российский народ, базирующейся на богатых историко-культурных традициях многих поколений и цивилизаций. И патриотизм с его проявлениями, в частности, в служении Отечеству, является важнейшей и неотъемлемой частью укрепления и развития российского государства.

Однако, патриотическое служение Отечеству, опирающееся на евразийское самосознание, необходимо дополнить еще одним акцентом, причем, на первый взгляд, достаточно парадоксальным. Е. Н. Трубецкой отмечал: «Особенность русского патриотизма заключается в том, что он никогда не воодушевляется идеей Родины как таковой, служением русскому как таковому ... Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом» [20, с. 18]. Эту особенность русского патриотизма Н. А. Бердяев объяснял так: «С древних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира» [2].

Это качество, присущее народам России, связано с такой особенностью русской мысли, как способность постигать мир в особой, отрицательно-положительной антиномической конъюнкции явно противоречивых признаков и реалий, соединяя их во вполне определенное антиномично-целостное единство, как справедливо отмечает П. В. Калитин [10, с. 77–78].

В современной Российской Федерации идея служения Отечеству сплачивает ее граждан, объединяя все патриотические чувства и благородные идеалы, обращая их к высоким ценно-

стям в деле не только обеспечения суверенитета и прогресса России, но и включая в ситуацию поддержания подлинно человеческих, традиционных ценностей во всем мире.

Так формируется та общность народа, которую Л. П. Карсавин обозначил как «соборный, или симфонический» субъект. «Симфонический субъект не агломерат или простая сумма индивидуальных субъектов, но их согласование (симфония), согласованное множество и единство и – в идеале и пределе – всеединство», – пишет Л. П. Карсавин [13, с. 176].

Полагаем, эти идеи вполне актуальны и в современных условиях.

Заключение. Идея служения Отечеству является той традиционной духовной ценностью, которая необходима для успешного становления современного суверенного Российского государства. Она формируется с глубокой древности, причем ее содержание постоянно развивается и дополняется, учитывая многие качественные трансформации российского общества за всю его историю.

Современное понимание идеи служения Отечеству в России связано с ее объединяющей в единые патриотические чувства ролью, с позитивно воспринимаемой многонациональностью и поликонфессиональностью российского общества, его евразийской и всеединой природой, антиномически совмещающей суверенность и самобытность России с позицией защиты подлинно человеческих ценностей в мире. Развитие идеи служения Отечеству – одна из ключевых задач современной духовной жизни России.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Богатыри времен Великого князя Владимира: по русским песням / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М. : Современник, 1982. 193 с. С. 89–139.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567/> (дата обращения: 14.07.2024).
3. Бондаренко Л. И., Овчинникова Е. А. Концепт «служения» в нравственной культуре России. URL: <https://www.ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/dethics/article/view> (дата обращения: 14.07.2024).
4. Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1993. 752 с.
5. Винокуров В. И. Защита традиционных ценностей и проблемы национальной безопасности // Дипломатическая служба. 2021. № 6. URL: <https://panor.ru/articles/zashchita-traditsionnykh-tsennostey-i-problemy-natsionalnoy-bezopasnosti/74636.html> (дата обращения: 12.07.2024).
6. Горлова И. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-normativno-pravovykh-dokumentah-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-puti> (дата обращения: 03.07.2024). DOI: 10.34685Л-Л.2021.95.60.018.
7. Давлеткулов А. Х. Проблемы художественно-этического осмысления истории этноса в башкирском эпосе: опыт социально-философского анализа. Уфа : Башгоспединститут, Иммунопрепарат, 1998. 213 с.
8. Дежнев В. Н., Новикова О. В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 03.07.2024).
9. Иванова М. Е., Резепова Н. В. Служение Отечеству и ответственность за его судьбу – традиционная ценность многонационального народа России // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 176. Т. 2. С. 40–48.
10. Калитин П. В. Антиномия «не-сущего» в русском самопознании // Вестник Московского университета. Серия 7. 1996. С. 78–89.
11. Калмыков В. В. Служение Отечеству и патриотизм в системе ценностей допризывной молодежи современной России : дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2009. 33 с.
12. Карпович О., Смагина Л. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. 2023. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2772> (дата обращения: 03.07.2024).
13. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М. : Наука, 1993. 368 с.
14. Кузеев Р. Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М. : ЦИМО, 1999. 371 с.
15. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Этнодиалоги. 2012. № 1 (38). С. 8–26.
16. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 21.04.2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 03.07.2024).
17. Семенов С. Н., Семенова А. Н. Ориентиры национальной политики: постметанации или национальная духовность // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. № 6. С. 124–127.
18. Соколов А. В., Тургаев А. С. Традиционные ценности и книжная культура // Научные и технические библиотеки. 2022. № 7. С. 116–128. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-7-116-128.

19. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Кризис западной философии (против позитивистов) / Академия наук СССР. Институт философии. М. : Мысль, 1988. 822 с.
20. Трубецкой Е. Н. Смысл войны. Вып. I. Москва, 1914. 47 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3174/10113/> (дата обращения: 03.07.2024).
21. Тумин А. Ю. Культура патриотизма как научное понятие в современной социальной философии: актуализация проблемного поля // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19. № 1. С. 158–166.
22. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 10.06.2024).
23. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 10.06.2024).

The idea of serving the Fatherland as a traditional value in the paradigm of the formation of a modern sovereign Russian state

Tumin Alexander Yuryevich

PhD in Law, deputy head of the Department of Philosophy,
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-9420-8149. E-mail: tumin-msk@mail.ru

Abstract. The article examines the historical development of the idea of serving the Fatherland in Russian spiritual life, its modern content and ways of turning it into a genuine vital value for the majority of Russian citizens, organizing and guiding everyday life. To study this problem, it is necessary to use historical, axiological-value, intentional-phenomenological, dialectical and general scientific methods of analysis and synthesis. The research examines the paradigm of Russia's development as a sovereign power. And in this historical period, the active participation of the majority of citizens in the implementation of state priorities is required, and therefore the idea of serving the Fatherland as a traditional value is of great importance. This idea originated in ancient times and has been developed and enriched with new features throughout the history of Russia. An important role in turning the idea of serving the Fatherland into a real life value is played by the images of heroes who came from the people and form its important basis. Service to the Fatherland should become an internal, institutional idea in the minds of citizens, and correspond to the modern parameters of Russia as a multinational and multi-confessional country.

Having experienced the deepest qualitative transformations in the 20th century, Russia in the 21st century ensures its sovereign development in new historical conditions. In order to strengthen the unity of the country and preserve its spiritual identity, society turns to traditional values, primarily to the idea of serving the Fatherland. This value, which originated in ancient times, has been developed and supplemented, transformed over the course of history. It should have the characteristics of an "all-unity", really uniting various socio-political approaches, national cultures and religious denominations. Therefore, the value of service to the Fatherland occupies a key place in the paradigm of the formation of a modern, sovereign Russian state.

The results of the research can be applied in ideological and educational work, teaching, as well as in further research on the mental characteristics of modern development in Russia.

Keywords: traditional values, service to the Fatherland, multinational, multi-confessional, unity, sovereignty.

References

1. Aksakov K. S. *Bogatyri vremeni Velikogo knyazya Vladimira: po russkim pesnyam* [Heroes of the time of Grand Duke Vladimir: according to Russian songs] / K. S. Aksakov, I. S. Aksakov. Literary criticism. M. Sovremennik, 1982. Pp. 89–139.
2. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Available at: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567/> (date accessed: 14.07.2024).
3. Bondarenko L. I., Ovchinnikova E. A. *Koncept "sluzheniya" v npravstvennoj kul'ture Rossii* [The concept of "service" in the moral culture of Russia]. Available at: <https://www.ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/dethics/article/view> (date accessed: 14.07.2024).
4. Bulgakov S. N. *Sochineniya : v 2 t. T. 2* [Essays : in 2 vols. Vol. 2]. M. Nauka (Science), 1993. 752 p.
5. Vinokurov V. I. *Zashchita tradicionnykh cennostej i problemy nacional'noj bezopasnosti* [Protection of traditional values and problems of national security] // *Diplomaticheskaya sluzhba* – The diplomatic service. 2021. No. 6. Available at: <https://panor.ru/articles/zashchita-traditsionnykh-tsennostey-i-problemy-natsionalnoy-bezopasnosti/74636.html> (date accessed: 12.07.2024).

6. Gorlova I. I. *Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v normativno-pravovykh dokumentah Rossijskoj Federacii: sostoyanie i puti sovershenstvovaniya* [Traditional spiritual and moral values in the normative legal documents of the Russian Federation: the state and ways of improvement] // *Kul'turologicheskij zhurnal* – Cultural Journal. 2021. No. 2 (44). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-normativno-pravovykh-dokumentah-rossiyskoj-federatsii-sostoyanie-i-puti> (date accessed: 03.07.2024). DOI: 10.34685L-L.2021.95.60.018.
7. Davletkulov A. H. *Problemy hudozhestvenno-eticheskogo osmysleniya istorii etnosa v bashkirskom epose: opyt social'no-filosofskogo analiza* [Problems of artistic and ethical understanding of the history of an ethnic group in the Bashkir epic: the experience of socio-philosophical analysis]. Ufa. Bashkir Medical Institute, RIO "Immunopreparat", 1998. 213 p.
8. Dezhnev V. N., Novikova O. V. *Tradicionnye cennosti: k opredeleniyu ponyatiya* [Traditional values: towards the definition of the concept] // *estnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Shadrinsky State Pedagogical University. 2015. No. 4 (128). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya> (date accessed: 03.07.2024).
9. Ivanova M. E., Rezepova N. V. *Sluzhenie Otechestvu i otvetstvennost' za ego sud'bu – tradicionnaya cennost' mnogonacional'nogo naroda Rossii* [Service to the Fatherland and responsibility for its fate is a traditional value of the multinational people of Russia] // *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura* – Ethnosocium and interethnic culture. 2023. No. 176. Vol. 2. Pp. 40–48.
10. Kalitin P. V. *Antinomiya "ne-sushchego" v russkom samopoznanii* [The antinomy of "non-existent" in Russian self-knowledge] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of Moscow University. Series 7. 1996. Pp. 78–89.
11. Kalmykov V. V. *Sluzhenie Otechestvu i patriotizm v sisteme cennostej doprizyvnoj molodezhi sovremennoj Rossii : diss. ... kand. filos. nauk* [Service to the Fatherland and patriotism in the value system of pre-conscription youth of modern Russia : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Krasnodar, 2009. 33 p.
12. Karpovich O., Smagina L. *Koncepciya tradicionnykh duhovno-nravstvennykh cennostej v mezhdunarodnykh otnosheniyah: rossijskij podhod* [The concept of traditional spiritual and moral values in international relations: the Russian approach] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International life. 2023. No. 1. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2772> (date accessed: 03.07.2024).
13. Karsavin L. P. *Osnovy politiki* [Fundamentals of politics] // *Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologiya* – Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation. Anthology / ed. by L. I. Novikova, I. N. Sizemskaya. M. Nauka (Science), 1993. 368 p.
14. Kuzev R. G. *Demokratiya. Grazhdanstvennost'. Etnichnost'* [Democracy. Citizenship. Ethnicity]. M. CIMO, 1999. 371 p.
15. Putin V. V. *Rossiya: nacional'nyj vopros* [Russia: the national question] // *Etnodialogi* – Ethnology. 2012. No. 1 (38). Pp. 8–26.
16. Putin V. V. *Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii 21.04.2021 g.* [Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on 21.04.2021]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (date accessed: 03.07.2024).
17. Semenov S. N., Semenova A. N. *Orientiry nacional'noj politiki: postmetanacii ili nacional'naya duhovnost'* [Guidelines for national policy: postmetanation or national spirituality] // *Istoricheskij byulleten'* – Historical herald. 2022. Vol. 5. No. 6. Pp. 124–127.
18. Sokolov A. V., Turgaev A. S. *Tradicionnye cennosti i knizhnaya kul'tura* [Traditional values and book culture] // *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* – Scientific and Technical libraries. 2022. No. 7. Pp. 116–128. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-7-116-128.
19. Solov'ev V. S. *Sochineniya : v 2 t. T. 2. Krizis zapadnoj filosofii (protiv pozitivistov)* [Essays : in 2 vols. Vol. 2. The crisis of Western philosophy (against the Positivists)] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy, M. Mysl (Thought), 1988. 822 p.
20. Trubeckoj E. N. *Smysl vojny. Vyp. I* [The meaning of war. Is. I]. M. 1914. 47 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3174/10113/> (date accessed: 03.07/2024).
21. Tumin A. Yu. *Kul'tura patriotizma kak nauchnoe ponyatie v sovremennoj social'noj filosofii: aktualizaciya problemnogo polya* [Culture of patriotism as a scientific concept in modern social philosophy: Actualization of the problem field] // *Gumanitarnyj vektor* – Humanitarian vector. 2024. Vol. 19. No. 1. Pp. 158–166.
22. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date accessed: 10.06.2024) (in Russ.).
23. Decree of the President of the Russian Federation dated 08.05.2024 No. 314 "On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of historical education". Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (date accessed: 10.06.2024) (in Russ.).

Поступила в редакцию: 25.07.2024

Принята к публикации: 06.12.2024

УДК 141

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.033

Философия И. Канта как предмет исследования в советской философии

Шетулова Елена Дмитриевна

доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки,
Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-2414-4370. E-mail: shetulowa@yandex.ru

Аннотация. И. Кант является одним из тех философов, чьи идеи были интересны и востребованы отечественной философией, начиная с первоначального знакомства с ними ещё при его жизни, и до сегодняшнего дня. Анализ кантианства поэтому выступает как необходимая составная часть интеллектуальной истории России. Однако в настоящий момент в наибольшей степени его значимость и влияние раскрыто применительно к дореволюционному периоду. Отсюда цель статьи заключена в выявлении основных этапов анализа кантианства в рамках советской философии и специфики оценивания учения Канта в этот период. Исследование этого вопроса обладает достаточной историко-философской актуальностью, как ввиду значимости фигуры Канта и диалогичности русско-немецких философских связей, так и диалогичности внутри самой отечественной философии. Решение поставленной цели осуществлено посредством обзорно-аналитической работы. Основные результаты предпринятого исследования выражаются в следующих утверждениях. Первое – интерес к кантовской философии в советское время носил некоторый «волнообразный» характер, но идеи Канта были предметом рассмотрения на всём протяжении существования и развития советской философии. Второе – в анализе кантовской философии можно выделить четыре основных периода: 20-е годы; 30-е – 40-е годы; 50-е – начало 80-х годов; середина 80-х – начало 90-х годов XX века. Третье – оценивание идей Канта в эти периоды характеризуется как общностью, так и различием. Общность заключается в базовых положениях, исходящих из классического марксистского истолкования немецкого философа как диалектического идеалиста, основоположника немецкой классической философии, создателя определённой формы агностицизма. Различие обуславливается рядом внешних по отношению интеллектуальной жизни обстоятельств и также «волнообразно», от объективности к выраженной идеологизации и возвращению к объективности. Четвёртое – советской философии удалось достичь ряда значимых результатов в осмыслении Канта, ставших фундаментом дальнейших исследований в условиях возвращения к философскому плюрализму в постсоветской России.

Ключевые слова: интеллектуальная история, диалог, советское кантоведение, марксизм, идеология.

Введение. Иммануил Кант один из тех философов, чье творчество привлекало большое внимание при жизни и продолжает оказывать огромное воздействие на философскую мысль до сих пор. По некоторым сведениям, в период жизни Канта ежегодно выходило 5–6 статей, посвященных ему, в современную эпоху ежедневно издается две книги, анализирующие его идеи [23, с. 145–146]. Этот анализ, в том числе, широко представлен в отечественной литературе. Так, по данным интернет-ресурса «Kant online» русская кантиана 1803–1918 гг. составляет 336 изданий, а советская и российская литература о Канте 1919–1994 гг. насчитывает 750 монографий и статей [29; 30]. Соответственно идеи Канта были интересны и востребованы отечественной философией.

Интерпретация влияния Канта на русскую мысль, начиная с момента первоначального знакомства с ним и на протяжении всего последующего времени, содержится в статье М. Н. Громова. К аспектам воздействия Канта и его учения этот автор относит:

- 1 – непосредственное знакомство с философом, слушание его лекций, беседы и переписка с ним;
- 2 – изучение его трудов, как на языке оригинала, так и в переводе;
- 3 – распространение учения Канта в России немецкими и отечественными преподавателями;
- 4 – слушание лекций в немецких университетах, где излагались идеи Канта, российскими студентами и стажерами;
- 5 – изучение исследовательских трудов европейских специалистов, посвященных философу, включая прокантианскую и антикантианскую литературу;
- 6 – рассмотрение российского кантоведения и разнообразных точек зрения на Канта и его учение;

7 – оценка современного интереса к Канту и его трудам в России [5, с. 75–76].

Практически общепризнано, что отечественная философия в своей истории прошла три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Любой из этих периодов, среди прочего, как видим, одной из важных тем имел и имеет философию Канта. Цель данной статьи заключена в выявлении основных этапов анализа кантианства в рамках советской философии как одного из важных и интересных этапов в развитии отечественной мысли и специфики оценивания учения Канта в этот период.

Исследование этого вопроса, как представляется, обладает достаточной историко-философской актуальностью. Историко-философский смысл раскрытия концептуальных различий осмысления идей И. Канта в отечественной философии, с одной стороны, обусловлен значимостью фигуры великого немецкого философа в мировой философии и диалогичностью русско-немецких философских связей. С другой стороны, необходимостью выявления как преемственности, так и «разрывов» в истории отечественной философии. Это тем более важно, что, как справедливо отмечает Т. В. Наумова, в изучении ее истории сложилась некоторая парадоксальная ситуация, связанная с феноменом недостаточной исследовательской активности в рассмотрении одного из базовых этапов, а именно советской философии [22, с. 107]. И только в самое последнее время ситуация начинает меняться (здесь можно назвать работы Т. И. Адуло, Р. А. Зайцева, С. Н. Корсакова, Ю. В. Пущаева, А. В. Черняева) [1; 9; 13; 27; 32].

Исследование советского кантоведения обладает достаточной теоретической и методологической базой, так как в СССР была проделана колоссальная работа, результатом которой является объемный и развернутый анализ жизни, деятельности, идей великого немецкого философа. В рамках данной статьи в качестве источников преимущественно выступили труды В. Ф. Асмуса, А. С. Богомолова, А. В. Гулыги, О. Г. Дробницкого, Л. А. Калининкова, И. С. Нарского, Т. И. Ойзермана, в которых представлена взвешенная и систематическая интерпретация кантианства, при соблюдении базовых положений советской историко-философской науки [2; 3; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 18; 19; 20; 21; 24; 25].

Теоретико-идеологические основы исследования кантианства в советской философии. Изучение кантианства в советской философии базировалось на общих основаниях марксистской концепции истории философии, к которым относятся следующие принципы. Во-первых, принцип материализма, заключающийся в постулировании связи между развитием философских идей и объективными (материальными) условиями жизни. Трансформация этих условий в контексте марксистского понимания предопределяла соответствующие идейные изменения. Во-вторых, принцип историзма, отстаивающий поступательный и закономерный характер философского процесса, к каждому этапу которого требуется конкретно-исторический подход, выражающийся в необходимости оценивать каждого философа не только по сравнению с предшествующим ему этапом развития мысли, но и с последующим. В-третьих, принцип партийности, утверждающий наличие в любой философской системе определенного классового содержания (социального и политического интереса того или иного класса). Основным научным методом изучения философского процесса выступала диалектика с ее требованиями объективности, всесторонности, конкретности, историзма и пониманием противоречия как движущей силы развития, как объективного мира, так и субъективного человеческого мышления.

Кроме того, советская философия на всем протяжении собственного существования непосредственно руководствовалась теми оценками Канта, что давались К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Эти оценки хорошо известны из истории философии. Его идеи высоко оценивались классиками марксизма, что видно хотя бы из того факта, что имя великого немецкого мыслителя в сочинениях Маркса и Энгельса упомянуто более 80 раз [17, с. 100]. Маркс также полагал, что Кант среди «героев мысли в области морали», а Энгельс считал его родоначальником философской революции в Германии [17, с. 100–101]. Хотя по мере развития собственно самого марксизма и новоевропейской науки кантовские идеи все более подвергались ими критике, прежде всего, за устарелость естественно-научных представлений, агностицизм и бессилие в разрешении реальных проблем, стоявших тогда перед немецким обществом [17, с. 101–102].

Ленин, в свою очередь, критически относился к Канту, определяя принципиальную суть его философии как агностицизм и метафизику [15, с. 25; 16, с. 98]. В частности, он писал: «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философ-

ских направлений» [15, с. 206]. Хотя одновременно с этим учитывал роль Канта как основоположника немецкой классической философии. Следовательно, признавал, что идеи философа были одним из источников марксизма.

Направления исследования кантианства в советской философии. Кантианская философия интенсивно и разносторонне изучалась в советский период. Как отмечают Д. М. Гринишин и В. А. Жучков: «В советских исследованиях на основе ленинских принципов диалектико-материалистического анализа и переработки философских идей Канта рассматриваются практически все основные аспекты и проблемы кантовского наследия» [4, с. 4]. Анализ кантианства включал в себя ряд направлений, на которых надо остановиться особо. К ним относятся:

- анализ кантовской теории познания, в которой в качестве центрального вопроса находилась вещь в себе, поскольку исследование именно этого аспекта позволяет, так или иначе, интерпретировать систему Канта, относя ее к соответствующей традиции. Советские философы, работавшие в этом направлении, например, А. В. Гулыга, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, подчеркивали сложность и многоаспектность кантовской теории познания, общую двойственность его философии, поскольку она одновременно содержала и материалистические и идеалистические моменты, адекватно демонстрировала механизм познания, его пути и средства, но и обосновывала агностицизм [4, с. 6]. Т. И. Ойзерман в этой связи отмечал, что противоречия кантовского учения имеют глубокий содержательный смысл, отражающий противоречивую природу самого познавательного процесса [24, с. 128];

- рассмотрение «трансцендентальной диалектики» Канта, к примеру, в работах В. Ф. Асмуса, А. С. Богомолова. С одной стороны, советские философы высоко оценивали эту часть кантовской системы, так как великий немецкий мыслитель поставил проблему отражения объективной диалектикой противоречий в формах мышления, что позволило оценивать Канта как одного из великих философов в истории мировой культуры, новатора, возобновителя и зачинателя диалектики [2, с. 1]. С другой стороны, он не смог найти подлинного диалектического решения вопроса антиномий [4, с. 8];

- исследование этического учения Канта (О. Г. Дробницкий, Л. А. Калинин). Советские кантоведы подчеркивали, что заслуга Канта в этой области несомненна, ввиду того, что ему удалось открыть саму особую сферу нравственности, ценностей и смысложизненных вопросов. Но и здесь Кант противоречив, ибо, разработав понятийный аппарат этики, он не смог устранить формализма, абстрактности и ригоризма своего этического учения [4, с. 8–9];

- раскрытие основных социально-философских и философско-исторических положений кантианства, в частности, Л. А. Калинин, И. С. Нарским, Т. И. Ойзерманом. Фундамент истолкования этой части кантианской системы заключался в принципиальной установке, согласно которой «адекватное понимание и воспроизведение философско-исторических и правовых идей Канта, ..., возможно лишь на основе выявления реального исторического и проблемного контекста их возникновения» [4, с. 10]. Философия истории, учение о праве и государстве, по мнению советских исследователей, также содержит в себе момент противоречия. В положительном смысле эти воззрения Канта гуманистичны и прогрессивны. В отрицательном – консервативны, компромиссны, абстрактны и утопичны;

- интерпретация эстетики Канта (В. Ф. Асмус, И. С. Нарский, А. В. Гулыга). Немецкий философ собственно разработал эстетику как специальную философскую науку, выявив и продемонстрировав ей одной принадлежащие понятия и проблемы, придав эстетике гуманистическую направленность. Так, А. В. Гулыга отмечает, что Кант в эстетической области сделал три открытия: органической структуры художественного произведения, опосредованного характера восприятия красоты, двойственной «игровой» структуры эстетического [7, с. 85, 90, 91]. Однако при этом ему не удалось устранить из своей эстетической системы созерцательность, субъективизм и формализм [4, с. 11].

Подводя некоторый итог изложению направлений исследования кантианства в советской философии, отмечу следующие моменты.

Во-первых, советские философы двойственно, и критически, и позитивно оценивают Канта, интерпретируют его учение и как революционное, и как реакционное [2, с. 104–111]. Его величие как философа в «учреждении» диалектического идеализма, основоположником которого он являлся. Это направление, вне сомнения, сыграло большую роль в развитии мировой философской мысли, ибо поняло действительность не только в качестве предмета созерцания, но и в качестве предмета человеческой деятельности [2, с. 3]. Но Кант как философ

сложен, так как наряду со значимостью его идеи содержат недостаток, непосредственно заключающийся в идеалистическом мировоззрении. Оно «делает» Канта беспомощным в попытках объяснения и гносеологического обоснования достоверности научного знания [2, с. 30].

Во-вторых, советские исследователи конкретно-исторически подходят к кантианству. И в плане понимания развития его философской системы, возникшей не одномоментно и претерпевшей ряд изменений [2, с. 4]. И в плане «встраивания» кантианства в общую канву общественно-экономической и духовной жизни многочисленных германских государств, а также «демонстрации» иллюзий, свойственных XVIII столетию.

Этапы развития советской философии и исследование кантианства. Прежде всего, стоит кратко остановиться на проблеме общей периодизации советской философии. Выделяются следующие периоды ее развития:

- 1 – становление советской философии (1917 – кон. 1920-х гг.);
- 2 – советская философия в эпоху сталинизма (нач. 1930-х – сер. 1950-х гг.);
- 3 – десталинизация в философии, формирование многообразия философских школ и направлений (1960-е – 1980-е гг.).

Эти периоды различны общей направленностью философской работы, несходностью общественно-исторических условий. Так, в 1920-е гг., несмотря на тенденцию к монополизации идейной жизни в стране от имени философии марксизма, сохранялся ее общий плюралистический характер, что выражалось в публикациях трудов философов, далеких от марксизма, в возможности научной и преподавательской работы кадров старой формации. Особо положительный момент этого периода – развенчание нигилистических попыток ликвидации философии как якобы разновидности буржуазной идеологии. Начиная с 1930-х гг., ситуация кардинально меняется, ибо философская жизнь страны стала протекать под жестким политико-идеологическим контролем, включающим репрессии против философов. Появился официальный канон в виде «Краткого курса истории ВКП(б)», прошли ряд идеологических кампаний [26]. С рубежа 1950-х – 1960-х гг. ситуация вновь меняется в сторону обретения философским знанием самостоятельности и некоторой свободы исследований, что привело к постепенному формированию новых интерпретаций марксизма, иному, чем прежде, прочтению проблем теории познания, идеального, логики и методологии науки, философской антропологии, этики и ряда других. Хотя в целом идеологический контроль сохранялся и особенно проявлял себя в области социальной философии [14].

Эта краткая общая характеристика может быть спроецирована на проблему изучения и оценивания философии Канта в советский период развития отечественной философии.

Решение этой проблемы применительно к философской жизни советской и постсоветской Белоруссии продемонстрировано в статье Т. Г. Румянцевой. Автором прослеживаются основные этапы понимания и истолкования Канта в течение советского времени. Первый этап – 1920-е гг., когда существовала некоторая свобода от идеологических клише того времени, присутствовал объективный научный анализ теории познания и методологии немецкого мыслителя, его идеи включались в развитие европейской науки и философии [28, с. 129]. Второй этап – 1930-е гг., для которых был характерен более идеологизированный подход, включающий отыскание у Канта реакционных элементов, трактовку его идей как чистого идеализма, постулирование главной ошибки Канта, заключающейся в признании им непознаваемости мира. Причем на этих двух этапах сложилась тенденция постепенного угасания интереса к учению Канта [28, с. 128]. Третий этап – «оттепель» 1950-х – 1960-х гг. и позднесоветские годы. Здесь общая характеристика заключена в констатации общего оживления интереса к Канту, учитывая, конечно, риторику тех лет. Оценивание идей немецкого мыслителя базировалось на признании его значительного следа в духовном развитии человечества, его фундаментальной роли как родоначальника немецкой классической философии. Особо отмечались его глубокие диалектические идеи в докритический период творчества, эклектичность и непоследовательность учения в критический период, примиряющий идеализм и материализм [28, с. 138]. Особый период, четвертый, эпоха перестройки. Период достаточно короткий, но поставивший в философской науке в центр ряд новых аспектов в изучении кантианства, например, проблему активности субъекта познания у Канта [28, с. 139]. Отмеченные положения, данные применительно к советской Белоруссии, вероятно, с полным правом могут быть отнесены к советской философии как таковой.

Отдельно подчеркну лишь, что советская философия занимала некоторую критическую позицию по отношению к себе самой, так как выявлялись те недостатки в изучении и разра-

ботке соответствующих вопросов, которые требовали своего снятия. В работе В. И. Синютина (1975 г.) относительно изучения кантианства в качестве недостатков отмечались следующие. Во-первых, как он полагал, имеющая место связь русской философии и социологии с классическим философским наследием Западной Европы либо молчаливо игнорируется, либо представляется односторонне. Во-вторых, происходит искажение содержания самой философии Канта, ибо обычно затушевываются философско-исторические, социологические аспекты этой философии, что нарушает единство самой конструкции и многообразие ее влияния на дальнейшее развитие философской мысли [31, с. 111, 112].

Заключение. Таким образом, исходя из вышеизложенного, сделаем ряд основных выводов.

Во-первых, кантовская философия была предметом философского анализа и дискуссий на всем протяжении советского периода развития отечественной философии. Другой вопрос – это «волнообразный» характер интереса к великому немецкому мыслителю, что не представляется столь уж уникальным, если обратиться непосредственно к истории собственно самой немецкой философии, в которой интерес к Канту то отступал на второй план, то выходил на первый.

Во-вторых, в рассмотрении кантианства можно выделить ряд периодов в целом совпадающих с основными этапами развития советской философии. Первый – 20-е гг. XX столетия; второй, охватывающий собой 30-е – 40-е гг.; третий – 50-е – начало 80-х гг.; четвертый, по сути, переходный от собственно советской к постсоветской философии – период середины 80-х – начала 90-х гг.

В-третьих, оценивание кантианства в разные периоды одновременно содержало общность и различие этих оценок. Общность заключается в интерпретации философии Канта в качестве «начала» немецкой классической философии, а также фиксации двух основных этапов его творчества, весьма несходных по своему характеру: материализма и естественно-научной ориентации в докритический период, идеалистического и агностического планов его учения в критический период. Различие, насколько можно судить, было обусловлено рядом внешних по отношению философского знания обстоятельств. И оно тоже носило некоторый «волнообразный» характер. По меньшей мере, отметим колебания в диапазоне от достаточно объективного подхода к чрезвычайно выраженной идеологизации, а затем возвращение вновь к объективному анализу.

В-четвертых, к объективным результатам анализа кантианства в советской философии следует отнести общую констатацию содержания его учения как диалектического идеализма; системный и развернутый анализ критической философии, позволивший адекватно раскрыть все ее основные аспекты от сущности внутренней противоречивости учения до его выраженной диалектической составляющей как своеобразного «нерва» кантианства. Эти объективные результаты стали базой анализа философии Канта в условиях возвращения к философскому плюрализму в постсоветской России.

Список литературы

1. Адуло Т. И. «Философский пароход» как отправная точка формирования советской философской науки // Культура Беларуси: реалии современности : сб. научных статей XII Международной научно-практической конференции, посвященной Году мира и созидания. Минск : Изд-во Белорусского государственного ун-та культуры и искусств, 2023. С. 11–15.
2. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М. : Наука, 1973. 539 с.
3. Богомолов А. С. Две проблемы диалектики Иммануила Канта // Вестник Московского университета. Философия. 1974. № 2. С. 3–12.
4. Гринишин Д. М., Жучков В. А. Советское кантоведение сегодня: итоги, проблемы, перспективы // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1978. Вып. 1 (3). С. 3–13.
5. Громов М. Н. Влияние Канта на русскую мысль // Кантовский сборник. 2009. Вып. 2 (30). С. 74–83.
6. Гулыга А. В. Кант. М. : Молодая гвардия, 1977. 303 с.
7. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. Изд. 2-е. М. : Рольф, 2001. 416 с.
8. Дробницкий И. Г. Иммануил Кант: у науки есть предел // Мир оживших предметов. М. : Изд-во политической лит-ры, 1967. С. 82–96.
9. Зайцев Р. А. Советская философия как социокультурный феномен // Риски и уязвимости современной социокультурной трансформации : мат-лы IV Всероссийской научно-практической конференции. Липецк : Изд-во ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2023. С. 31–33.
10. Калинин Л. А. К полемике между Кантом и Гердером по вопросам философии истории // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1980. Вып. 1 (5). С. 77–91.

11. Калинин Л. А. Постулаты практического разума в свете кантовской философии истории // Кантовский сборник. 1983. Вып. 1 (8). С. 12–26.
12. Калинин Л. А. Категорический императив и телеологический метод // Кантовский сборник. 1988. Вып. 1 (13). С. 25–38.
13. Корсаков С. Н. Советские философы поколения 1920-х годов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 65–117. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.65 117.
14. Лекторский В. А., Огурцов А. П. Философия в СССР и постсоветской России // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b33a2dd7a317a045fb64b> (дата обращения: 02.04.2024).
15. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. М. : Политиздат, 1968. С. 7–384.
16. Ленин В. И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 29. М. : Политиздат, 1973. С. 3–620.
17. Луговой С. В. Влияние кантовской философии на становление марксистской концепции практики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. Вып. 12. С. 100–108.
18. Нарский И. С. Диалектика «критического» Канта // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1975. Вып. 1 (1). С. 57–70.
19. Нарский И. С. Методологические проблемы социального анализа у Канта // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1977. Вып. 1 (2). С. 4–17.
20. Нарский И. С. О роли «вещи в себе» и «ноумена» в кантовской гносеологии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1979. Вып. 1 (4). С. 15–20.
21. Нарский И. С. От взаимопротивопоставления к единству: основные тенденции учения Канта о прекрасном // Кантовский сборник. 1991. Вып. 1 (16).
22. Наумова Т. В. Советская философия: из прошлого в будущее? // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 107–116.
23. Обухов В. Л. Методология в системе научного познания // Философия. Наука. Человек: Конфликт или гармония? : учеб. пособие / под ред. В. Л. Обухова. СПб. : СПбГАУ, 1995. С. 145–160.
24. Ойзерман Т. И. Учение Канта о «вещах в себе» и ноуменах // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 117–128.
25. Ойзерман Т. И. Философия И. Канта. М. : Знание, 1974. 64 с.
26. Пустарнаков В. Ф., Мысливченко А. Г. Философия в СССР и постсоветской России // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b33a2dd7a317a045fb64b> (дата обращения: 02.04.2024).
27. Пуцаев Ю. В. Философия советского времени: Мамардашвили и Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). М. : ИНИОН, 2018. 356 с.
28. Румянцева Т. Г. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 3. С. 127–149. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
29. Русскоязычная литература о Канте (1803–1918). URL: <https://kant-online.ru/o-kante/bibliografiya/raboty-po-filosofii-kanta-na-russkom-2/> (дата обращения: 02.04.2024).
30. Русскоязычная литература о Канте советского и российского периодов (1919–1994). URL: <https://kant-online.ru/o-kante/bibliografiya/sovetskaya-i-rossijskaya-literatura-o-kante-1919-1994/> (дата обращения: 02.04.2024).
31. Синютин В. И. О влиянии идей Канта на философию истории в России в первой половине XIX в. // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1975. Вып. 1 (1). С. 111–118.
32. Черняев А. В. «Разрывы и связи»: проблема преемственности в русской философии // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 32–48.

I. Kant's Philosophy as a subject of research in Soviet Philosophy

Shetulova Elena Dmitrievna

Doctor of Philosophy, professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science,
R. E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University. Russia, Nizhny Novgorod.
ORCID: 0000-0002-2414-4370. E-mail: shetulowa@yandex.ru

Abstract. I. Kant is one of those philosophers whose ideas have been interesting and in demand by Russian philosophy, starting from the initial acquaintance with them during his lifetime, and up to the present day. The analysis of Kantianism therefore acts as a necessary integral part of the intellectual history of Russia. However, at the moment, its significance and influence have been revealed to the greatest extent in relation to the pre-revolutionary period. Hence, the purpose of the article is to identify the main stages of the analysis of Kantianism within the framework of Soviet philosophy and the specifics of evaluating Kant's teachings during this

period. The study of this issue has sufficient historical and philosophical relevance, both because of the importance of Kant's figure and the dialogic nature of Russian-German philosophical relations, as well as dialogic nature within Russian philosophy itself. The goal was achieved through review and analytical work. The main results of the undertaken research are expressed in the following statements. The first is that interest in Kantian philosophy in Soviet times was somewhat "wave-like" in nature, but Kant's ideas were the subject of consideration throughout the existence and development of Soviet philosophy. Secondly – in the analysis of Kantian philosophy, four main periods can be distinguished: the 20s; 30s – 40s; 50s – early 80s; mid-80s – early 90s of the twentieth century. Third, the evaluation of Kant's ideas in these periods is characterized by both commonality and difference. The commonality lies in the basic principles emanating from the classical Marxist interpretation of the German philosopher as a dialectical idealist, the founder of German classical philosophy, and the creator of a certain form of agnosticism. The difference is determined by a number of circumstances external to intellectual life and is also "undulating", from objectivity to pronounced ideologization and a return to objectivity. Fourth, Soviet philosophy managed to achieve a number of significant results in understanding Kant, which became the foundation for further research in the context of a return to philosophical pluralism in post-Soviet Russia.

Keywords: intellectual history, dialogue, Soviet Kantian studies, Marxism, ideology.

References

1. Adulo T. I. *"Filosofskij parohod" kak otpravnyaya tochka formirovaniya sovetskoj filosofskoj nauki* ["The Philosophical steamer" as a starting point for the formation of Soviet philosophical science] // *Kul'tura Belarusi: realii sovremennosti : sb. nauchnyh statej XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj Godu mira i sozidaniya* – Culture of Belarus: the realities of modernity : collection of scientific articles of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Peace and Creation. Minsk. Publishing House of the Belarusian State University of Culture and Arts, 2023. Pp. 11–15.
2. Asmus V. F. *Immanuel Kant* [Immanuel Kant]. M. Nauka (Science) Publ., 1973. 539 p.
3. Bogomolov A. S. *Dve problemy dialektiki Immanuila Kanta* [Two problems of Immanuel Kant's dialectics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya* – Herald of Moscow University. Philosophy. 1974. No. 2. Pp. 3–12.
4. Grinishin D. M., Zhuchkov V. A. *Sovetskoe kantovedenie segodnya: itogi, problemy, perspektivy* [Soviet kantology today: results, problems, prospects] // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* – Questions of the theoretical legacy of Immanuel Kant. 1978. Is. 1 (3). Pp. 3–13.
5. Gromov M. N. *Vliyanie Kanta na russkuyu mysl'* [The influence of Kant on Russian thought] // *Kantovskij sbornik* – Kant collection. 2009. Is. 2 (30). Pp. 74–83.
6. Gulyga A. V. *Kant* [Kant]. M. Molodaya Gvardiya (Young Guard), 1977. 303 p.
7. Gulyga A. V. *Nemeckaya klassicheskaya filosofiya. Izd. 2-e* [German classical Philosophy. 2nd publ.] M. Rolf, 2001. 416 p.
8. Drobnickij I. G. *Immanuel Kant: u nauki est' predel* [Immanuel Kant: science has a limit] // *Mir ozhivshih predmetov* – The world of revived objects. M. Publishing House of Political Literature, 1967. Pp. 82–96.
9. Zajcev R. A. *Sovetskaya filosofiya kak sociokul'turnyj fenomen* [Soviet philosophy as a socio-cultural phenomenon] // *Riski i uyazvimosti sovremennoj sociokul'turnoj transformacii : mat-ly IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* – Risks and vulnerabilities of modern socio-cultural transformation : proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Lipetsk. Publishing House of LSPU n. a. P. P. Semenov-Tyan-Shansky, 2023. Pp. 31–33.
10. Kalinnikov L. A. *K polemike mezhdru Kantom i Gerderom po voprosam filosofii istorii* [On the controversy between Kant and Herder on the philosophy of history] // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* – Questions of the theoretical legacy of Immanuel Kant. 1980. Is. 1 (5). Pp. 77–91.
11. Kalinnikov L. A. *Postulaty prakticheskogo razuma v svete kantovskoj filosofii istorii* [Postulates of practical reason in the light of Kant's philosophy of history] // *Kantovskij sbornik* – Kant collection. 1983. Is. 1 (8). Pp. 12–26.
12. Kalinnikov L. A. *Kategoricheskij imperativ i teleologicheskij metod* [Categorical imperative and teleological method] // *Kantovskij sbornik* – Kant collection. 1988. Is. 1 (13). Pp. 25–38.
13. Korsakov S. N. *Sovetskie filosofiy pokoleniya 1920-h godov* [Soviet philosophers of the 1920s generation] // *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovanij* – Political conceptology: journal of meta-disciplinary research. 2022. No. 2. Pp. 65–117. DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.65117.
14. Lektorskiy V. A., Ogurcov A. P. *Filosofiya v SSSR i postsovetskoj Rossii* [Philosophy in the USSR and post-Soviet Russia] // *Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t.* – New Philosophical Encyclopedia : in 4 vols. M. Mysl (Thought), 2001. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b33a2dd-7a317a045fb64b> (date accessed: 02.04.2024).
15. Lenin V. I. *Materializm i empiriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii* [Materialism and empirio-criticism. Critical notes on a reactionary philosophy] // *Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 18* – Complete works. Ed. 5th. Vol. 18. M. Politizdat, 1968. Pp. 7–384.
16. Lenin V. I. *Filosofskie tetradi* [Philosophical notebooks] // *Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 29* – Complete works. Ed. 5th. Vol. 29. M. Politizdat, 1973. Pp. 3–620.

17. Lugovoj S. V. *Vliyanie kantovskoj filosofii na stanovlenie marksistskoj koncepcii praktiki* [The influence of Kantian philosophy on the formation of the Marxist concept of practice] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* – Herald of Baltic Federal University n. a. I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. Is. 12. Pp. 100–108.
18. Narskij I. S. *Dialektika "kriticheskogo" Kanta* [Dialectics of the "critical" Kant] // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* – Questions of the theoretical legacy of Immanuel Kant. 1975. Is. 1 (1). Pp. 57–70.
19. Narskij I. S. *Metodologicheskie problemy social'nogo analiza u Kanta* [Methodological problems of Kant's social analysis] // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* – Questions of Immanuel Kant's theoretical legacy. 1977. Is. 1 (2). Pp. 4–17.
20. Narskij I. S. *O roli "veshchi v sebe" i "noumena" v kantovskoj gnoseologii* [On the role of "thing-in-itself" and "noumenon" in Kantian epistemology] // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* – Questions of the theoretical legacy of Immanuel Kant. 1979. Is. 1 (4). Pp. 15–20.
21. Narskij I. S. *Ot vzaimoprotivopostavleniya k edinstvu: osnovnye tendencii ucheniya Kanta o prekrasnom* [From mutual opposition to unity: the main trends of Kant's teaching about beauty] // *Kantovskij sbornik* – Kant collection. 1991. Is. 1 (16).
22. Naumova T. V. *Sovetskaya filosofiya: iz proshlogo v budushchee?* [Soviet philosophy: from the past to the future?] // *Svobodnaya mysl'* – Free thought. 2010. No. 4 (1611). Pp. 107–116.
23. Obuhov V. L. *Metodologiya v sisteme nauchnogo poznaniya* [Methodology in the system of scientific knowledge] // *Filosofiya. Nauka. Chelovek: Konflikt ili garmoniya? : ucheb. posobie* – Philosophy. Science. Man: Conflict or harmony? : studies. manual / ed. by V. L. Obukhov. SPb. SPsAU, 1995. Pp. 145–160.
24. Ojzerman T. I. *Uchenie Kanta o "veshchah v sebe" i noumenah* [Kant's doctrine of "things in themselves" and noumena] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 1974. No. 4. Pp. 117–128.
25. Ojzerman T. I. *Filosofiya I. Kanta* [The Philosophy of I. Kant]. M. Znanie (Knowledge), 1974. 64 p.
26. Pustarnakov V. F., Myslivchenko A. G. *Filosofiya v SSSR i postsovetsoj Rossii* [Philosophy in the USSR and post-Soviet Russia] // *Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t* – New Philosophical Encyclopedia : in 4 vols. M. Mysl (Thought), 2001. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b-33a2dd7a317a045fb64b> (date accessed: 02.04.2024).
27. Pushchaev Yu. V. *Filosofiya sovetского времени: Mamardashvili i Il'enkov (energii ottalkivaniya i prityazheniya)* [Philosophy of the Soviet era: Mamardashvili and Ilyenkov (energy of repulsion and attraction)]. M. INION, 2018. 356 p.
28. Rumyanцева T. G. *I. Kant i ego nasledie v belorusskoj filosofii sovetского i postsovetского periodov* [I. Kant and his legacy in the Belarusian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods] // *Kantovskij sbornik* – Kant Collection. 2021. Vol. 40. No. 3. Pp. 127–149. DOI: 10.5922/0207-6918-2021-3-5.
29. *Russkoyazychnaya literatura o Kante (1803–1918)* – Russian-language literature on Kant (1803–1918). Available at: <https://kant-online.ru/o-kante/bibliografiya/raboty-po-filosofii-kanta-na-russkom-2/> (date accessed: 02.04.2024).
30. *Russkoyazychnaya literatura o Kante sovetского i rossijskogo periodov (1919–1994)* – Russian-language literature on Kant of the Soviet and Russian periods (1919–1994). Available at: <https://kant-online.ru/o-kante/bibliografiya/sovetskaya-i-rossijskaya-literatura-o-kante-1919-1994/> (date accessed: 02.04.2024).
31. Sinyutin V. I. *O vliyaniy idej Kanta na filosofiyu istorii v Rossii v pervoj polovine XIX v.* [On the influence of Kant's ideas on the philosophy of history in Russia in the first half of the 19th century] // *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* – Questions of the theoretical legacy of Immanuel Kant. 1975. Is. 1 (1). Pp. 111–118.
32. Chernyaev A. V. *"Razryvy i svyazi": problema preemstvennosti v russkoj filosofii* ["Breaks and connections": the problem of continuity in Russian philosophy] // *Vestnik slavyanskikh kul'tur* – Herald of Slavic Cultures. 2015. No. 3 (37). Pp. 32–48.

Поступила в редакцию: 26.04.2024

Принята к публикации: 05.12.2024

Как возможны телеологические суждения в науке?

Мамченков Дмитрий Валерьевич

кандидат философских наук, Российский университет дружбы народов. Россия, г. Москва.
ORCID: 0000-0003-0484-2232. E-mail: mamchenkov-dv@rudn.ru

Аннотация. Положение телеологии в современной науке незавидно, она прочно ассоциируется с религиозным взглядом на мир, кажется, что она могла иметь место только в Античной или Средневековой науке. Однако для успешного разворачивания парадигмы глобального эволюционизма в XXI в., постигающую Вселенную как целостную эволюционирующую систему, использование телеологических объяснений является важным условием.

Мы же ставим вопрос о телеологии не содержательно, но формально: возможно ли в принципе использовать телеологические суждения (объяснения) в качестве научных и при каких условиях? Возможна ли верификация и фальсификация телеологических суждений? Для решения этих задач мы привлекаем трансцендентальный и феноменологический методы.

Рассматриваются три понимания телеологии, при которых ответ на поставленный вопрос будет отрицателен: интенциональное, телеологическое и редукционистское. Интенциональное видение телеологии (т. е. наличие в самом объекте интенции, стремления к цели) является самым распространенным в философии XX в., и мы демонстрируем это на примере многих подходов. Но верифицировать суждения, неизбежно отсылающие к внутреннему миру субъекта, оказывается, невозможно.

Телеологическое понимание телеологии, является внутренне противоречивым («бог не имеет целей») и не верифицируемым. Редукционизм в понимании телеологии также не может быть научным, т. к. в таком понимании телеологические суждения не могут быть верифицированы независимо от каузальных. Поэтому наша задача конкретизирована: возможна ли верификация и фальсификация не редукцируемых не интенциональных телеологических суждений?

Условием позитивного ответа является следующее положение: *существует интерпретация, при которой действующее является частью, а конечная причина (цель) – целым*. Обращаясь к кантовскому делению на конститутивные и регулятивные принципы, мы демонстрируем, что приведенное условие может быть названо трансцендентальным условием верификации и фальсификации регулятивных телеологических суждений. Такое понимание открывает дорогу для построения целостной междисциплинарной эволюционной картины мира.

Ключевые слова: телеология, целевая причина, конечная причина, регулятивный принцип, научное объяснение.

1. Введение. В современном «Доме Соломона» телеология играет роль таракана: ее появление перед лицом настоящего ученого вызывает омерзение, желание избавиться от нее поскорее; и вообще, по словам Д. Деннета, является «грязным словом», темной и опасной «запрещенной практикой, которую не следует даже обсуждать» [10, р. 355]. Однако окончательно вытравить этого паразита со всех чердаков и подвалов не удастся.

В философии XX в. можно выделить несколько фундаментальных работ, посвященных телеологии. Это, прежде всего, «Телеологическое мышление» Н. Гартмана [12], работы Э. Майра [3; 14], «Телеологическое объяснение и телеологические системы» Э. Нагеля [17], «Телеология» А. Вудфилда [21]; данные исследования исходят из интенционального понимания телеологии и имеют, в основном, критическую направленность. Гораздо в более конструктивном ключе мыслят телеологию представители советской школы философии, прежде всего, М. Г. Макаров [4] и И. Т. Фролов [7]. В XXI в. к целевой причинности обращаются, за некоторым исключением [5; 19], в основном в философии биологии, где обсуждаются мнения о возможности [9; 16] или невозможности [18] ее использования. Большое влияние на понимание телеологии оказывают сегодня работы Д. Уолша «Организмы, агентность и эволюция» [20] и «Конец конечных причин в биологии» Л. Микса [15].

Однако данные дискуссии носят содержательный характер, мы же считаем важным поставить вопрос о телеологии формальным образом: *возможно ли в принципе использовать телеологические суждения (объяснения) в качестве научных и при каких условиях?* Только такая постановка проблемы позволит окончательно решить телеологический вопрос: либо

установить ее на законных основаниях, либо решительно вывести ее из стройного здания современной научной рациональности.

Постановку вопроса об условиях возможности включения телеологических суждений в контекст современной науки мы найдем в работе фон Вригта «Объяснение и понимание» [1], где в главе «Интенциональность и телеологическое объяснение» он задается вопросом о возможности верификации телеологических суждений.

Действительно, если мы хотим включить телеологические суждения в состав научного знания, то они должны соответствовать минимальным общим критериям научности. Фон Вригт, принадлежа к традиции логического позитивизма, обращается к понятию верификации, т. е. возможности привести факт из объективной действительности, который подтвердит данное суждение. (В более сильной версии, любое суждение должно быть сводимо к сумме таких фактических, «протокольных» пропозиций; но нас сейчас волнует принципиальная возможность верификации).

В то же время главный разрушитель позитивистской традиции К. Поппер [6] убедительно показал, что критерий верификации не очень-то достаточен и вообще не всегда применим в вопросе демаркации научного знания, и заменил его другим – принципом фальсификации. Фальсифицируемость – это возможность указать на объективный факт, который мог бы опровергнуть высказывание, претендующее на статус научного. Критерий Поппера в дальнейшем также был подвергнут серьезной критике в постпозитивистской традиции.

Несмотря на серьезную критику этих принципов демаркации, оба они сохраняют значение для научной традиции, и их выполнение/не выполнение может рассматриваться в качестве весомого аргумента в признании некоторой теории (или отдельного высказывания) научной.

Для реализации такого анализа мы обратимся в первой части нашей статьи к методу аналитической философии; а во второй части интерпретируем полученные результаты при поддержке трансцендентального метода.

2. Как возможно понимать телеологические суждения в науке? *Телеологическое суждение* (телеологическое объяснение) – это суждение, содержащее указание на цель некоторого процесса или явления как на его причину. Возможно, было бы правильнее использовать аутентичный термин Аристотеля, «виновного» во введении цели в научное объяснение, – конечная причина. Так или иначе, телеологическое объяснение указывает на некое состояние в будущем, состояние, которого нет на данный момент, как причину происходящих изменений.

Чтобы ясно определить границы мыслимости телеологии в науке, рассмотрим интерпретации, которые лишают такой возможности.

2.1. Интенциональность и телеология. Фон Вригт в своем анализе понимает цель исключительно в контексте поведения человека; неразрывно связывая телеологию с интенциональностью, направленностью действий на некий результат. Казалось бы, именно такое понимание может сохранить «цель» в научном мышлении: существует по крайней мере один объект в мире, объективно обладающий целями, – это человек; поэтому в мире действительно существуют цели.

Однако при выполнении попытки верификации интенционально понятой телеологии мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью обратиться к внутреннему миру человека. Фон Вригт тщательно разбирает все возможности интерпретировать телеологическое поведение человека. Однако ни одно из полученных суждений не может быть верифицировано без указания на интенциональность, направляющую данное поведение к цели. Чтобы убедиться в том, что целью человека было открыть окно или нажать на звонок, не будет достаточным сколь угодно полное и подробное описание всех его внешних действий. Чтобы верифицировать желание открыть окно как причину действий человека по открыванию окна, нужно «влезть ему в душу» и обнаружить/не обнаружить там соответствующее желание. Даже если бы мы и могли это сделать (например, современные методы нейробиологии позволят делать что-то подобное, но, конечно, эти методы не обладают необходимой степенью объективности, требуют постоянной отсылки к самоописанию изучаемого), то возник бы следующий вопрос: связано ли возникающее желание с каузальной цепью событий объективного мира (тогда какой смысл говорить о целевой причине, если все объясняется действующими), или же не связано, надстраивается на ней (тогда как найти ей место в системе объективно действующих закономерностей – как чудо? как случайность?..).

Поэтому интерпретация телеологии фон Вригтом в качестве интенциональности неизбежно ведет к парадоксам. Корень этих парадоксов – в понимании сознания как некоей субъективной реальности, надстраивающейся над объективным миром. Это все тот же «картезианский театр», приведший аналитическую традицию в конце XX – начале XXI в. в тупик «трудной проблемы сознания» [11].

Еще одну попытку анализа применимости телеологии в современной науке мы найдем в книге А. Вудфилда «Телеология» [21], где он подробно анализирует различные подходы к целевой причинности, но, в конечном счете, возвращается к идее интенциональности; даже предпринимая попытку разработать альтернативную концепцию – цели в контексте функции системы, он приписывает цели самому объекту, где критерием будет стремление к благу для данного объекта. Также в своем анализе телеологии не выходит за рамки интенционального понимания и Н. Гартман [12], следуя в этом вопросе за Кантом.

2.2. Телеология и теология. Представим себе, что наука вернулась на религиозные позиции и восстановила идею бога как создателя Вселенной и всех ее законов. Тогда нужно было принять посылку: *мир создается и направляется целями, существующими в сознании некоего абсолютного субъекта*. То есть существует место, где находятся цели природы – сознание абсолютного субъекта (именно такие ассоциации традиционно вызывает телеология). Можно было бы тогда верифицировать телеологические суждения?

Тем более нет, т. к. для такого действия мы должны были бы апеллировать к интенциональности, присутствующей в божественном сознании, которая тем более нам не доступна (кроме разве что невыразимого мистического опыта, в котором высший разум открывает свою волю избранному; однако и этот опыт присутствует лишь в сознании миста, поэтому круг замыкается). Кроме того, признание существования в божественном разуме телеологического объяснения, не сводимого к каузальному, означало бы наличие некоего разрыва, разлада в самом божестве: мир изначально должен воплощать божественный замысел в действующих законах, и не требовать постоянной подстройки. Именно поэтому Спиноза заявлял, что бог не имеет целей, т. к. это предполагало бы его несовершенство [4, с. 98].

2.3. Телеологические и каузальные объяснения. Если мы заявляем о существовании телеологического объяснения в науке параллельно с каузальным, то нужно выяснить их отношения друг с другом. Возможны следующие варианты: противоречие, сводимость, дополненность.

Противоречие объяснений – это наличие двух объяснений, которые исключают друг друга. «Картину украл либо Смит, либо Джонс» – пропажа картины объясняется либо действиями одного, либо другого. Противоречие каузального и телеологического объяснения означает «чудо». То есть каузальный ряд разрывается, действующей причины нет и «из ниоткуда» возникает результат, обеспечивающий достижение цели. «По воле Зевса среди ясного неба сверкнула молния и убила неугодного». Такое понимание телеологии обесценивает каузальное объяснение в принципе: заменяя одну действующую причину, оно отменяет действие всего ряда действующих причин, сам принцип детерминизма. И в то же время, для оправдания своего существования «чудесная» телеология нуждается в действующей причине: если каузальное объяснение в принципе не работает, то теряет смысл сама уникальность «чуда». Таким образом, отменяя каузальность, «чудесная» телеология обесценивает сама себя.

Следующий вариант – сводимость телеологии к действующей причине – является бессмысленным. Если целевое объяснение ничего не добавляет к каузальному, оно просто бессмысленно. И, напротив, если заявлена значимость телеологического объяснения, оно должно что-то добавлять к каузальному, нести дополнительную информацию. Однако при каких условиях конечная причина не тождественна действующей? А. В. Панкратов [5] демонстрирует, что только идея необратимого времени, утвержденного термодинамикой в первой половине XIX в., обуславливает осмысленность целевых причин. Если время обратимо (как это было в ньютоновской механике), то прошлое и будущее неразличимы, и нет нужды во введении причины, действующей из будущего. Значит, важным условием осмысленности телеологических суждений является необратимость и отсутствие жесткого механистического детерминизма.

Дополненность – наличие как минимум двух рядов объяснения. Такое возможно и в рамках исключительно каузального объяснения: «Автомобиль едет потому, что в нем есть бензин» и «Автомобиль едет потому, что я нажимаю педаль газа». Дело в том, что любое событие может быть объяснено целым рядом причин, выбор же нужного зависит от интерпре-

татора, от его целей. Поэтому в нашем рассмотрении телеологическое объяснение должно нести дополнительную информацию к каузальному, но не противоречить ему. Таким путем идет И. Т. Фролов [7], разрабатывая возможность телеологического объяснения в существовании статистических законов.

Итак, телеология имеет еще меньшее отношение к телеологии, чем привычное научное каузальное объяснение. Интенциональная интерпретация телеологии ведет к невозможности ее верификации. Телеологическое объяснение должно быть несводимо к каузальному, т. е. должно быть верифицировано независимо от него.

2.4. Рамки телеологии Л. Микса. Очень показательной в плане следования рассмотренным нами рамкам научной телеологии является вышедшая в свет в 2022 г. книга «Конец конечных причин в биологии» [15]. Лукас Джон Микс, заведующий кафедрой астробиологии в НАСА, предпринимает очень важную попытку осмыслить необходимость и возможность использования телеологического языка в биологии. Несмотря на обвинительную формулировку, которой озаглавлена книга, автор понимает важность привлечения языка целей, конечных причин в современной биологии «Биология требует телеологии, и существует множество вариантов» [Ibid., p. 4]. Биотелеология необходима, прежде всего потому, что ученые сталкиваются с такими понятиями, как функция, форма и сила. В биологическом организме есть множество органов, которые выполняют определенные функции, соответственно для понимания его функционирования мы должны ответить на вопрос «зачем?». Далее, форма – то, что создает действующего в природе биологического «агента»: «любое обращение к целям требует некоторого представления о том, у кого или чего есть цель» [Ibid.], а эти агенты обладают силой для достижения их целей. Таким образом, «современная биология “натурализовала” телеологию. Это вернуло силу, форму и функцию из агентной (и, следовательно, неестественной) сферы Просвещения и поместило их в сферу эмпирического рассуждения» [Ibid., p. 16].

Однако Микс указывает, что на использование телеологического языка в науке должны быть наложены три существенных ограничения. «Методологический натурализм исключает априорных агентов, которые не действуют с законной регулярностью. *Локальная адаптация* отражает апостериорное открытие того, что эволюция не является ни прогрессивной, ни линейной, хотя последовательные изменения могут происходить при последовательных условиях. *Слепой случай* описывает достаточность генов и естественного отбора для объяснения эволюции, не прибегая к перспективе, воле или другим ментальным телеологиям» [Ibid., p. 97, курсив наш].

Данные условия очень важны, но, к сожалению, не были осмыслены достаточно ясно и последовательно.

2.4.1. Натуралистическое понимание «агентов» эволюции выражается в «номинализме» в определении предмета эволюции. Микс продолжает борьбу с платонистическим пониманием вида как объекта биологической эволюции, начатую еще Э. Майром: «Однако Дарвин произвел революцию в этой концепции, признав виды прагматичными, номинальными категориями, а не вечными, идеальными формами» [Ibid., p. 124]. Но выбранное Миксом понятие «номинализм» в данном случае совершенно неуместно, так как относит биологические категории исключительно к человеческому разуму, делает их произвольными. В том числе и от такого понимания пытался избавиться Э. Майр, вводя «популяцию» как «соотносительное» понятие, то есть понятие, характеризующее реальные отношения в живой природе [3]. Номинализм возвращает телеологию в сознание субъекта, поскольку вид существует номинально, только в его голове. Поэтому Микс не может дать четкое понимание, эволюцию какого объекта описывает теория эволюции. «Можно было бы составить достаточно широкое определение “организма”, которое приравнивало бы его к любой регуляторной единице вплоть до биосферы включительно... И все же труднее представить, как этиологическая рекурсия могла бы происходить на этом уровне, поскольку характеристика наследования, вариации и отбора становится более сложной без популяции суперорганизмов, в которой происходит отбор... Биология как естественная наука должна относиться к индивидам (организмам, видам, единицам отбора и единицам наследования) как к произвольным названиям, полезным в той мере, в какой они позволяют нам делать точные прогнозы в рамках эволюционной теории. Ключом к биологическому номинализму будет идея о том, что претензии на организменность не являются исключительными» [15, pp. 130–131].

Для научного понимания телеологии критически важным является универсальность целевого объяснения, возможность применить его в различных областях естествознания. Ес-

ли некая модель телеологии принципиально ограничивается только биологией, значит, она подспудно будет приписывать цели самим организмам, полагать цели в некоторых формах биологического сознания.

То, что описывает Микс, в действительности является не номинализмом, но относительным пониманием предмета эволюции; где относительность не является продуктом произвольного выбора исследователя, но должна определяться трансформацией понятия о предмете изменений в соответствии с изменениями самого предмета познания. Этот нюанс, во-первых, лишает возможности автора расширить телеологический язык за пределы биологической эволюции: «до появления первой дарвиновской популяции не существовало хранилища энергии, которое могло бы “стимулировать” рост сложности, порождение новых форм и функций. Химическая эволюция происходит таким же образом, как эволюция звезд и планет... Им недостает законной регулярности, характерной для естественного отбора, а именно, формы, определяющей материю посредством наследования, вариации и отбора, формализованного как стохастическое чередование аллелей в реальной популяции» [Ibid., p. 132].

Кроме того, при номиналистическом понимании предмета эволюции, как выделенное человеком «имя», «знак», этот знак требует своего реального значения. Он ждет некоего материального носителя формы, некоего гомункула, управляющего поведением организма, который как бы и является телеологическим агентом, как некая управляющая система. Мы же показываем, что телеология не может быть присуща отдельному агенту, но только целой системе. Номинализм – не тот путь, на котором можно выполнить натурализацию телеологии.

2.4.2. «Локальная адаптация» означает отсутствие какой-либо «глобальной», общей направленности биологической эволюции, по сути отказ от понимания какой-либо целостности биологических процессов. Для этого автору приходится заменить понятие самоорганизации «этиологической рекурсией». «Придание материи формы – это не (следуя Платону) односторонний процесс, а (следуя Аристотелю и Дарвину) непрерывный рекурсивный процесс» [Ibid., p. 131]; «...современная наука представляет собой окончательный триумф учения Гераклита. И все же, в великом стремлении Вселенной к беспорядку, жизнь создает небольшие вихри форм и функций» [Ibid., p. 127]. Понятие рекурсии призвано продолжить натурализацию, освободить процессы самодетерминации от тайного управляющего агента. Но в то же время, рекурсия – это цикл, который возвращается только к самому себе, он не способен породить что-то новое. Поэтому описывать эволюцию, которая является, наряду с революцией, одной из форм прогресса, через рекурсию просто невозможно.

2.4.3. Случайность (Blindness). Первопричиной ограниченного понимания телеологии, разрабатываемого Миксом, является непоследовательное освобождение от интенциональной телеологии. «Биологическое агентство не может быть перспективным, потому что нет субъекта, который мог бы видеть будущее или думать о нем. Генам (большинства) организмов и популяций недостает умственных способностей, необходимых для удержания каких-либо представлений, будь то воспринимаемых (ощущение) или воображаемых (разум)... Когда клеточный метаболизм воздействует на полинуклеотид, мы называем это “интерпретацией”, потому что, с практической точки зрения, мы представляем родителя и потомство как биологических агентов, разговаривающих друг с другом. Мы приписываем ментальные состояния обоим и говорим, что одно передает абстрактную форму другому посредством сигнала или сообщения» [Ibid., p. 134].

Такие метафоры показывают, что, несмотря на заявленную натурализацию биотелеологии, общим контекстом остается ее интенциональное понимание, необходимость некоего онтологического субъекта (агента), воплощающего целевую детерминацию.

2.5. Критика телеологии Алленом и Нилом. Также в рамках интенционального понимания остается и критика телеологии авторов статьи в Стенфордской философской энциклопедии «Телеологические понятия в биологии» [8]. Они стремятся избавиться от интенционализма в телеологии, вводят термин «телеонатурализм» «для обозначения аналогично широкого спектра натуралистических описаний телеологии в биологии, которые объединены тем, что отвергают любую зависимость от ментальных или интенциональных представлений при объяснении использования телеологических терминов в биологических контекстах» [Ibid., web].

Авторы демонстрируют, что значительная часть современных дискуссий, начиная с Нагеля [17] и Гемпеля [13], проходит в рамках понимания телеологического объяснения как реализации некоей функции. Однако понятие функции имплицитно содержит отсылку к це-

лomu, системе, для которой, собственно, эта функция и выполняется. Невинное и объективное, на первый взгляд, понятие функции отсылает к существованию системы во внешнем мире, в интересах которой реализуется функция. «Сердце выполняет функцию перекачивания крови в организме», что равнозначно «Цель сердца – перекачивание крови в организме». Но в таком объяснении мы неявно постулируем объективное существование целостности и ее потребности в исполнении данной функции (перекачивания крови). Именно из-за этого неявного конституирования объективной целостности и возникают проблемы функционального объяснения, трудности «отличать подлинные биологические функции от случайной полезности (например, носы, поддерживающие очки), и необходимость учитывать нормативное измерение функции, чтобы сохранить различие между функцией и дисфункцией» [8, web]. Таким образом, телеологический функционализм – еще одно направление, делающее суждения о целевых причинах ненаучными из-за нарушения регулятивного принципа их применения (подробнее в п. 4).

Авторы статьи указывают на ряд критических претензий, предъявляемых биологами к целевому объяснению, делающих, по их мнению, невозможным использование телеологического языка в науке (первые четыре выделены еще Э. Майром [14], пятая добавлена авторами):

- а) витализм (предпосылка существования некой «жизненной силы»);
- б) требование обратной причинно-следственной связи (поскольку целенаправленные объяснения используют будущие результаты для объяснения существующих признаков);
- в) несовместимость с механистическим объяснением (из-за а) и б));
- г) ментализм (приписывающие действие разума там, где его нет);
- д) невозможность эмпирической проверки.

Указанные трудности действительно выводят телеологическое объяснение за рамки науки. Однако сама природа их возникновения уже ясна в свете рассмотренных нами ограничений в научной телеологии. Пункты а) и г) являются следствием видеть стремление к цели как действие некоего субъекта, приписывают направленность некоему активному агенту во внешней среде, то есть нарушают ограничение интенциональности. Пункты б), в) и д) рассмотрены нами в п. 2.3: действительно, телеологическое объяснение не должно повторять каузальное, должно приносить новую информацию, но это не означает противоречия причинно-следственной связи, как не противоречат друг другу различные ряды каузальных объяснений.

После проведенного прояснения возможных интерпретаций научной телеологии можно уточнить нашу задачу: *возможна ли верификация и фальсификация нередуцируемых не интенциональных телеологических суждений?*

3. Верификация и фальсификация. В качестве примера научной телеологии рассмотрим объяснение поведения животных.

(1) *«Черепаша выползает на берег, чтобы отложить яйца и оставить потомство».*

Эта ситуация любопытна тем, что такое поведение черепахи вряд ли может быть понято без привлечения телеологического объяснения. Подавляющая часть яиц и вылупившихся черепах будет съедена змеями, крокодилами, чайками и прочими хищниками. Только малому проценту из них удастся добраться от пляжа до кромки моря; где, впрочем, их поджидает не меньше опасностей.

С точки зрения объективной действительности черепаха приносит на остров органический материал, который успешно усваивается хищниками; выжившие черепахата составляют статистически исчезающую величину.

Для понимания поведения черепахи мы не можем обойтись без телеологии. Конечной причиной действий черепахи является оставить потомство. Использование при объяснении данной ситуации «цели» позволяет понять поведение черепахи.

Приведенное телеологическое объяснение представляется *правильным* (мы предпочитаем использовать термин «объяснение», а не «суждение», т. к. характеристикой суждения является *истинность* или *ложность*, что создает дополнительные трудности, проясненные в п. 4). Однако здесь возможны и другие объяснения:

(2) *«Черепаша выходит на берег и откладывает яйца, чтобы накормить крокодилов и чаек».*

(3) *«Черепаша выходит на берег и откладывает яйца, чтобы взорвать этот остров».*

(4) *«Черепаша выходит на берег и откладывает яйца, чтобы исполнить божественный замысел».*

При каком же условии объяснение можно считать правильным или неправильным? В качестве такого условия следует принять такое положение:

(5) Существует интерпретация, при которой действующее является частью, а конечная причина (цель) – целым.

Таким образом, телеологическое объяснение можно считать верифицированным, если такая интерпретация данного суждения существует; если же при любой интерпретации такое понимание невозможно – фальсифицированным.

Поэтому для верификации нужно указать на то целое, создание и поддержание которого обеспечивается данным действием. Соответственно, если такое целое мы найти не можем – суждение фальсифицировано.

Для суждения (1) такое целое есть – это популяция черепах. Действия черепахи могут быть поняты исходя из поддержания существования этого целого.

Для суждения (2) возможно найти такое целое – это экосистема. Если без откладывания яиц черепахой существование экосистемы окажется под угрозой, значит объяснение (2) также может быть рассмотрено как правильное. Как было показано в п. 2, существование нескольких различных правильных объяснений одного и того же явления не противоречит принципам научности, но напротив, внутренне присуще научному объяснению, когда предмет предполагает многоуровневость рассмотрения.

В суждении (3) такого целого мы указать не можем. (Безусловно, можно придумывать фантастические интерпретации, как «черепаха – часть инопланетной цивилизации, которая может уничтожить жизнь на Земле». Однако такие же фантастические объяснения можно придумывать, чтобы обойти фальсификацию и каузальных объяснений). И дело здесь не в том, что черепаха не может взорвать остров своими яйцами – это было бы каузальное объяснение – а в том, что нет такого целого, в интересах которого, как его часть, могла бы так действовать черепаха.

Объяснение же (4) представляется бессмысленным, т. к. ничего не добавляет к каузальному объяснению «Черепаха откладывает яйца, потому что так ее устроил бог», его верификация, независимая от верификации каузальности, невозможна.

Таким образом, мы показали, что телеологическое объяснение может быть верифицировано и фальсифицировано *не хуже*, чем каузальное. С этой точки зрения телеологические суждения могут быть рассмотрены в качестве научных.

Совершенно беспрепятственно можно расширить целевое объяснение и за рамки биологии, например, говоря о сильной интерпретации антропного принципа. «Вселенная принимает такие значения мировых констант, *чтобы* обеспечить возможность ее эволюции». Такое телеологическое объяснение не означает, что Вселенной приписывается сознание, в котором существуют какие-то цели; но указывает лишь на то, что в антропном принципе наука дошла до осознания Вселенной как единой эволюционирующей системы.

Однако для окончательной реабилитации телеологии стоит вернуться к вопросу о соотношении телеологического и каузального объяснения. Может ли приведенное условие (5) помочь в преодолении противоречия между действующей и целевой причиной, не допуская разрыва каузального детерминизма «чудом» или «случайностью»? Важной частью условия (5) является наличие интерпретации, то есть содержится отсылка к познающему субъекту, что позволяет применить трансцендентальный метод.

4. Трансцендентальный регулятивный характер телеологических суждений. На первый взгляд, сам вопрос о верификации телеологических суждений противоречит кантовскому подходу, т. к. предполагает сопоставление такого суждения с реальностью, нахождение цели в природе, что отвергается Кантом.

«Целесообразность природы есть частное априорное понятие, которое имеет свой источник только в рефлектирующей способности суждения» [2, § IV, с. 21]. Рефлектирующая способность суждения – способность находить общий закон для особенного – использует идею цели только для самой себя, не приписывая ее природе. Цель играет роль априорного принципа, дающего нам единство эмпирических законов.

Принцип целесообразности «регулятивен, а не конститутивен и дает нам только путеводную нить», он позволяет взойти к новому порядку закономерности, не нарушая при этом принципа каузальности [2, § 67, с. 220]. «Интерпретация», о которой мы говорим в условии (5) и есть кантовская «путеводная нить», позволяющая найти целое, необходимое для понимания функционирования своих частей. Рассмотренный подход к верификации телеологическо-

го объяснения не противоречит, но конкретизирует кантовское понимание. Мы указываем на а) возможность нескольких правильных телеологических объяснений и б) на условия отвержения телеологического объяснения. Поэтому условие (5) может быть названо трансцендентальным условием верификации и фальсификации регулятивных телеологических суждений.

5. Вывод. Продемонстрирована принципиальная возможность верификации и фальсификации телеологических объяснений. Полученный результат легитимирует использование ученым объяснение процессов и явлений, исходя из конечных причин, как принцип, направляющий познание на нахождение целого, на понимание природных явлений как частей функционирующей системы. Представлено понимание телеологического объяснения, которое позволяет избежать обращения как к интенции действующего субъекта, так и сверхъестественного вмешательства: *существует интерпретация, при которой действующее является частью, а конечная причина (цель) – целым.*

Целевое объяснение при соблюдении рассмотренных нами условий может использоваться в науке без всяких оговорок, экивоков («телеономия»), не боясь быть обвиненным в антинаучном, религиозном подходе. Правильно понятая телеология ни в коем случае не вступает в противоречие с каузальностью, но дополняет ее. Такая телеология является залогом успешного разворачивания парадигмы глобального эволюционизма, постигающая Вселенную как целостную эволюционирующую систему.

Список литературы

1. Вригт Г. Х., фон. Объяснение и понимание // Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 595 с.
2. Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. Чоро, 1994. 414 с.
3. Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. 460 с.
4. Макаров М. Г. Категория "цель" в домарксистской философии. Ленинград: Наука, Ленингр. отделение, 1974. 186 с.
5. Панкратов А. В. Телеология и принцип необратимости // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 73–85.
6. Поппер К. Логика научного исследования. М.: АСТ: Астрель, 2010. 565 с.
7. Фролов И. Т. Детерминизм и телеология / И. Т. Фролов; сост. Г. Л. Белкина; предисл. В. Г. Борзенкова, А. В. Козенко. М.: URSS, 2010. 271 с.
8. Allen C., Neal J. Teleological Notions in Biology. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy / 2020 ed. Stanford University. 1997. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/teleology-biology/> (дата обращения: 10.06.2024).
9. Basl J. A trilemma for teleological individualism // Synthese. 2017. № 194. Pp. 1057–1074.
10. Dennett, Daniel C. Clever Evolution // Metascience. 2019. № 28. Pp. 355–358.
11. Gnatic E., Loxov S., Mamchenkov D. The Hard Problem of Consciousness in the Light of Onto-Gnoseological Uncertainty / Gnatic E., Loxov S., Mamchenkov D., Matyushova M. // Scientia et Fides. 2018. № 6,2. Pp. 1–13.
12. Hartmann N. Teleologisches Denken. Berlin: de Gruyter, 1951. 136 p.
13. Hempel C. G. The Logic of Functional Analysis in his Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Science. New York: Free Press, 1965. Pp. 297–330.
14. Mayr E. The multiple meanings of teleological. In Ernst Mayr (ed.), Towards a New Philosophy of Biology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. Pp. 38–66.
15. Mix L. J. The End of Final Causes in Biology. Palgrave Macmillan, Springer International Publishing, 2022. 150 p.
16. Mossio M., Bich L. What makes biological organisation teleological? // Synthese. 2017. № 194. Pp. 1089–1114.
17. Nagel E. Teleological Explanation and Teleological Systems. In Vision and Action: Essays in Honour of Horace M. Kallen on His 70th Birthday / Sidney Ratner (ed.). New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1953. Pp. 537–558.
18. Terra Polanco M. C. "El 'mecanismo de la naturaleza' en la filosofía de I. Kant. Una clave para entender la inexplicabilidad mecánica de los seres orgánicos". Ideas y Valores 68 (169). 2019. Pp. 205–218.
19. Villalobos M., Frick R., Vicencio-Jimenez S. Autopoiesis, Thermodynamics, and the Natural Drift of Living Beings: Another Way to the New Evolutionary Synthesis // Entropy. 2022. № 24. Pp. 914–927.
20. Walsh D. M. Organisms, Agency, and Evolution. Cambridge University Press: Cambridge, UK, 2015. 149 p.
21. Woodfield A. R. Teleology. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 244 p.

How are teleological judgments possible in science?

Mamchenkov Dmitry Valeryevich

PhD in Philosophy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow.
ORCID: 0000-0003-0484-2232. E-mail: mamchenkov-dv@rudn.ru

Abstract. The position of teleology in modern science is unenviable, it is strongly associated with a religious view of the world, it seems that it could only have taken place in Ancient or Medieval science. However, for the successful unfolding of the paradigm of global evolutionism in the 21st century, which comprehends the universe as an integrated evolving system, the use of teleological explanations is an important condition.

We are asking the question of teleology not in terms of content, but formally: is it possible in principle to use teleological judgments (explanations) as scientific ones and under what conditions? Is it possible to verify and falsify teleological judgments? To solve these problems, we use transcendental and phenomenological methods.

Three understandings of teleology are considered, in which the answer to the question posed will be negative: intentional, theological and reductionist. The intentional vision of teleology (i.e., the presence of intention in the object itself, striving for a goal) is the most common in philosophy of the 20th century, and we demonstrate this by the example of many approaches. But it turns out that it is impossible to verify judgments that inevitably refer to the inner world of the subject.

The theological understanding of teleology is internally contradictory ("God has no goals") and cannot be verified. Reductionism in the understanding of teleology also cannot be scientific, because in this understanding teleological judgments cannot be verified independently of causal ones. Therefore, our task is more specific: is it possible to verify and falsify non-reducible non-intentional teleological judgments?

The condition for a positive response is the following statement: there is an interpretation in which the agent is a part, and the final cause (goal) is the whole. Turning to Kant's division into constitutive and regulative principles, we demonstrate that this condition can be called a transcendental condition for the verification and falsification of regulatory teleological judgments. This understanding paves the way for building a holistic interdisciplinary evolutionary picture of the world.

Keywords: teleology, target cause, final cause, regulatory principle, scientific explanation.

References

1. Vrigt G. H., *fon. Ob'yasnenie i ponimanie* [Explanation and understanding] // *Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbrannye trudy* – Logical and philosophical research. Selected works. M. Progress, 1986. 595 p.
2. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the ability of judgment] // *Sobr. soch. : v 8 t. T. 5* – Collected works : in 8 vols. Vol. 5. Choro, 1994. 414 p.
3. Mayr E. *Populyacii, vidy i evolyuciya* [Populations, species and evolution]. M. Mir, 1974. 460 p.
4. Makarov M. G. *Kategoriya "cel'" v domarksistskoj filosofii* [The category of "purpose" in pre-Marxist philosophy]. L. Nauka (Science), Leningr. publishing house, 1974. 186 p.
5. Pankratov A. V. *Teleologiya i princip neobratimosti* [Teleology and the principle of irreversibility] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2003. No. 8. Pp. 73–85.
6. Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [Logic of scientific research]. M. AST : Astrel, 2010. 565 p.
7. Frolov I. T. *Determinizm i teleologiya* [Determinism and teleology] / I. T. Frolov; comp. by G. L. Belkina; preface by V. G. Borzenkov, A. V. Kozenko. M. URSS, 2010. 271 p.
8. Allen C., Neal J. Teleological Notions in Biology. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / 2020 ed. Stanford University. 1997. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/teleology-biology/> (date accessed: 10.06.2024).
9. Basl J. A trilemma for teleological individualism // *Synthese*. 2017. No. 194. Pp. 1057–1074.
10. Dennett, Daniel C. *Clever Evolution* // *Metascience*. 2019. No. 28. Pp. 355–358.
11. Gnatic E., Loxov S., Mamchenkov D. The Hard Problem of Consciousness in the Light of Onto-Gnoseological Uncertainty / Gnatic E., Loxov S., Mamchenkov D., Matyushova M. // *Scientia et Fides*. 2018. No. 6,2. Pp. 1–13.
12. Hartmann N. *Teleologisches Denken*. Berlin : de Gruyter, 1951. 136 p.
13. Hempel C. G. *The Logic of Functional Analysis in his Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Science*. New York : Free Press, 1965. Pp. 297–330.
14. Mayr E. The multiple meanings of teleological. In: Ernst Mayr (ed.), *Towards a New Philosophy of Biology*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1988. Pp. 38–66.
15. Mix L. J. *The End of Final Causes in Biology*. Palgrave Macmillan, Springer International Publishing, 2022. 150 p.
16. Mossio M., Bich L. What makes biological organisation teleological? // *Synthese*. 2017. No. 194. Pp. 1089–1114.
17. Nagel E. Teleological Explanation and Teleological Systems. In: *Vision and Action: Essays in Honour of Horace M. Kallen on His 70th Birthday* / Sidney Ratner (ed.). New Brunswick, NJ : Rutgers University Press, 1953. Pp. 537–558.

18. Terra Polanco M. C. "El 'mecanismo de la naturaleza' en la filosofía de I. Kant. Una clave para entender la inexplicabilidad mecánica de los seres orgánicos". *Ideas y Valores* 68 (169). 2019. Pp. 205–218.
19. Villalobos M., Frick R., Vicencio-Jimenez S. Autopoiesis, Thermodynamics, and the Natural Drift of Living Beings: Another Way to the New Evolutionary Synthesis // *Entropy*. 2022. No. 24. Pp. 914–927.
20. Walsh D. M. *Organisms, Agency, and Evolution*. Cambridge University Press: Cambridge, UK, 2015. 149 p.
21. Woodfield A. R. *Teleology*. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 244 p.

Поступила в редакцию: 15.07.2024

Принята к публикации: 17.10.2024

УДК 140

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.035

Концепция «*nesting orientalism*» в восточноевропейском социально-философском дискурсе

Клепикова Любовь Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Российский университет транспорта (МИИТ).
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-5659-6120. E-mail: sevell1@rambler.ru

Аннотация. В работе рассматривается феномен групповой и национальной идентичности, сконструированной на основе дихотомии Восток-Запад. Целью является анализ еще нераспространенной в отечественной научной литературе концепции «*nesting orientalism*», предложенной сербским исследователем М. Бакич-Хайден. Данная концепция является производной от «ориентализма» Э. Саида, в исследовании которого демонстрировалось, каким образом на протяжении столетий, благодаря совокупности ориенталистских репрезентаций, Восток начал позиционироваться как мировоззренческая противоположность Западу. Главная идея концепции «*nesting orientalism*» заключается в том, чтобы, с одной стороны, отойти от рассмотрения образов Востока и Запада как гомогенных сущностей, с другой стороны, показать гетерогенность образа Востока. Автор данной работы анализирует концепцию «*nesting orientalism*» в ее первоначальном виде, описанном М. Бакич-Хайден, и проводит сравнительный анализ применения концепции другими исследователями: в каких областях она была применена, для каких целей, каким изменениям или дополнениям была подвергнута. Делается вывод о том, что концепция «*nesting orientalism*», в отличие от «ориентализма», позволяет: во-первых, отойти от гомогенной бинарности Восток-Запад; во-вторых, взглянуть на образ «Востока» не как на единую целостность, но как на совокупность идентичностей разнообразных социальных групп, которые нередко строят свои идентичности на основе целенаправленной маргинализации соседних или ближайших к ним других социальных групп; в-третьих, анализировать процесс конструирования идентичности и саморепрезентаций не только в контексте этнических и религиозных, но и социально-экономических отличий между социальными группами. Концепция «*nesting orientalism*» может быть использована в отечественных социально-философских исследованиях в областях изучения конструирования групповых идентичностей, процессах самопрезентации или маргинализации различных социальных групп.

Ключевые слова: ориентализм, *nesting orientalism*, Восток, Запад, дискурс, репрезентация, Европа, идентичность.

При исследовании общества и бытующих в нем социальных и духовных процессов исследователь всегда имеет в виду, что они происходят не только в связи с влиянием объективных событий, но и вследствие того, через какие образы общество интерпретирует эти события. Стоит отметить, что в определенный момент созданные образы становятся неотъемлемыми элементами социальной реальности. Особенно ярко это видно на примерах того, как определенные общества и регионы репрезентуются в общественном дискурсе.

Термин «ориентализм» был введен литературоведом Э. Саидом в его монографии «Ориентализм: западные концепции Востока» (1978). Данный термин уже давно известен и используется как зарубежными [14; 20; 21; 22], так и отечественными исследователями [1; 2; 3]. Под «ориентализмом» исследователь понимал в первую очередь совокупность репрезентаций, с помощью которых западное общество, с одной стороны, воспринимало и познавало Восток, а с другой стороны, утверждало экономическую и политическую власть над Востоком, так как сам Восток в западном дискурсе был лишен возможности сам представлять себя [5, с. 35, с. 38]. Важным атрибутом ориентализма, описанного Э. Саидом, является его *самостоятельность* и *самодостаточность*. Это проявляется в том, что, во-первых, находясь в рамках ориентального дискурса, люди, будь то ученые, путешественники, писатели или политические деятели (Э. Саид называл их «ориенталистами»), говорят и пишут не о Востоке, а о собственном восприятии Востока, то есть репрезентуют Восток для себя и для близкой им аудитории. Во-вторых, ориенталистские репрезентации, будучи уже сконструированными, существуют независимо от того, что можно назвать «Востоком», «восточной культурой» или «странами востока». Ориентализм, по Э. Саиду, это прежде всего восприятие феномена Востока на коллективном и индивидуальном уровнях. Следовательно, ориентальные репрезентации в первую очередь должны не представлять «настоящий Восток», но быть понятными среднестатистическому западному человеку.

Научно-исследовательская ценность предложенной Э. Саидом концепции ориентализма состоит в том числе в том, что она позволяет ученым рассматривать одновременно две реальности: условно-объективную – пространственно-временной континуум, где происходят действия различного характера, и условно-имагинативную – совокупность интерпретаций этих действий, причем интерпретации будут вписаны в уже существующий дискурс, составные элементы которого можно обнаружить в литературных и публицистических текстах, политических заявлениях и т. д.

Однако ограниченность концепции Э. Саида заключалась в том, что автор сознательно рассматривал ориентализм исключительно сквозь призму колониальных отношений [13; 19]. В этом контексте колонизаторами выступали британцы, французы, впоследствии американцы, а под «Востоком» подразумевались в первую очередь страны Ближнего Востока и Северной Африки, то есть бывшие политические колонии [5, с. 35]. Соответственно, в качестве источников для исследования Э. Саид ограничивался корпусом англо-французских текстов. Данное обстоятельство сподвигло многих представителей научного сообщества к тому, чтобы расширить исследовательское поле, не только анализируя тексты немецких, австро-венгерских и др. авторов, но и пытаясь использовать ориентальную парадигму для изучения репрезентаций других политических регионов, например Восточной Европы и Балкан [6].

В работе «Изобретая Восточную Европу» американский историк Л. Вульф использует подход, подобный тому, который применял Э. Саид, – «Восточная Европа» фигурирует в качестве интеллектуального конструкта, созданного путешественниками эпохи Просвещения с целью описать Европу «через контраст с Восточной Европой, которая в то же время служила мостом между Европой и Востоком» [4, с. 39]. Можно отметить, что в работе Л. Вульфа «Восточная Европа» (как «Восток» в работе Э. Саида) выступает в качестве конструкта, который репрезентуется посредством рассказов европейских интеллектуалов, но не имеет самопрезентации.

Несколько иной подход использует американско-болгарский историк М. Тодорова («Imagining the Balkans»). Исследовательница разработала концепцию «балканизма», дискурса, который, не являясь частью ориентального дискурса, существует параллельно с ним. Если ориентализм предполагает оппозицию (Восток и Запад, Европа и Восточная Европа), то балканизм – это дискурс двойственности, в котором Балканы являются и Европой, и не-Европой одновременно [20]. Фокусируясь на Балканском регионе, Тодорова отмечает, что с западной точки зрения он является полуориентальным, не-Западом и не-Востоком.

«Ориентализм» Э. Саида и «балканизм» М. Тодоровой, являясь продуктивными концепциями для исследования специфики репрезентации определенных регионов в массовом сознании, тем не менее обладают ограничениями, которые заключаются главным образом в том, что области их применения – это конкретные регионы (ориентализм – постколониальный Ближний Восток, балканизм – Балканский регион). Кроме того, и ориентализм, и балканизм предполагают присутствие в дискурсах определенной степени гомогенности, проявляющейся в использовании схожих репрезентаций, даже когда речь о разных странах одного региона (Э. Саид даже приводит пример, когда ориентальный дискурс приводил к тому, что про Египет и Сирию писали, используя одни и те же образы и способы репрезентации [5, с. 41]).

В середине 1990-х сербский ученый Милица Бакич-Хайден ввела концепцию «*nesting orientalism*». Мы собираемся рассмотреть эту концепцию, ее атрибутивные свойства, особенности бытования в научной литературе и перспективы дальнейшего применения. В отечественной научной литературе концепция «*nesting orientalism*» до сих пор не распространена (по крайней мере, русскоязычных научных работ, использовавших эту концепцию, нам обнаружить не удалось).

Работу Милицы Бакич-Хайден «*Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia*» (1995) можно с некоторой долей условности сравнить с трудом М. Тодоровой, так как в качестве исследовательского материала М. Бакич-Хайден также берет балканскую ситуацию. Но, в отличие от М. Тодоровой, М. Бакич-Хайден не только вновь использует концепцию ориентализма, но и дополняет ее, вводя понятие «*nesting orientalism*» [8]. На русский язык его можно перевести следующими способами: «встроенный ориентализм», «вложенный ориентализм», «ориентализм, встроенный вовнутрь», «ориентализм, обращенный вовнутрь». М. Бакич-Хайден отталкивается от понятия «Восток» в том виде, в котором его применял Э. Саид: «Восток» выступает в качестве дихотомической антитезы относительно «Запада», в результате чего возникает образ «Запада» – собирательной конструкции, воплощающей в себе представления

о «цивилизованном» и «прогрессивном». Соответственно, в рамках дихотомического дискурса, основанном на противопоставлении «Запада» и «Востока», «Восток» будет ассоциироваться с образами, противоположными «цивилизации» и «прогрессу». Исследовательница указывает на негеографическую природу «Востока», так как представления о местонахождении границы, отделяющей «цивилизованный Запад» от «не-цивилизованного Востока», могут существенно меняться, в то время как «Восток» и связанные с ним ассоциации сохраняются.

Но в отличие от Э. Саида, М. Бакич-Хайден указывает на многослойность понятия «Восток». Несмотря на кажущуюся гомогенность, «Восток» можно разложить на такие составляющие, как «восточные страны», «Восточная Европа» или «Балканы» [8]. «Восточная Европа» будет отождествляться с «отсталостью», Балканы с «жестокостью», Индия – с «идеализмом» и «мистицизмом», но «Запад» остается гомогенным единством, чуждым по отношению к «отсталости», «жестокости» и «мистицизму». При этом Бакич-Хайден указывает на то, что «отсталость» и «жестокость» нельзя свести исключительно к идеологическим метафорам, они также определяют социально-научный язык влиятельных философов и писателей, начиная с эпохи Просвещения (Монтескье, Вольтер и Руссо) до настоящего времени. Этот язык выполняет важную функцию в процессе конструирования социальной реальности: происходит эссенциализация – когда, например, образ Балкан сливается с представлениями о «жестокости», и последняя начинает выступать как неотъемлемая черта, передающаяся из поколения в поколение, а значит, «навсегда свойственная» Балканам. Появляются и перманентно обосновываются идеи о «врожденных качествах» разных людей, о «сущностях» разных наций. Бакич-Хайден отмечает, что эссенциализация и приписывание «врожденных качеств» – наиболее частый инструмент рационализации «судьбы нации» и «правильности» любых националистических идеологий. Причем к этому инструменту прибегали (и прибегают) отнюдь не только представители западных колониальных и постколониальных государств, но и лица, создающие политическую идентичность самих «ориентальных» стран. Исследовательница приводит в пример индийских лидеров Ганди и Неру, построивших национальную идеологию на базовых основах ориентального дискурса [8]. Данная идеология также предполагала существование эссенциальных и неизменных различий между «Западом» и «Востоком», но в «перевернутом» виде, когда «неотъемлемые свойства» «Востока» объявлялись более «правильными».

Наблюдения за тем, как видоизменялся ориентальный дискурс в разных политико-географических локациях, приводят Бакич-Хайден к концепции «*nesting orientalism*», которая, с одной стороны, воспроизводит дихотомию ориентального дискурса, но, с другой стороны, направлена на то, чтобы определенная социальная группа могла «де-ориентализировать» себя за счет «ориентализации» других. «В этой модели Азия является более “восточной” или “другой”, чем Восточная Европа; внутри самой Восточной Европы эта градация воспроизводится [схожим образом], причем Балканы воспринимаются как более “восточные”; на Балканах существуют схожие иерархии» (здесь и далее перевод мой. – Л. К.) [8]. Наиболее ярко эта модель прослеживается на примере бывшей Югославии: жители территорий, ранее принадлежавших Габсбургской империи, считают себя «более европейцами» по отношению к населению бывших территорий Османской империи; православные христиане считают, что по сравнению с ними европейские мусульмане «более ориентальны» и т. д.

Одна из ключевых идей, связанных с «*nesting orientalism*», это создание инструментария для построения национальной идентичности. В случае с Югославией Бакич-Хайден указывает на то, что исторический материал для конструирования идентичности находится в так называемых «европейских» периодах – это могут быть доюгославские времена, эпоха австро-венгерского правления, но период османского владычества будет характеризоваться исключительно в категориях противостояния «европейского» и «не-европейского» («мусульманского») [8]. По словам автора, это наглядно можно наблюдать на примере бывших югославских «северных республик», Словении и Хорватии, внутри социально-политического пространства которых существует дискурс о том, что столетия правления Габсбургов дали им право «присоединиться к Европе» в настоящее время. Этот дискурс также оказал влияние на другие бывшие югославские общества, укрепив распространенное на севере и западе Югославии мнение о том, что существует южное, «балканское бремя», которое замедлило, если не полностью помешало не-балканским частям страны стать тем, чем они «на самом деле» являются – «европейскими» [8]. Но если в случае со Словенией и Хорватией основную роль сыграла географическая близость к западной Европе, то другие югославы, которые, по словам Бакич-Хайден, набирают «меньше баллов» в вопросе о степени «принадлежности к Европе»,

компенсируют это, находя тех самых других, которые стоят еще «ниже» в «европейской» иерархии. «Таким образом, сербов, черногорцев и, в меньшей степени, македонцев объединяет двойственная идентичность: они чувствовали себя обязанными защищать свою «другую» европейскую принадлежность, подчеркивая свой взаимодополняющий вклад в европейское культурное наследие и культурную неоднородность, созданную османским завоеванием их территорий» [8]. Согласно сербско-черногорскому дискурсу, Балканы оказались «бастионом», в свое время защитившим остальную Европу от мусульманского завоевания. В подобном контексте приверженность христианской религии становилась неоспоримой ценностью, в связи с чем в роли негативных ориентализированных «других» стали выступать местные жители, принявшие ислам – религию осман-завоевателей. Показательным здесь выступает «игнорирование диахронического измерения прошлых событий» [8]. Бакич-Хайден обращает внимание, что в процессе конструирования идентичности события прошлого (османское завоевание, принятие частью балканского населения ислама) выступают как прямое объяснение современной ситуации, когда настоящее как бы «опрокидывается» в прошлое. В событиях прошлого, согласно этой модели, найдется место и проблеме принятия/непринятия в европейскую зону, и кризис вокруг мусульманских мигрантов, и превращение некоторых балканских стран в «бастионы» против исламской экспансии. При этом укрепляется изначальный ориентальный дискурс, по которому Балканы выступают зоной «жестокости» и «древней ненависти» по отношению друг к другу. Важной особенностью ориентального дискурса Бакич-Хайден видит то, что корни социальных, политических и религиозных конфликтов всегда находятся в глубине веков, в то время как актуальные причины или игнорируются, или позиционируются как непосредственное продолжение «исторических» причин.

Мы полагаем, что большое преимущество использования концепции *«nesting orientalism»*, во-первых, состоит в возможности увидеть изучаемую ситуацию именно в разрезе проблем и конфликтов настоящего времени и проследить контекст формирования ситуации. Во-вторых, *«nesting orientalism»* представляет собой концептуальную призму, через которую можно максимально объективно изучать идеологическое мировоззрение социальных групп, вовлеченных в процессы «ориентализации» и «деориентализации». В-третьих, посредством *«nesting orientalism»* удобно исследовать процесс формирования национальной идентичности. После публикации работы М. Бакич-Хайден разработанная ей концепция была применена по нескольким научно-исследовательским направлениям.

Чаще всего можно наблюдать, как концепция *«nesting orientalism»* используется для анализа политико-идеологической грани социальной реальности. М. Бакич-Хайден выявила *«nesting orientalism»*, больше ориентируясь на балканскую ситуацию, и особое внимание обращала на образ «цивилизационного моста», которую балканский регион исполнял на протяжении XIX–XXI вв. Впоследствии другие ученые продолжали использовать *«nesting orientalism»* для изучения балканской ситуации, особенно для анализа идеологической сферы жизни общества. Например, существуют научные работы [11], где концепция применяется для рассмотрения построения идентичности, основанной на осмыслении отношений с соседней нацией (социальной группой). При этом концепция интерпретируется в расширенном виде, так как автор считает нужным подчеркнуть отличие «традиционно западного» балканизма от балканизма самих югославов, так как для албанского меньшинства принципиально важно, как будет построено отношение остальных югославов по отношению к ним [11].

Исследователи прибегали к *«nesting orientalism»* не только в социально-идеологической плоскости (подразумевающей исследование культурно-идеологических репрезентаций различных социальных групп в литературных и публицистических репрезентациях), но в социальной сфере, связанной с мировым экономическим кризисом (2008–2013) [10]. В этом случае *«nesting orientalism»* интерпретируется как стратегия, репрезентирующая соседнюю страну как «более балканскую» по сравнению с собственной страной. Причем *«nesting orientalism»* оказывается органически связан с динамикой переписывания идеологических границ по принципу государств «более принадлежащих к Европе» или, соответственно, «менее европейских». Отмечается, что подобные идеологические спекуляции усиливаются во время таких мировых кризисов, как «холодная война» или мировой экономический кризис.

Однако концепция показала свою результативность не только в контексте Балкан. К примеру, *«nesting orientalism»* применялся для исследования «войн памяти» вокруг наследия Второй Мировой войны в государствах бывшего коммунистического блока [15], когда каждая

из сторон идеологического конфликта пытается выставить оппонента «менее европейским» (в конкретном случае исследователей интересовало, каким образом подобные конфликты отражаются на конструировании идентичности в странах Западной Европы).

Кроме того, «*nesting orientalism*» оказался продуктивной концепцией для исследования идеологического дискурса таких стран, как Греция [16] и Венгрия [7]. Если в первом случае автор стремился подчеркнуть роль литературных репрезентаций в процессе конструирования образа Балкан в массовом сознании греческих интеллектуалов XIX–XX вв., то во втором – исследователь акцентировал внимание на феномене возникновения границ между «Восточной» и «Центральной» Европой и на том, каким образом возникло понятие «Центральной» (отличной от «Восточной») Европы, к которой и причисляет себя Венгрия. В этом случае в качестве дихотомического противовеса «восточному» используется «центральное» как более близкое к «западному».

«*Nesting orientalism*» в современных исследованиях влияет не только на работы, посвященные конкретно проблемам конструирования идентичности и идеологического мировоззрения в таких регионах, как Балканы, страны бывшего коммунистического блока или Центральная Европа. Дискурс «*nesting orientalism*» способствует тому, что относительно «почти европейских», «скорее европейских» и «менее европейских» стран понятие «Европа» начинается мыслиться как нечто гомогенное и нединамичное. Таким образом, у ряда исследователей возникает вопрос, как Европа конструируется, каким образом очерчиваются ее идеологические границы, определяющие ее «органические» части и «обочины». Формируемый вокруг этих вопросов дискурс «*nesting orientalism*» настолько силен, что его можно рассматривать не только как нечто свойственное «европейским обочинам», но и как составную часть большого европейского дискурса, который разделяется всеми участвующими в нем индивидами [15; 17]. Иными словами, социальные группы, отождествляемые с «европейскими обочинами», сначала были вынуждены самоориентализироваться, а впоследствии частично деориентализироваться, назначив «менее европейцами» отдельную социальную группу.

Примечательно то, что далеко не всегда в качестве «ориентализированных» «других» выступают социальные группы другой этнической или религиозной принадлежности (как было в оригинальной работе Бакич-Хайден). Так, концепция «*nesting orientalism*» использовалась, чтобы проанализировать идеологические основы социально-экономической дифференциации внутри постсоциалистических обществ [9; 12; 18]. В этих работах демонстрируется, что в основе «внутренней ориентализации» («*nesting orientalism*») не обязательно лежит этническая или религиозная составляющая. Польский антрополог Михал Буховский в качестве атрибутивного признака «*nesting orientalism*» берет представления об экономической и духовной «отсталости», которые приписываются маргинализуемой группе. На примере польской ситуации исследователь рассматривает процесс, когда внутренняя социальная ориентация происходит по трем направлениям: противопоставление 1) городского и сельского, 2) образованности и необразованности, 3) выигравших и проигравших от рыночной трансформации [9]. «Другому» необязательно быть отдаленным в пространстве, он может жить рядом, говорить на одном языке и исповедовать ту же религию. В центрально- и восточно-европейском контексте роль «ориентализированного другого» необязательно исполняют мигранты, нередко – это представители того же самого национального социума. Это делает «других» одновременно и отдельными, и всепроникающими. Они становятся объектами критики, так как объявляются ответственными за замедление прогрессивного развития социума. Объектами подобной критики могут выступать коррумпированные чиновники и алчные предприниматели, однако в общественном дискурсе «ориентализации» чаще подвергаются сельские работники и рабочие, олицетворяющие «отсталость». При этом речь часто идет о маргинализованных группах, которые когда-то были рабочими, но в связи с экономическими переменами не смогли адаптироваться и оказались в сфере «черного рынка» или мелкой преступности [9]. Эти группы наряду с сельскими общностями причисляются к «*homo soveticus*», который не имеет «гена креативности» и не способен видеть будущее [9].

«*Nesting orientalism*», лишенный этнической или религиозной составляющей, использовался еще в двух исследовательских контекстах. В первом случае – для анализа литературного нарратива, который осмыслял трансформации, происходившие во внутренней и внешней политике страны (в указанном примере – Хорватии) [18]. Во втором – в исследовании взаимодействия ориентализируемых групп с остальным населением (речь об исследовании социально-политического дискурса, бытующего в среде загребских футбольных фанатов –

группы, традиционно ассоциируемой с маргинальным поведением и национализмом) [12]. Таким образом, ярлык «менее европеец» маркирует далеко не только представителей других национальностей и вероисповеданий, но и социальные группы, которые в силу тех или иных причин стали восприниматься как «другие», связанные с такими качествами, как «отсталость», «негибкость» и «дикость».

В заключении следует отметить, что «*nesting orientalism*» обладает следующими характеристическими свойствами. Во-первых, если в случаях с ориентализмом и балканизмом, репрезентуемый репрезентируемый образ не имел собственной презентации, а исследователь смотрел на этот образ (Ближний Восток или Балканы) как на целое, то «*nesting orientalism*» сосредоточен на презентациях, формирующихся именно в социальных группах, представители которых чувствуют себя исключенными из представлений о «цивилизованном» и «склонному к прогрессу» обществе. Во-вторых, «*nesting orientalism*» показывает процессы социальной дифференциации в сообществах, где силен дискурс о том, кто имеет больше прав на общеевропейское цивилизационное наследие. В-третьих, «*nesting orientalism*» позволяет рассматривать несколько дискурсов одновременно и сравнивать их между собой (например, хорватский и сербский дискурсы о собственной включенности в европейское культурно-политическое пространство или причинах временной исключенности из этого пространства).

Концепция «*nesting orientalism*» открывает широкую перспективу в области исследования идеологических и ценностных основ, присущих конкретному социуму, а также изменения этих основ. В отличие от ориентализма и балканизма, «*nesting orientalism*» предполагает большую степень гетерогенности, так как сквозь его призму можно исследовать не только репрезентации, связанные с определенным регионом, но и комплексность репрезентаций во всех регионах. «*Nesting orientalism*» расширяет исследовательский фокус, позволяя обратить внимание, что ориентализация и социальная стигматизация в качестве «другого» может проходить не только по религиозному или географическому принципам, но и по принципу разных идеологических убеждений.

Список литературы

1. Алаев Л. Б. Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 1. С. 30–37.
2. Алимджанов Б. А. Ориентализм ориентализму рознь // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1488–1497. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.420.
3. Вахитов Р. Р. Евразийство и европеизация в России начала XX в.: «Российский ориентализм» и антиориентализм евразийства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (22). С. 123–129.
4. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
5. Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург : Русский Мир, 2006. 637 с.
6. Asboth T. E. Der „europäische Orient“: Transnationale und transatlantische Bilder vom »Balkan«, 1850–1918. Bielefeld : Transcript Verlag, 2023. 287 S.
7. Aydoğan C. Nesting Orientalisms: Case of Hungary, Its Imaginary Occidentalisation Process, and Inconsistencies // International Relations and Diplomacy. 2020. № 7 (1). Pp. 22–28.
8. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // Slavic Review. 1995. № 54 (4). Pp. 917–931. DOI: 10.2307/2501399.
9. Buchowski M. Social thought and commentary: the specter of orientalism in Europe: from exotic other to stigmatized brother // Anthropological Quarterly. 2006. № 79 (3). Pp. 463–482.
10. Green S. Borders and the Relocation of Europe // Annual Review of Anthropology. 2013. № 42. Pp. 345–361. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155457.
11. Hetemi A. Seeing each other: Nesting Orientalisms and internal Balkanism among the Albanians and South Slavs in the former Yugoslavia // Rethinking Serbian-Albanian Relations. Routledge, 2019. Pp. 79–97.
12. Hodges A. The hooligan as 'internal' other? Football fans, ultras culture and nesting intra-orientalisms // International Review for the Sociology of Sport. 2016. № 51 (4). Pp. 410–427. DOI: 10.1177/1012690214526401.
13. Jobst K. S. Orientalism. E. W. Said und die Osteuropäische Geschichte // Saeculum. 2000. № 51.2. Ss. 250–266.
14. Madiou M. S. E. Orientalism, a Thousand and One Times // Islamic Studies. 2020. № 59.3. Ss. 285–317.
15. Malksoo M. Nesting Orientalisms at War: World War II and the 'Memory War' in Eastern Europe / In: Barkawi, Tarak and Stanski, Keith, eds. Orientalism and War. New York, US : Columbia University Press/Hurst, 2013. Pp. 177–195. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199327782.003.0009 (дата обращения: 05.04.2024).
16. Marazopoulos P. "Reversed nesting orientalisms": the concept of orientalism in a European context // Slovanský přehled: historická revue pro dějiny střední, východní a jihovýchodní Evropy (Slavonic Review: Review for Central, Eastern and Southeastern European history). 2023. № 109 (1). Pp. 69–83.

17. Segnini E. Orientalism within Europe: Introduction // Journal of European Studies. 2016. № 46 (3-4). Pp. 214–220. DOI: 10.1177/0047244116664644.
18. Šetek N. Croatia's self-colonization: Intra-national nesting orientalism in Renato Baretic's Osmi povjerenik // Journal of European Studies. 2016. № 46 (3-4). Pp. 281–295. DOI: 10.1177/0047244116664650.
19. Schmidinger T. Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte. 2009. URL: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (дата обращения: 05.04.2024).
20. Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford : Oxford University Press, 1997.
21. Turner B. Edward W. Said: overcoming orientalism // Theory, Culture & Society. 2004. № 21.1. Pp. 173–177.
22. Varisco D. M. Reading Orientalism: Said and the unsaid. University of Washington Press, 2017.

The concept of "nesting orientalism" in the Eastern European socio-philosophical discourse

Klepikova Liubov Vladimirovna

PhD in Philosophy Sciences, associate professor of Philosophy, Russian University of Transport (MIIT).
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-5659-6120. E-mail: sevell1@rambler.ru

Abstract. The paper examines the phenomenon of group and national identity, constructed on the basis of the East-West dichotomy. The aim is to analyze the concept of "nesting orientalism", which is still widespread in the Russian scientific literature, proposed by the Serbian researcher M. Bakic-Hayden. This concept is derived from the "orientalism" of E. Said, whose research demonstrated how over the centuries, thanks to the totality of orientalist representations, the East began to position itself as the ideological opposite of the West. The main idea of the "nesting orientalism" concept is, on the one hand, to move away from considering the images of the East and the West as homogeneous entities, on the other hand, to show the heterogeneity of the image of the East. The author of this work analyzes the concept of "nesting orientalism" in its original form, described by M. Bakich-Hayden, and conducts a comparative analysis of the application of the concept by other researchers: in which areas it was applied, for what purposes, what changes or additions it was subjected to. The conclusion is drawn that the concept of "nesting orientalism", unlike "orientalism", allows: firstly, to move away from the homogeneous binary of East-West; secondly, to look at the image of the "East" not as a single whole, but as a set of identities of various social groups, which are often They build their identities on the basis of purposeful marginalization of neighboring or other social groups closest to them.; Thirdly, it is necessary to analyze the process of identity construction and self-representation not only in the context of ethnic and religious, but also socio-economic differences between social groups. The concept of "nesting orientalism" can be used in Russian socio-philosophical research in the fields of studying the construction of group identities, the processes of self-representation or marginalization of various social groups.

Keywords: orientalism, nesting orientalism, East, West, discourse, representation, Europe, identity.

References

1. Alaev L. B. *Vostokovedenie, evropocentrizm, orientalizm i civilizacionnye cennosti* [Oriental studies, Eurocentrism, orientalism and civilizational values] // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* – Herald of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 1. Pp. 30–37.
2. Alimdzhanov B. A. *Orientalizm orientalizmu rozn'* [Orientalism is different from orientalism] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* – Herald of St. Petersburg University. History. 2019. No. 4. Pp. 1488–1497. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.420.
3. Vahitov R. R. *Evracijstvo i evropeizacija v Rossii nachala XX v.: "Rossijskij orientalizm" i antiorientalizm evrajstva* [Eurasianism and Europeanization in Russia at the beginning of the twentieth century: "Russian Orientalism" and anti-Orientalism of Eurasianism] // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* – Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East. 2013. No. 2 (22). Pp. 123–129.
4. Wolf L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment]. M. New Literary Review, 2003. 560 p.
5. Said E. *Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. SPb. Russkiy Mir (Russian World), 2006. 637 p.
6. Asboth T. E. *Der "europäische Orient": Transnationale und transatlantische Bilder vom »Balkan«, 1850–1918*. Bielefeld : Transcript Verlag, 2023. 287 p.
7. Aydogan C. Nesting Orientalisms: Case of Hungary, Its Imaginary Occidentalisation Process, and Inconsistencies // *International Relations and Diplomacy*. 2020. No. 7 (1). Pp. 22–28.
8. Bakić-Hayden M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. 1995. No. 54 (4). Pp. 917–931. DOI: 10.2307/2501399.

9. *Buchowski M.* Social thought and commentary: the specter of orientalism in Europe: from exotic other to stigmatized brother // *Anthropological Quarterly*. 2006. No. 79 (3). Pp. 463–482.
10. *Green S.* Borders and the Relocation of Europe // *Annual Review of Anthropology*. 2013. No. 42. Pp. 345–361. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155457.
11. *Hetemi A.* Seeing each other: Nesting Orientalisms and internal Balkanism among the Albanians and South Slavs in the former Yugoslavia // *Rethinking Serbian-Albanian Relations*. Routledge, 2019. Pp. 79–97.
12. *Hodges A.* The hooligan as 'internal' other? Football fans, ultras culture and nesting intra-orientalisms // *International Review for the Sociology of Sport*. 2016. No. 51 (4). Pp. 410–427. DOI: 10.1177/1012690214526401.
13. *Jobst K. S.* Orientalism. E. W. Said und die Osteuropäische Geschichte // *Saeculum*. 2000. No. 51.2. Ss. 250–266.
14. *Madiou M. S. E.* Orientalism, a Thousand and One Times // *Islamic Studies*. 2020. No. 59.3. Ss. 285–317.
15. *Malksoo M.* Nesting Orientalisms at War: World War II and the 'Memory War' in Eastern Europe / In: *Barkawi, Tarak and Stanski, Keith, eds. Orientalism and War*. New York, US : Columbia University Press/Hurst, 2013. Pp. 177–195. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199327782.003.0009 (date accessed: 05.04.2024).
16. *Marazopoulos P.* "Reversed nesting orientalism": the concept of orientalism in a European context // *Slovanský přehled: historická revue pro dějiny střední, východní a jihovýchodní Evropy (Slavonic Review: Review for Central, Eastern and Southeastern European history)*. 2023. No. 109 (1). Pp. 69–83.
17. *Segnini E.* Orientalism within Europe: Introduction // *Journal of European Studies*. 2016. No. 46 (3–4). Pp. 214–220. DOI: 10.1177/0047244116664644.
18. *Šetek N.* Croatia's self-colonization: Intra-national nesting orientalism in Renato Baretić's *Osmi povjerenik* // *Journal of European Studies*. 2016. No. 46 (3–4). Pp. 281–295. DOI: 10.1177/0047244116664650.
19. *Schmidinger T.* Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte. 2009. Available at: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (date accessed: 05.04.2024).
20. *Todorova M.* *Imagining the Balkans*. Oxford : Oxford University Press, 1997.
21. *Turner B.* Edward W. Said: overcoming orientalism // *Theory, Culture & Society*. 2004. No. 21.1. Pp. 173–177.
22. *Varisco D. M.* *Reading Orientalism: Said and the unsaid*. University of Washington Press, 2017.

Поступила в редакцию: 26.04.2024

Принята к публикации: 08.11.2024

Об элементах деструктивности фотографий в социальных сетях

Яковлева Елена Львовна¹, Дарчинов Эдгар Вадимович²

¹доктор философских наук, кандидат культурологии,
доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова.
Россия, г. Казань. ORCID: 0000-0002-4940-604X. E-mail: mifoigra@mail.ru

²аспирант кафедры философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова. Россия, г. Казань. E-mail: darchinoved@gmail.com

Аннотация. Современный индивид, приобретая новую форму идентичности – электронное кочевничество, позиционирует себя в социальных сетях, что актуализирует анализ данной проблемы. Объектом исследования избран электронный кочевник, рассматриваемый через призму фотографий, размещаемых им на социальных страницах. Феноменологический метод, базирующийся на идеях Э. Фромма, позволяет выявить в этих фотографиях элементы деструктивности, не замечаемые и не осознаваемые электронным кочевником. В социальных сетях помимо способа коммуницирования и обмена информацией фотография несет в себе и иные черты. Кочевник в фотографии конструирует свой образ, придавая ему черты эстетичности и театральной постановочности, тем самым подменяя реальность желаемой возможностью. Особую роль в этом играют многочисленные тренды обработки фотографии. Тиражируя фотографии в социальных сетях, кочевник любит себя и буквально превращается в рекламируемый товар. В социальных сетях кочевник одновременно играет роль наблюдателя и наблюдаемого объекта. Испытывая зависимость от гаджетов и проявляя (нередко скрытый) властный характер собственной натуры, кочевник желает и видеть, и быть видимым. Но его потребность власти есть проявление витальной импотенции, потому что вместо реального взаимодействия с другими кочевник предпочитает любоваться собственным телом/лицом на фотографии. Современный кочевник, превращая себя в медиаобъект и выкладывая в социальных сетях огромное количество фотографий, начинает жить в отчужденном формате. Поиск новых ракурсов, соответствующих модным тенденциям, делает кочевника мечущейся и децентрированной натурой. Перечисленное свидетельствует о наличии деструктивных элементов в фотографии и кризиса в бытии кочевника. Проблема требует дальнейшего анализа с целью более глубокого рефлексирования над ситуацией и ее исправления.

Ключевые слова: фотография, социальная сеть, электронный кочевник, некрофильские тенденции, деструктивность, Нарцисс, властный характер, отчужденность.

Введение. В эпоху господства образов, мгновенно распространяющихся в цифровой среде, в оптику внимания попадает фотография. Фиксируя образ, она становится значимым элементом мифодизайна. К данной технике на собственных социальных страницах сегодня постоянно прибегает новый тип личности – *электронный кочевник*. В своей жизни и деятельности он постоянно пользуется цифровыми телекоммуникационными технологиями, в том числе Интернетом и гаджетами. «Для кочевника информационно-виртуальные миры оказываются способом бытия и коммуникации, производства и отдыха»: он «многие аспекты бытия изначально воспринимает только благодаря новым медиа, наглядно демонстрирующим созданные модели реальности, нередко не имеющие образ(ц)а» [20, с. 66]. Технические устройства помогают кочевнику взаимодействовать с людьми. Посредством них он коммуницирует, осуществляет учебный процесс/деятельность, читает/формирует/тиражирует информацию, развлекается, осуществляет множество операций. Обязательной считается принадлежность электронного кочевника к социальным сетям. Публикуя информацию о себе, кочевник «на собственных социальных страницах обращается к технике мифодизайна, включающей в себя визуальный и вербальный компоненты» [8, с. 19]. Фотография как визуальный сегмент мифодизайна демонстрирует имидж, достижения и ситуативность жизни кочевника, передает его эмоции и чувства. Небольшой текст к фотографии, обладающий чертами мифа, позволяет акцентировать внимание на значимых деталях образа. Одновременно фотография несет и иную, вуалируемую информацию, которую кочевник нередко не осознает или укрывает, в том числе от себя. Перечисленное обусловило выбор объекта исследования. Им стал электронный кочевник, рассматриваемый через призму размещаемых им на социальных страницах фотографий.

В современной исследовательской литературе фотография становится все более привлекательным объектом анализа. Феномен рассматривается с разных позиций. В психоанализе фотографию трактуют как мощное средство фототерапии, которое оказывает корректирующее воздействие на личность [6, с. 64–108; 7, с. 95–100; 10, с. 117–126; 12]. В философских исследованиях можно обнаружить многоаспектный подход к феномену. Отмечая связь с технико-технологическим сдвигом, А. Н. Назаренко отводит место фотографии между искусством и документом [17, с. 93]. По мнению Е. А. Кондратьева, фотографический образ содержит в себе не только реальные, документированные черты, но и художественные, преобразованные [11, с. 46–61]. Последнее качество обусловлено постановочностью образа в фотографии как *имитации самого себя*, что приводит к *декоративной визуализации*: «находясь перед камерой, объект одновременно являлся тем, кем считал себя и тем, кем хотел бы, чтобы его считали, кем воспринимал его фотограф» [2, с. 70–74]. Активное проникновение цифровых технологий в фотографию заставило Н. Мирзоева говорить *о смерти феномена*, в котором образы-химеры имеют незначительное сходство с объектом [21, с. 88].

Сегодня в научном дискурсе началось исследование фотографии в социальных сетях. Так, Л. В. Чернавина и С. Т. Махлина видят в ней средство коммуникации [19, с. 71–75]. О многофункциональности фотографии в социальных сетях пишут С. П. Караулов и Д. В. Лапшина. Они считают, что ленты фотографий помогают коммуницировать, привлекать внимание, находить поддержку среди единомышленников, распространять новые ценности [9, с. 82–86]. Сегодня селфи признают в качестве жанра цифровой фотографии, в котором наглядно, например, верующие демонстрируют свой религиозный опыт, сакральные события или места [1, с. 15–27]. Э. В. Дарчинов и Е. Л. Яковлева обращают внимание на то, что в социальных сетях «фотообраз личности оказывается искусственной конструкцией, сгенерированной цифровым кодом» [8, с. 9].

В целом в исследовательской литературе фотография анализируется как социокультурный феномен, развивающийся благодаря новейшим технологиям как разновидность арт-терапии, как средство позиционирования и коммуницирования современной личности в социальных сетях. Тем не менее многие аспекты фотографии еще не исследованы. Данный факт инициировал дальнейшее изучение фотографии в социальных сетях. Несмотря на множество положительных моментов, в фотографиях электронного кочевника обнаруживаются и элементы деструктивности, что стало новизной статьи.

Методом исследования избран феноменологический, позволяющий раскрыть некоторые неосознаваемые и вуалируемые аспекты фотографии. Методологической основой исследования стали идеи Э. Фромма, обратившего внимание на деструктивность фотографии как феномена культуры. Основной посыл, раскрытый Э. Фроммом относительно фотографии, в современной ситуации усилился. Подтверждение фроммовских интуиций обнаруживается в трудах Р. Барта, Ж. Липовецкого, С. Маккуайра, В. Савчука, а также при осуществлении авторами статьи собственного феноменологического анализа.

Основная часть. Современный электронный кочевник не расстается с гаджетами, с помощью которых фиксирует свою повседневность/рабочие будни/досуг/праздничный образ жизни и размещает полученные фотографии в социальных сетях. Сегодня страсть к тотальному фиксированию в виде фотографирования «заменяет (вытесняет) подлинный интерес к жизни и избавляет человека от применения того обширного набора способностей и функций, которыми он наделен от рождения» [18, с. 472]. Неслучайно процесс фотографирования и рассматривания фотографий представляет собой *эргаэ зрительного восприятия* (Э. Фромм). Дело в том, что он связан только *со взглядом*, но не *с видением* кочевника. По мнению Э. Фромма, видение – «великий дар, полученный от рождения» и требующий «деятельного отношения к жизни, внутренней собранности, заинтересованности и терпения» [18, с. 471]. В современности видение практически игнорируется личностью. Концептуальность и смысловая компонента видения оказываются обременительной интеллектуальной составляющей для электронного кочевника. Он испытывает потребность в быстром получении фотографии, выбирая необходимый ракурс, запечатлевая себя и мгновенно размещая результат в социальных сетях, не задумываясь о концептуальности композиции и смысловой компоненте образа. Главное для кочевника – получить эстетичный и эффектный/экстравагантный/шокирующий снимок, нередко свидетельствующий *о возможном* событии.

В вытеснении реального за счет современных технологий, как и само обращение к компьютерным программам и технике мифодизайна, доведенной нередко до автоматизма, про-

являются элементы *некрофильских тенденций*. «У некрофила одна цель – превратить все живое в неживую материю: он стремится разрушить все и вся, включая себя самого, его врагом является сама жизнь» [18, с. 479]. Символом *мертвечины* Э. Фромм называет технику. В современности к ней можно отнести компьютеры и всевозможные технические гаджеты. В щелчке при фотографировании сокрыт элемент агрессивности [18, с. 471], что также свидетельствует о некрофильских проявлениях. Перечисленные черты свидетельствуют о скрытой и неосознаваемой электронным кочевником *деструктивности*, имеющей место в его бытии. Необходимо признать, страсть к фотографированию, присущая электронному кочевнику, продиктована логикой технического прогресса. Современный кочевник оказывается рабом технических устройств, и Э. Фромм пренебрежительно называет его *кибернетическим человеком*. Он «становится частью гигантского механизма», подчиняясь ему [18, с. 481], но при этом теряя собственную уникальность.

Сегодня кочевник оказывается практически полностью погруженным в управляемую систему информационных и коммуникативных услуг. Пространством проявлений кочевника все чаще оказывается цифровая среда, поддерживающая и даже стимулирующая его импульсы к некрофильскому. Сами некрофильские тенденции высвечиваются в ориентации кочевника на искусственность, что стирает его непосредственность и естественность. Постепенно кочевник «отворачивает свой интерес от жизни, от людей», «он обращает все живое в предметы, вещи, включая самого себя и свои человеческие качества: чувства и разум, способность видеть, слышать и понимать, чувствовать и любить» [18, с. 481]. Используя технику мифодизайна на социальных страницах, он демонстрирует подписчикам и любителям подглядывать специально сконструированный собственный образ и мифологизированный нарратив к нему. Перечисленное укрывает реальный облик кочевника и его жизненные ситуации.

Акцент на эстетизации собственного образа выявляет в электронном кочевнике явно-го/скрываемого *Нарцисса*, который одновременно «пытается найти оправдание созерцанию самого себя, самолюбанию, не знающему удержу эксгибиционизму, празднеству видимостей и переменчивых обликов» [13, с. 150]. Фотографический образ подвергается *невыносимой эстетичности* (Ж. Бодрийяр) – театральной постановочности сюжета/поз/мимики, правке и ретуши посредством многочисленных редакторов фотографий. Обусловлена данная процедура существующими в обществе гламурными стандартами и желанием кочевника преподнести себя в соответствии с ними в качестве совершенства. Неслучайно суть фотографического акта заключается в том, чтобы заставить кочевника *стать Другим*.

Этому способствуют манипуляции с фотографическими снимками. Изображение на фотографии «подвергается сокращению и упрощению – масштабному, перспективному, цветовому» [3, с. 319], а сегодня используются многочисленные тренды обработки фотографии (в том числе мобильная, естественная, в виде кадрирования, эффекта фотопленки, двойной экспозиции, коллажирования и рисования по фотографии). В фотографии ретушируются любые детали как лица и тела кочевника, так и фона. Подобные процедуры свидетельствуют в пользу парадоксальности фотографии. Ее сущность заключается «в сосуществовании двух сообщений – одно из них без кода (фотографический аналог реальности), а другое с кодом ("искусство", обработка, "письмо", риторика фотографии)» [3, с. 319]. Первоначальная реальность образа кодируется путем придания кадру эстетичности с искусственными выражениями лица, постановочными позами и жестами в окружающей (симулятивной) обстановке. Благодаря технической обработке и применению редакторов образ на фотографии приобретает нарциссический вид. «Нарциссическое пленение производит не красивый, а идеализированный образ», которому «вменяется соответствие тем или иным канонам красоты» [15, с. 258]. В подобной практике конструирования фотографии, превращающей кочевника в мифологический образ, обнаруживается определенная деструктивность, связанная с ничтожением индивида. Усиливает данную характеристику и текст к фотографии, который *патетизирует образ* (Р. Барт). Нередко текст бывает не соответствующим фотографии, противоречащим ей или отвлеченным, с «совершенно новым означаемым» [3, с. 326]. В итоге «ни одна фотография никогда никого не убедила и не разубедила» в представляемом на ней изображении [3, с. 329].

Практика ретуширования образа обладает и иной, скрытой подоплекой, в которой высвечиваются негативные черты. В результате ее применения на социальных страницах кочевник превращает свой образ на фотографиях в *товар*, что свидетельствует о скрытой *рекламе/саморекламе*. Некоторые материалы, представленные на социальных страницах кочевников, имеют рекламный характер. Реклама способствует повышению социального ста-

туса, узнаваемости имени и образа электронного кочевника, принося ему экономическую прибыль. Но нередко *товарное Я* кочевника оказывается только «разовым изделием»: «от него можно запросто отказаться и выбросить ради другого, более результативного» [14, с. 304]. В данной ситуации деструктивность обнаруживается в трансформации личности в товар и пренебрежительном отношении к ней, как со стороны самого кочевника, допускающего подобное, так и со стороны других кочевников.

Необходимо признать, сегодня деструктивность, связанная с рекламными акциями в фотографиях кочевника, не замечается или игнорируется им. Реклама буквально заставляет кочевника воспринимать определенный образ жизни и следовать демонстрируемому. В обществе потребления с постоянно изменяющимися гламурными стандартами реклама играет роль *властного ресурса*. Электронный кочевник усвоил современный принцип о том, что «ценностные ориентиры все меньше зависят от традиционных знаний и все больше – от содержания медийных сообщений» [13, с. 264]. Неслучайно он демонстрирует на собственных социальных страницах зависимость от рекламы и одновременно, прибегая к аналогичным методам позиционирования, мягко управляет своей аудиторией подписчиков, ее ценностями и вкусами, формируя мнение и образ жизни. Позиционируя себя, кочевник приобретает власть над аудиторией. Воздвигая «дистанцию между людьми» посредством демонстрации на фотографии идеализированного образа, кочевник мягко исключает «из конкурентной борьбы... конкурентов» либо приспосабливает их к себе [13, с. 199].

Подчеркнем, в социальных сетях электронный кочевник выступает одновременно в роли наблюдателя и наблюдаемого. Данной двойственности способствуют фотографии. В качестве образных сегментов техники мифодизайна они привлекают внимание к социальным страницам кочевников, не только позиционирующих себя, но и следящих за себе подобными. Кочевник, ведя собственные социальные страницы и листая страницы других, оказывается и внутри цифрового мира, и снаружи, постоянно меняя угол собственного взгляда. Как справедливо заметил С. Маккуайр, «быть "внутри" этого пространства – значит только смотреть. Быть "вовне" – значит находиться в изображении, быть видимым... на фотографии» [14, с. 274–275]. Кочевник, живя в обществе образов, испытывает тягу не только к фотографированию себя с целью самолюбования и наблюдению со стороны других, но и обладает потребностью рассматривать фотографии себе подобных, заимствуя идеи и ракурсы. Более того, взгляд другого и его оценка фотографий в социальных сетях помогают кочевнику стать известным/успешным/богатым. Данный процесс доставляет ему удовольствие.

Властный характер фотографии приводит к трансформации декартовского принципа *Cogito ergo sum/Я мыслю, следовательно, я емь* в *Video, cogito ergo sum/Я видим, следовательно, я емь*. Неслучайно при взаимодействии между людьми появляются новые формы, обусловленные фотографией: *видеомания* (захваченность и поглощенность образами), *видеофилия* (любовь к образам), *вуайеризм* (желание созерцать потаенное), *экзгибиционизм* (потребность выставляться напоказ). Камера, осуществляющая фотосъемку, функционирует как *продолжение субъективности*, которая желает объективации бытия и подтверждения значимости кочевника. Последний ввиду своей нарциссичности желает быть увиденным. С. Маккуайр иронично замечает, что сегодня «многие люди испытывают страх перед тем, что за ними не наблюдают» [14, с. 297]. В современной эпохе образа «заряд "подлинных эмоций"», свойственных образам личной интимности, превращается в новую социальную «валюту» [14, с. 297]. Частная жизнь сегодня в большей степени оказывается *медийным контентом* (С. Маккуайр), а люди на социальных платформах демонстрируют *глобальную сверхвзаимосвязанность* (У. Митчелл). Само существование кочевника связывается с техникой и практиками визуализации. Согласимся с позицией С. Жижекa, заметившим, что современным оказывается принцип *личность существует лишь потому, что на нее все время смотрят*. Другое дело, как замечает Э. Фромм, само желание власти в социальном, связанное с утверждением любой ценой, есть воплощение *витальной импотенции*. В демонстративных фотографиях кочевника на социальных платформах присутствует и *сексуальная подоплека*. Как заключает П. В. Ювченко, «разглядывание, оценивание образа в этой логике не должно вести ни к чему, кроме разрядки возбуждения, что заменяет реальный акт с партнером» и поддерживает связи в социуме [15, с. 256]. При этом взгляд кочевника все чаще направляется на собственное тело, что свидетельствует не только о нарциссизме, но и о сексуальной инфантильности/витальной импотенции.

Деструктивность фотографий в социальных сетях связана и с рождаемой ими *отчужденностью*, распространяемой на бытие электронного кочевника. Последний предпринимает

два шага к отчуждению от себя: окружает себя вещами, соблазняющими других жадой обладания, и превращает себя в товар как медиаобъект чужого наслаждения. Кочевник «живет в таком отчужденном состоянии, что он и тело-то свое собственное воспринимает исключительно как инструмент (средство) для достижения успеха» [18, с. 481]. Усиливает эффект отчуждения огромное количество фотографий на личных страничках кочевников в социальных сетях, что приводит к «избыточности восприятия», «вызывает привыкание, а привыкание ведет к зависимости, к визуальной булимии и, в конечном итоге, к "перееданию" визуальной информации» [15, с. 78]. Перечисленное делает кочевника отчужденным. Он начинает скользить взглядом по образам и информации, не вникая в суть: «экранная фактичность актуального не приводит к осознанности» [15, с. 81]. Жизнь начинает протекать в выключенном формате, без (о)сознания происходящего. Отчужденность кочевника от самого себя приводит и к отчужденности от окружающих людей. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, «чем больше отсутствие в себе, тем больше дистанция с другим» [5, с. 91].

Отчужденность проявляется и в признании *успешности* электронного кочевника и его фотообразов. Успех измеряется количеством просмотров и лайков. Но данные просмотры поверхностны и нередко носят характер *взаимной лицемерности*. Они указывают на отчужденную вовлеченность кочевника в процесс коммуникации, позволяя ему осуществлять *френддинг* (добавление в друзья) и оставлять жест *like*. Это *легкое* выражение симпатии без непосредственного контакта и эмоций, без критического отношения к ситуации и объяснений своего жеста. Парадоксально, но «лайки создают взгляд, который может ранить лишь своим отсутствием» [15, с. 259].

Множество фотографий, тиражируемых на социальных платформах, не собирают личность кочевника, а буквально дробят его, способствуя *мозаицизму* и расщеплению индивидуальности на множество Я. Об этом говорит и первая половина названия книги У. Митчелла *Я++* [16]. Кочевник становится *мечущейся натурой*, желающей не упустить актуальных тенденций и быть всегда на виду. В. В. Савчук справедливо заключил, «новые средства коммуникации порождают новую конфигурацию субъекта, отличительной чертой которого является децентрация, а, в конце концов, и всеприсутствие», оказывающиеся иллюзорными [15, с. 21]. Фотографии благодаря технике мифодизайна рожают *онтологию вымысла*, в которую встраивается *онтология субъективности* (Ж.-Л. Нанси) электронного кочевника, представляя собой *бытие-здесь-для-Другого*. Демонстративность и нередко полная/частичная симулятивность социальных страниц способствуют отчуждению кочевника от самого себя, усугубляя экзистенциальный кризис. Современная коммуникация в социальных сетях посредством фотографий не способствует развитию эмоциональных и интеллектуальных процессов. Захваченность «становлением-образом мира на экранах, становлением-образом нашей вселенной, превращением всего в образное», приводит к не замечанию того, что «там, где всё есть образ, никакого образа больше не существует» [4, с. 91]. Перечисленное говорит в пользу элементов деструктивности фотографий, выкладываемых электронным кочевником на социальных платформах.

Заключение. Электронный кочевник, проводя большую часть времени на социальных платформах и ведя собственные социальные страницы, формирует свой образ, фиксирует в фотографиях и тиражирует его. Благодаря фотографиям электронный кочевник проявляет себя как потребитель, подглядывая за социальными страницами себе подобных, и как производитель собственных образов на социальных платформах. В выставляемых кочевником фотографиях можно обнаружить деструктивные элементы и некрофильские установки. С помощью фотографий личное видение заменяется фотокадрами, фиксирующими остановившийся на мгновение взгляд. Желание быть видимым заставляет кочевника сосредоточить внимание на бесконечных (постановочных) позиционированиях Я. Кочевник занят конструированием образов, оказывающихся его видимостью. На фотографиях индивидуальность кочевника корректируется под определенный стандарт, что приводит к отчуждению от себя. Фотообраз превращается в товар в медиареальности, а фотографии помогают привлечь внимание к кочевнику и реализовать собственный властный потенциал над аудиторией подписчиков. В результате сегодня нарушаются взаимоотношения между людьми, обменивающимися друг с другом симулятивными фотообразами и испытывающими безразличие, которое скрывают под лицемерными лайками. Перечисленное ничтожит реальность и мешает адекватности восприятия, что обнажает кризисность бытия электронного кочевника. Посредством социальных страниц электронных кочевников современности происходит умножение

реальности гиперреальностью, что таит определенные опасности. Еще Ж. Бодрийяр предупреждал, что в результате подобного умножения «культура реальности рушится под избытком реальности, культура информации рушится под избытком информации», поэтому мир «постоянно ускользает от экспертизы смысла» [5, с. 36, 37]. Необходимо обладать мужеством и силой, чтобы пробираться через симуляции к реальности и ее смыслу. Но современный электронный кочевник к этому оказывается не готовым и не способным.

Список литературы

1. Артамонов Д. С., Медведева Е. Н. Holy selfie как канал медиапамяти в цифровом мире / С. В. Тихонова, М. Л. Воловикова // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. № 2. С. 15–27. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.150.
2. Артемьев Т. М., Дидык А. В. Философия фотографии / А. Н. Махонина // *Научный журнал*. 2018. № 3 (26). С. 70–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32839175> (дата обращения: 21.05.2024).
3. Барт Р. Фотографическое сообщение // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Академический проект, 2018. С. 318–330.
4. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. 199 с.
5. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М. : РИПОЛ классик, 2019. 347 с.
6. Вайзер Дж. Техники фототерапии: использование интеракций с фотографиями для улучшения жизни людей // Визуальная антропология: настройка оптики. М. : Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 64–108.
7. Грошева Е. В. Фототерапия и терапевтическая фотография // Инновации и традиции в сфере культуры, искусства и образования : мат-лы научно-практической конференции рамках Фестиваля науки. М. : Перо, 2017. С. 95–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32584900> (дата обращения: 21.05.2024).
8. Дарчинов Э. В., Яковлева Е. Л. Антиномичность фотографии как визуального сегмента мифодизайна в социальных сетях // Культурный код. 2023. № 1. С. 9–24.
9. Караулов С. П., Лапшина Д. В. Удовлетворение потребности в общении путем обмена фотографиями // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации : сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей. М. : Социальный инженер, 2017. С. 82–86.
10. Кевац М. А. Фототерапия как инструмент психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 23 (3). С. 117–126.
11. Кондратьев Е. А. Фотография в «объективе» философии // Художественная культура. 2018. № 1. С. 46–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36312701> (дата обращения: 21.05.2024).
12. Копытин А. И. Фототерапия: использование фотографии в психологической практике. М. : Когито-Центр, 2006. 192 с.
13. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М. : НЛО, 2012. 335 с.
14. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М. : Strelka Press, 2014. 392 с.
15. Медиареальность: концепты и культурные практики / глав. ред. В. В. Савчук. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2017. 388 с.
16. Митчелл У. Я++: Человек, город, сети. М. : Стрелка пресс, 2012. 387 с.
17. Назаренко А. Н. Визуальный образ в контексте современных исследований медиа // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4 (41). С. 93–97. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-93-97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42335130> (дата обращения: 21.05.2024).
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2009. 635 с.
19. Чернавина Л. В., Махлина С. Т. Роль фотографии в виртуальной жизни человека // Наука России: цели и задачи : сборник научных трудов по материалам VII международной научной конференции. Екатеринбург, 2018. С. 71–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32484683> (дата обращения: 21.05.2024).
20. Яковлева Е. Л. Антиномичность электронного кочевника: опыт философской рецепции посредством метафор // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 1 (45). С. 58–68.
21. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. London : Routledge, 1999. 151 p.

About the destructive elements of photos in social networks

Yakovleva Elena Ludvigovna¹, Darchinov Edgar Vadimovich²

¹Doctor of Philosophy Sciences, PhD in Cultural Studies, associate professor of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University n. a. V. G. Timiryasov. Russia, Kazan.

ORCID: 0000-0002-4940-604X. E-mail: mifoigra@mail.ru

²postgraduate student of the Department of Philosophy and Socio-political Disciplines, Kazan Innovative University n. a. V. G. Timiryasov. Russia, Kazan. E-mail: darchinoved@gmail.com

Abstract. A modern individual, having acquired a new form of identity – electronic nomadism, positions himself on social networks, which actualizes the analysis of this problem. The object of the study is an electronic nomad, viewed through the prism of photographs posted by him on social pages. The phenomenological method, based on the ideas of E. Fromm, makes it possible to identify in these photographs elements of destructiveness that are not noticed or realized by the electronic nomad. In social networks, in addition to the way of communication and information exchange, photography has other features. The nomad in photography constructs his image, giving it aesthetic and theatrical features, thereby replacing reality with the desired opportunity. Numerous photo processing trends play a special role in this. By replicating photos on social networks, the nomad admires himself and literally turns into an advertised product. In social media, a nomad simultaneously plays the role of an observer and an observed object. Being addicted to gadgets and showing (often hidden) the domineering nature of his own nature, the nomad wants to both see and be visible. But his need for power is a manifestation of vital impotence, because instead of real interaction with others, the nomad prefers admiring his own body/face in a photograph. A modern nomad, turning himself into a media object and posting a huge number of photos on social networks, begins to live in an alienated format. The search for new perspectives corresponding to fashion trends makes a nomad a rushing and decentered nature. The above indicates the presence of destructive elements in photography and a crisis in the life of a nomad. The problem requires further analysis in order to reflect more deeply on the situation and correct it.

Keywords: photography, social network, electronic nomad, necrophilic tendencies, destructiveness, Narcissist, domineering character, alienation.

References

1. Artamonov D. S., Medvedeva E. N. *Holy selfie kak kanal mediapamyati v cifrovom mire* [Holy selfie as a media memory channel in the digital world] / S. V. Tikhonova, M. L. Volovikova // *Galactica Media: Journal of Media Studies* – Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. No. 2. Pp. 15–27. DOI: 10.46539/gmd.v3i2.150.
2. Artem'ev T. M., Didyk A. V. *Filosofiya fotografii* [Philosophy of photography] / A. N. Makhonina // *Nauchnyj zhurnal* – Scientific journal. 2018. No. 3 (26). Pp. 70–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32839175> (date accessed: 21.05.2024).
3. Bart R. *Fotograficheskoe soobshchenie* [Photographic message] // *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* – Fashion system. Articles on the semiotics of culture. M. Academic Project, 2018. Pp. 318–330.
4. Baudrillard J. *Paroli. Ot fragmenta k fragmentu* [Passwords. From fragment to fragment]. Yekaterinburg. U-Faktoria, 2006. 199 p.
5. Baudrillard J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [A perfect crime. The conspiracy of art]. M. RIPOL classic, 2019. 347 p.
6. Weiser J. *Tekhniki fototerapii: ispol'zovanie interakcij s fotografijami dlya uluchsheniya zhizni lyudej* [Phototherapy techniques: using interactions with photographs to improve people's lives] // *Vizual'naya antropologiya: nastrojka optiki* – Visual anthropology: setting up optics. M. Variant, TSPGI, 2009. Pp. 64–108.
7. Grosheva E. V. *Fototerapiya i terapevticheskaya fotografiya* [Phototherapy and therapeutic photography] // *Innovacii i tradicii v sfere kul'tury, iskusstva i obrazovaniya : mat-ly nauchno-prakticheskoy konferencii ramkah Festivala nauki* – Innovations and traditions in the field of culture, art and education : proceedings of a scientific and practical conference within the framework of the Science Festival. M. Pero, 2017. Pp. 95–100. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32584900> (date accessed: 21.05.2024).
8. Darchinov E. V., Yakovleva E. L. *Antinomichnost' fotografii kak vizual'nogo segmenta mifodizajna v social'nyh setyah* [The antinomianism of photography as a visual segment of myth design in social networks] // *Kul'turnyj kod* – Cultural code. 2023. No. 1. Pp. 9–24.
9. Karaulov S. P., Lapshina D. V. *Uдовлетворение потребности v obshchenii putem obmena fotografijami* [Satisfaction of the need for communication through photo exchange] // *Social'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noj samorealizacii : sbornik materialov Vserossijskoj konferencii molodyh issledovatelej* – Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization : collection of materials All-Russian Conference of Young Researchers. M. Social Engineer, 2017. Pp. 82–86.
10. Kevats M. A. *Fototerapiya kak instrumentarij psihoterapii* [Phototherapy as a psychotherapy toolkit] // *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* – Consultative psychology and psychotherapy. 2015. No. 23 (3). Pp. 117–126.

11. Kondrat'ev E. A. *Fotografiya v "ob'ektive" filosofii* [Photography in the "lens" of philosophy] // *Hudozhestvennaya kul'tura* – Art culture. 2018. No. 1. Pp. 46–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36312701> (date accessed: 21.05.2024).
12. Kopytin A. I. *Fototerapiya: ispol'zovanie fotografii v psihologicheskoy praktike* [Phototherapy: the use of photography in psychological practice]. M. Kogito-Center, 2006. 192 p.
13. *Lipoveckij Zh. Imperiya efemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve* [The Empire of the ephemeral. Fashion and its fate in modern society]. M. UFO, 2012. 335 p.
14. McQuire S. *Medijnyj gorod: media, arhitektura i gorodskoe prostranstvo* [Media city: media, architecture and urban space]. M. Strelka Press, 2014. 392 p.
15. *Mediareal'nost': koncepty i kul'turnye praktiki* – Media reality: concepts and cultural practices / editor-in-chief V. V. Savchuk. SPb. Foundation for the Development of Conflictology, 2017. 388 p.
16. Mitchell W. *Ya++: Chelovek, gorod, seti* [Ya++: Man, city, networks]. M. Strelka press, 2012. 387 p.
17. Nazarenko A. N. *Vizual'nyj obraz v kontekste sovremennykh issledovanij media* [Visual image in the context of modern media research] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* – Herald of St. Petersburg State Institute of Culture. 2019. No. 4 (41). Pp. 93–97. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-93-97. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42335130> (date accessed: 21.05.2024).
18. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. M. AST, 2009. 635 p.
19. Chernavina L. V., Mahlina S. T. *Rol' fotografii v virtual'noj zhizni cheloveka* [The role of photography in human virtual life] // *Nauka Rossii: celi i zadachi : sbornik nauchnykh trudov po materialam VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Russian Science: Goals and objectives : collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific Conference. Yekaterinburg, 2018. Pp. 71–75. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32484683> (date accessed: 21.05.2024).
20. Yakovleva E. L. *Antinomichnost' elektronnoho kochevnika: opyt filosofskoj recepcii posredstvom metafor* [The antinomian nature of the electronic nomad: the experience of philosophical reception through metaphors] // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* – Humanities: current problems of humanities and education. 2019. Vol. 19. No. 1 (45). Pp. 58–68.
21. Mirzoeff N. *An Introduction to Visual Culture*. London : Routledge, 1999. 151 p.

Поступила в редакцию: 06.06.2024

Принята к публикации: 23.09.2024

УДК 130.2:004.55

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.037

В предчувствии киберсоавтора как антропного сдвига сетевой культуры литератора

Кострюков Владимир Евгеньевич

аспирант специальности «Философская антропология, философия культуры», Самарский государственный технический университет. Россия, г. Самара. ORCID: 0009-0005-9883-9000.
E-mail: kvemedia@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается актуальность философского размышления о трансформации культуры литературного авторства в Интернет, его места в ряду других явлений действительности и значимости этой проблематики интеллектуального творчества. Постановка проблемы формирования сетевого авторства, которое почти тридцать лет трансформируется в сетевое соавторство, или киберсоавторство, создает уникальную культурную ситуацию определения роли антропологических феноменов сетевой литературы в переходный период одновременного сосуществования разнородных систем литературы. Автор статьи задается целью исследовать антропологические особенности культуры современного электронно-литературного процесса и наиболее значимую из них: в каких отношениях с читателем находятся и будут находиться интернет-автор и его читатель – киберсоавтор.

Чтобы найти ответ, мы прибегаем к методам определения источника явления «открытого текста», описательному обоснованию понятий «электронный автор», «авторский сдвиг (цифроцентризм)», посредством чего приходим к выводу об омассовлении присвоения личностью технической симуляции словесной реальности. По нашему мнению, в качестве медиаторов процесса выступают тексты, создаваемые технологиями определения и переопределения представлений о мире и его ценностях. Согласно логике «нового письма» У. Эко, приобретшего собственные контуры, мы приходим к выводам, что, мимикрируя к формам литературных традиций (фабульным сюжетам, архетипическим моделям повествования и др.), сетевая литература новых технологий продуцирования феноменов словесности и их легитимации в отличие от традиционной художественной литературы как искусства способна превратить читателя в квазисоавтора, обнаруживая тем самым происходящую конвергенцию новых канонов и требований, но не способна создавать уникальные авторские писательские миры художественного творчества.

Ключевые слова: киберсоавтор, антропный сдвиг, интерпретация, образцовый читатель, гипертекст, открытый текст, сетература, соавтор, автор, образцовый автор, текст.

Введение. С появлением компьютерных технологий и сети Интернет в авторской словесности развивается процесс радикальной трансформации коммуникативно-семиотических явлений, что говорит о делении современных текстов на традиционную и «электронную» литературу, несмотря на их генезисную преемственность. Задавшись вопросом, «имеет ли это явление антропологическое значение для кризисного общества и его интеллектуальной культуры?», мы попали в сферу дискуссий о развитии электронной литературы, представленных в сборниках: «От книги до Интернета: журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия» [7] и «Общество и книга: от Гутенберга до Интернета» [8]. Чтение этих обзоров позволяет заключить, что рождается новый вымышленный мир на почве реального мира, чтобы перестраивать его по «лекалам» математики алгоритмов, и у этого феномена есть «известные родители». В то же время в работе А.С. Рослого «Сетевая литература» как феномен актуальности словесности» заявлено, что предмет электронной словесности размыт в сфере терминологии настолько, что рациональный анализ предмета невозможен [11, с. 149].

Тем не менее обществу крайне важно понимание антропологических особенностей современного электронно-литературного процесса и наиболее значимого вопроса о том, в каких отношениях с читателем находится и будет находиться интернет-автор: отношениях автора или соавтора? Первым эту задачу обозначил А. Генис, опубликовав в журнале «Иностранная литература» статью «Книга книг. Комментарий к одному изобретению», в которой процесс компьютеризации литературы определил как «постгутенберговский», так как сетевой автор попал в новые условия свободы от издателя и читателя [4, с. 116–168]. Так в каком же из этих двух русел пролегает путь литературного творчества и сохраняет ли оно свой ста-

тус авторского искусства, обрета цифровой посох? Времена меняются – вопрос остается в силе. Обретает ли словесность новые уникальные качества, изобразительные средства и способы распространения с появлением Интернет, превращаясь из многовекового культурного института антропологизации / гуманизации человека разумного в электронный продукт с непрогнозируемым будущим? Ответ на этот вопрос проецирует представления о сетевом авторстве как на уровне аутохарактеристик, так и общественных определений. Таким образом, в коммуникативном пространстве сетевого текстотворчества зарождается цель философского осмысления происходящих литературных процессов. Осмысление необходимо для последующего изучения не только новой феноменологии самих авторов электронной скрипторики, но и продуктов их творчества и их роли в обществе в целом, все более осознаваемых явлением, меняющим психологию человека. Оказывается, исчерпание возможностей традиционного творчества, господствовавшего на протяжении многовекового времени книгочтения и речеведения, приводит автора и его читателя к автоисключению из творческого бытования человека и миграции от литературоцентризма к сетецентризму, от идеологизма литературы к медийности в сетях Интернет. Во многом трансформации литературной деятельности и поведения человека способствует изменение структуры самого социума, что стимулирует развитие сетевой мобильности и общей динамичности новых поколений [10, с. 84].

Методы. Метод экспликации концепта позволяет анализировать особенности процесса формирования гипертекстуального автора, который приобрел устойчивые коннотации понятий симулякра, виртуального текста, электронного соавтора, образцового автора, образцового читателя и др. Практически речь идет о сетературном глоссарии феномена. Умножение параллельного понятийного топика словесности свидетельствует о формировании уникального глоссария, хотя некоторые авторы настаивают, что идет всего лишь процесс развития бумажной литературы. Занимая позицию «удвоения» литературных практик, мы прибегаем к философскому методу экспликации тезиса о тотальности перехода культуры текста от подлинного художественного авторства к техноавторству, определяемому пакетом кибертехнологий, то есть перехода к роботизации/технологизации литературной деятельности, исключая творческий потенциал интеллекта и личности автора.

С этой целью мы вводим понятие «электронный автор / соавтор»-киберсоавтор. Д. А. Попова описывает в качестве конститутивных свойств электронно-цифровой личности «свободу выхода/входа, свободу навигации, перцептивную сокрытость, автономность, востребованность сетевой презентации, конструирование желаемого самообраза, мультиплицирование информации» [9, с. 87]. В одном ряду характеристик оказываются ментальные, личностные, коммуникационные свойства, что никак не способствует определению авторской специфики. Речь скорее идет о свойствах цифрового человека. Этот вывод подтверждается и следующим представлением автора: «инфопространство представляет собой семиотически разнородные среды: письменно-графическую форму самореализации личности, образность и экспрессивность, коммуникативную направленность» [6, с. 13]. Так возможны ли вообще стабильные характеристики авторского цифроцентризма как следствия замещения нормативных социоцентричности и эгоцентричности и возможна ли на данном этапе стабилизация художественных особенностей феноменального явления?

Обсуждение. Истоки феноменологии сетевой литературы восходят к «Трактату по общей семиотике» итальянского писателя и семиотика У. Эко, считавшего семиотику дисциплиной о культуре. Основывая коммуникацию на обозначении, то есть создавая теорию лексикодов как связей между семантической и синтаксической структурами текста, которые проявляются знаковыми системами взаимодействия выражения и содержания, У. Эко преугадал / спроектировал главный принцип сетературы, а именно «отсылки к другому» как соавтору [19, с. 8]. Сетературный феномен доминантности роли читателя в порождении гипертекстов основан на реальном соавторстве. Речь идет о концепции, разрабатываемой учеными многих стран с середины 60-х гг. и завершенной итальянским теоретиком постструктурализма и постмодернизма У. Эко в работе «Открытое произведение» [18]. Обзор гуманитарного пространства, проблематизирующего тему происхождения и значимости сетевого авторства, своего рода «экониианства», наиболее полно представлен в статье А. А. Федорова «Концепция литературного творчества Умберто Эко и воплощение модели писателя «Умберто Эко – М-автор» [14, с. 543–551]. Вслед за итальянским семиотиком А. А. Федоров подчеркивает, что автор «должен быть истолкован не на основе его намерений, но в соответствии со сложной стратегией взаимодействий и интертекстуальных значений, заключенных в вымышленных

реалиях его романов» [15, с. 544]. Анализ различения пути от создания «нелитературы» к литературе и обратно, выявляя границы между литературой и «нелитературой», по мнению А. А. Федорова, приводит У. Эко к установлению отношения между художественной и нехудожественными сторонами литературного творчества, то есть к созданию разновидности гипертекста – «сети» идей, интерпретаций смыслов, значений кодов, знаков. «Все дает возможность прийти к выводу о том, что Эко создает современную «Модель образцового писателя» – «Умберто Эко – М-автор», что, в свою очередь, ведет к появлению образцового читателя», – заключает Федоров [14, с. 548]. Чтобы понять механизм вымышленных форм реальности смысла существования человека, У. Эко проектировал рождение «образцового читателя» открытого литературного текста [19, с. 264–265].

То, что именно У. Эко выступил с концепцией художественного произведения вне его зависимости от автора и читателя в силу двусмысленности человеческого бытия в современности, абсолютизовавшей идею множественности интерпретации, было закономерностью. Открытый текст сам по себе не самодостаточен и не завершен: он лишь ставит перед читателем вопросы о своем смысле, по сути навязывая ему конструирование бесчисленного множества истолкований, чтобы отвергнуть однозначное понимание. И наконец, чтобы обособовать «эстетику Хаосмологии», где хаос и порядок обладают балансом хаологии, У. Эко превратил идею бесконечной интерпретации в неопределенность неограниченного семиозиса [12, с. 17–23]. Это открывало автору амбивалентность возможностей открытой и закрытой формы текста. Если открытая форма отличается структурной открытостью ансамбля последовательностей как относительно независимых и изолированных друг от друга, проявляющихся в том, что рассказываемая история представляется ансамблем вопросов без ответа, – читатель умышленно ставится в положение вынужденного домысливания всех возможных вариантов выбора. Так У. Эко открывает радикальную конвергенцию канонов и требований гипертекстуальной литературы. Так он объясняет преимущество термина в том, что он «не вынуждает нас к построению строгого параллелизма, но в то же время позволяет зафиксировать взаимно контрастирующие эпистемологические ситуации» [13, с. 26]. Указывая на зависимость и вторичность коннотаций от денотаций, У. Эко отводит открытым им лексикодам текста роль «гипотез смысловой регуляции», инструментально превращающих текст в результат действия семиотического кода. Следовательно, при изменении условий сетевого общества создаются объективные предпосылки для сетевой трансформации литературного творчества. Возникает эффект гибридизации типологии форм литературного авторства, микширующий систематику феноменологии авторства в его нетрадиционных форматах. Из этого следует, что возникновение каждого нового типа литературного письма не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь умалает сферу их действия. В то же время с ростом изменений системы возникают новые типы литературного авторства, представляющие собой трансформанты человекомерных систем мышления. В силу их новизны и временной «текучести» они вызывают хаос оценок и размежевание консервативных и модернистских позиций по отношению к продуктам трансформации феноменов словесной культуры, и в частности, феноменов литературного авторства. Следуют ли из этого антропологические последствия?

Да, следуют. Программы виртуально-цифровой репрезентации реальности, переводя знаковые системы литературного творчества в жесткие рамки алгоритмов, заменяют человекомерные «картины мира» их симуляцией. Машинные нарративы вытесняют мыслящего субъекта и его индивидуальный язык личностной активности хаосом гипертекстов. Так формируется тотальная миграция живой авторской речи в «мертвые зоны» гипертекстов искусственного интеллекта – ему же вменяется и изгнание экзистенции жизни из истории ценностной антропологии в непрогнозируемый мир программных проектов. Сетевая литература становится мощнейшим сценарием реализации этой задачи. Ей разрешено пренебрегать природным генезисом поведения человека в пользу эмпирики технологических амбиций математической симуляции. На этом основании кажется необходимым заменить понятие сетевого автора понятием «гипертекстуальный автор», а соавтора – киберсоавтором. Последний конкретизирует алгоритмический статус субъекта письма, покинувшего пределы исторической антропологии человека. Тем более что пока формы различения антропного (живого) и машинного (неживого) дискурса не покинули пространство сравнений и различий антропологических типологий авторской культуры.

«В дальнейшем я буду употреблять термин «автор» лишь в метафорическом смысле, т. е. подразумевая под этим термином некий тип «текстовой стратегии», – предупреждал

У. Эко, апологет образцового авторства [19, с. 30]. Требуя истолкования автора не на основе его намерений, а в связи со стратегией взаимодействий и интертекстуальных значений, устанавливая тем самым отношения между двумя системами литературного творчества, У. Эко проложил линию демаркации между подлинно авторской литературой и сетевыми технологиями квазиавторства. Изобретая возможность определения типологии «дополнения мест неполной определенности», легко вообразить варианты завершения незавершенного: 1) виртуальное домысливание; 2) дописывание; 3) реконструкцию; 4) интерпретацию [3]. Во всех вариантах происходит реализация отсроченного завершения, главным стимулом которого является дление незавершенного, вызывающего к сотворчеству автора с читателем, а читателя с автором. В результате этих альянсов вымышленные персонажи сетературы покидают авторские «стоянки» фабул, чтобы путешествовать на «коврах-самолетах» гиперссылок. Открытое произведение задает читателю вопросы о своем смысле, ожидая от него бесчисленную череду истолкований и категорически не допуская однозначного понимания. Именно так видел У. Эко правдоподобность недоказуемости сюжетов, превращая фиктивный мир своих романов в эталоны реального мира как тексты вне авторской ответственности интертекстуальной жизни. Фрагментируя авторскую нарратацию и обращая ее в многослойную «куколку», волны гиперссылок создают прецеденты успешного читательского активизма по заполнению лакун текста. А если без метафоризма – «образцовый автор» творит конгломерат стимулов для мыслительных стартов «образцового читателя», его языковой креативности. В «Шести прогулках в литературных лесах» У. Эко провозгласил гибель онтологии в структурализме как методе «расчленения текста на стабильные скрипстоструктуры», которые пригодны в качестве материала сборки моделей читателя, текстуально придавая ему заданные формы. Оставалось изобрести способ сборки читателя». Идеей нулевой степени письма Р. Барт дал подсказку способа «микширования» текстов, что обернулось идеей «бесконечной интерпретации в неопределенность неограниченного семиозиса» У. Эко. [1]. Гиперссылки образцового читателя – воплощение подсказки Р. Барта, легшей в основу культуры микширования гиперссылок как инструментов трансформации. Трансформационным инструментом микста У. Эко называет «код в коде» коннотаций, который определяется социальным смыслом знаков, то есть компетентностью пишущего.

Результаты. Мы обосновали, что агрессивные стратегии эксплуатации информации, совершенствуя каналы влияния и управления человеком, отрывая его тем самым от реальности вещей, культивируют киберсуществование. Таким образом, роботизация человека воплощается не только в замену физической функциональности автора, но и интеллектуальной, взяв на вооружение трансмерную матрицу сетевой литературы, исключаящую стабилизацию в силу присвоения алгоритмической симуляции интеллектуальных процессов. Гипертексты порождают симулякры понимания смысловой реальности, «добывая» тем самым историческую аксиоматику бытия человека, уже сегодня превращающегося в антропологические руины онтологии. Тем самым порождая антропный сдвиг литературных ценностей существования.

Можно предположить, что мы имеем дело с определенной фабулой трансформации личности: человек иногда сознательно, но чаще бессознательно отказывается от реальности вещей, предпочитая цифровое симулятивное подобие (виртуальное, оцифрованное существование). Возможно, виртуальные миры становятся более реальными для человека, чем вся осязаемая реальность: «Победила другая стадия ценности, стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции. Симуляции в том смысле, что все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное (причем друг на друга они так хорошо, так безупречно обмениваются именно постольку, поскольку не обмениваются больше ни на что реальное)» [2, с. 4].

Прибегнув к анализу истории проблемы, мы обнаруживаем, что индуктором прогноза явления сетелитературы считается британский критик Л. Эллуэй, который в футурологическом исследовании «Художественный мир как система» предрек рождение Интернета на почве масс-медиа и коммуникативных стратегий, описав различные виды сетей, запечатлевших словесную активность художников. «Все мы, – писал Л. Эллуэй, – объединены тревожащей нас связью новых сетевых узлов» (цит. по: [5, с. 17]). И Интернет действительно стал синтезом массового производства, новых технологий продуцирования феноменов словесности и их легитимации. Легитимность нового письма сетевых авторов приобрела собственные контуры в определении, каким образом новизна сетевого авторства обеспечивает или тормозит насле-

дование общественных ценностей и вирусное заражение токсичными мемами, а в какой мере она содействует становлению социокультурной повестки современной литературы, духовно основополагающей формирование цивилизаций. Литературное авторство активно трансформируется в сетевое, при этом наследуя принципы и формы литературной классики, то есть канона письменной личности в описании В. А. Шкуратова – как «антропокультурную развертку человеческой целокупности на площадку литературно-нарративного опосредствования» [16, с. 38]. Именно поэтому одновременное сосуществование разнородных литературных систем создает уникальную культурную ситуацию как хаосмологии роли современных феноменов литературного авторства в Интернет, так и его места в ряду других явлений действительности и значимости этой проблематики. То есть сетевая литература, если она намерена играть социокультурную роль, должна переживать омассовление, а потому не может отделяться от общего литературного процесса и общего процесса коммуникации. Таким образом, философская экспликация антропных особенностей формирования новой литературы способствует становлению культурологической оценки как трансформации литературного авторства в Интернет, так и ее нового категориального аппарата [3].

Заключение. В заключение следует сказать, что общезначимую феноменологию электронной литературы аналитики эксплицируют с позиций дисциплинарных трибун. Чаще всего это филологическая трибуна. Ее «занимают» и плоды фанфикшен, и ориджиналы, и фабульные сюжеты, и архетипические модели повествования сетературы. Это контрастирует с политикой нулевого письма как мечты Р. Барта, У. Эко и новых сетевых авторов о словесной свободе. Такое заключение приводит к выводам:

– Фактическая анонимность сетературных текстов как результата провокаций бесконечного потока интерпретаций и неприятия однозначности понимания текста состоит в способности автора к созданию фабул как инструкций, способных к читательской репликации авторства.

– Сетературный замысел ограничен возможностью повода для размышлений читателя, домисливающего возможные варианты решения проблем. Образцовый читатель способен самостоятельно заполнять лакуны текста на основе знания, воображения и читательского опыта, то есть пролонгировать авторский замысел, строя лабиринт вероятностей его развития. Но при этом соавторство в каждом отдельном случае может стать доминантой сюжета и образного конгломерата, а может обернуться смысловыми тупиками, аннулирующими творца.

– Сетевая литература успешно воплощает эллиптический дискурс У. Эко, дающий повод для энигматического мышления читателя как побуждения к безграничному соавторству гиперссылок, как части гипертекстового документа, ссылающегося на элемент в этом документе (команда, текст, изображение, сноска) или на другой объект (файл, документ, каталог, приложение), расположенный на локальном диске или в компьютерной сети, либо на элементах этого объекта. Таким образом, если читатель вдруг займется дописыванием романов Л. Толстого, ему будет поставлен медицинский диагноз, а если продолжит множить закладки «Маятника Фуко», маятник продолжит свой реверс и только. Однако к творческому рождению авторских миров это отношения не имеет.

– В «сухом остатке» сетературы копятся системы характеристик «образцового автора» как формы инструкций текстотворческих стратегий, развертывающихся по мере повествования и формирующих модель «образцового читателя» – то есть киберсоавтора.

Список литературы

1. Барт Р. Основы семиологии. Нулевая степень письма. М. : Академический проект, 2008. 431 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. на русский язык и вступительная статья: С. Н. Зенкин. М. : Добросвет, 2000. 387 с. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/348>.
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42. URL: <http://www.galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (дата обращения: 20.04.24).
4. Генис А. Книга книг. Комментарий к одному изобретению // Иностранная литература. 1999. № 10. С. 116–168.
5. Гурулев И. В. Типология и художественные стратегии сетевого искусства : дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 348 с.
6. Даведенко С. В. Философская рефлексия цифрового опосредования сетевой личности: постановка проблемы // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. С. 13–21.

7. От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия / отв. ред.: Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова. М. : МГУ, 2000. 256 с.
8. Общество и книга: от Гутенберга до Интернета / общ. ред. А. П. Королевой. М. : Традиция, 2000. 279 с.
9. Попова Д. А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального Интернет-дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 87–91.
10. Пудикова А. А. Проблема трансформации индивидуальности в коммуникативном пространстве сетевого общества : дисс. ... канд. философских наук. Томск, 2009. 122 с.
11. Рослый А. С. «Сетевая литература» как феномен актуальной словесности // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 149–156.
12. Смирнова Т. В., Унжакова И. А. Семиотическое знание о массовой коммуникации Умберто Эко и проблемы познания цифровой реальности // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 17–23.
13. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации // Литература Западной Европы XX века. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/usmanova-eko-paradoksy/index.htm>.
14. Федоров А. А. Концепция литературного творчества Умберто Эко и воплощение модели писателя «Умберто Эко – М-автор» // Российский гуманитарный журнал. 2016. № 6. Т. 5. С. 543–551.
15. Феномен незавершенного : монография / [Т. А. Снигирева и др.]; под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 670 с.
16. Шкуратов В. А. Новая историческая психология. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009. 208 с.
17. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб. : Симпозиум, 2002. 285 с.
18. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. 384 с.
19. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. М. : АСТ, 2016. 640 с.

In anticipation of the cyber-author as an anthropic shift in the network culture of the writer

Kostyukov Vladimir Evgenievich

postgraduate student specializing in Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture, Samara State Technical University. Russia, Samara. ORCID: 0009-0005-9883-9000. E-mail: kvmedia@gmail.com

Abstract. The article discusses the relevance of philosophical reflection on the transformation of the culture of literary authorship on the Internet, its place among other phenomena of reality and the importance of this issue of intellectual creativity. The formulation of the problem of the formation of network authorship, which has been transformed into network co-authorship or cyber-authorship for almost thirty years, creates a unique cultural situation for determining the role of anthropological phenomena of network literature in the transitional period of simultaneous coexistence of heterogeneous literary systems. The author of the article sets out to explore the anthropological features of the culture of the modern electronic literary process and the most significant of them: in what relationship with the reader are and will be the Internet author and his reader – cyber-author.

To find the answer, we resort to methods of determining the source of the phenomenon of "open text", descriptive substantiation of the concepts of "electronic author", "author's shift (digital centrism)", through which we come to the conclusion about the assimilation of a person's appropriation of a technical simulation of verbal reality. In our opinion, the process is mediated by texts created by technologies for defining and redefining ideas about the world and its values. According to the logic of the "new letter" U. Having acquired its own contours, we come to the conclusion that, mimicking the forms of literary traditions (plot plots, archetypal narrative models, etc.), the online literature of new technologies for producing literary phenomena and legitimizing them, unlike traditional fiction as art, is able to turn the reader into a quasi-author, thereby revealing the ongoing convergence of new canons and requirements, but is not capable of creating unique author's worlds of artistic creation.

Keywords: cyber-author, anthropic shift, interpretation, exemplary reader, hypertext, open text, online literature, co-author, author, exemplary author, text.

References

1. Bart R. *Osnovy semiologii. Nulevaya stepen' pis'ma* [Fundamentals of semiology. The zero degree of writing]. M. Academic project, 2008. 431 p.
2. Baudrillard J. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic exchange and death] / transl. into Russian and introductory article: S. N. Zenkin. M. Dobrosvet, 2000. 387 p. Available <https://gtmarket.ru/library/basis/348>.
3. Brockmeyer J., Harre R. *Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoj paradigmy* [Narrative: problems and promises of an alternative paradigm] // *Voprosy filosofii* – Problems of Philosophy. 2000. No. 3. Pp. 29–42. Available at: <http://www.galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (date accessed: 20.04.24).

4. Genis A. *Kniga knig. Kommentarij k odnomu izobreteniyu* [The Book of Books. A comment on an invention] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 1999. No. 10. Pp. 116–168.
5. Gurulev I. V. *Tipologiya i hudozhestvennye strategii setevogo iskusstva : diss. ... kand. iskusstvovedeniya* [Typology and artistic strategies of network art : diss. ... of PhD in Art History]. M., 2005. 348 p.
6. Davedenko S. V. *Filosofskaya refleksiya cifrovogo oposredovaniya setевой lichnosti: postanovka problemy* [Philosophical reflection of digital mediation of a network personality: problem statement] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya* – Herald of Samara State Technical University. Series: Philosophy. 2021. Pp. 13–21.
7. *Ot knigi do Interneta: Zhurnalistsika i literatura na rubezhe novogo tysyacheletiya* – From books to the Internet: Journalism and literature at the turn of the new millennium / ed. by Ya. N. Zasursky, E. L. Vartanova. M. MSU, 2000. 256 p.
8. *Obshchestvo i kniga: ot Gutenberga do Interneta* – Society and the book: from Gutenberg to the Internet / gen. ed. by A. P. Koroleva. M. Tradiciya (Tradition), 2000. 279 p.
9. Popova D. A. *Cifrovaya lichnost' kak central'nyj element mezhpersonal'nogo Internet-diskursa* [Digital personality as a central element of interpersonal Internet discourse] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura* – Herald of Buryat State University. Language. Literature. Culture. 2019. No. 2. Pp. 87–91.
10. Pudikova A. A. *Problema transformacii individual'nosti v kommunikativnom prostranstve setevogo obshchestva : diss. ... kand. filosofskih nauk* [The problem of personality transformation in the communicative space of a network society : diss. ... of PhD in Philosophical Sciences]. Tomsk, 2009. 122 p.
11. Roslyj A. S. *"Setevaya literatura" kak fenomen aktual'noj slovesnosti* ["Network literature as a phenomenon of actual literature"] // *Nauchnaya mysl' Kavkaza* – Scientific thought of the Caucasus. 2014. No. 1. Pp. 149–156.
12. Smirnova T. V., Unzhakova I. A. *Semioticheskoe znanie o massovoj kommunikacii Umberto Eko i problemy poznaniya cifrovoy real'nosti* [Semiotic knowledge of mass communication by Umberto Eco and the problems of cognition of digital reality] // *Cifrovaya sociologiya* – Digital Sociology. 2019. Vol. 2. No. 1. Pp. 17–23.
13. Usmanova A. R. *Umberto Eko: paradoksy interpretacii* [Umberto Eco: paradoxes of interpretation] // *Literatura Zapadnoj Evropy XX veka* – Literature of Western Europe of the XX century. Available at: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/usmanova-eko-paradoksy/index.htm>
14. Fedorov A. A. *Koncepciya literaturnogo tvorchestva Umberto Eko i voploshchenie modeli pisatelya "Umberto Eko – M-avtor"* [The concept of Umberto Eco's literary work and the embodiment of the writer's model "Umberto Eco – M-author"] // *Russian Humanitarian Journal*. 2016. No. 6. Vol. 5. Pp. 543–551.
15. *Fenomen nezavershennogo : monografiya* – The phenomenon of the unfinished : a monograph / [T. A. Snigireva et al.]; under the gen. ed. of T. A. Snigireva and A. V. Podledenov. Yekaterinburg. Ural Publishing House. University, 2019. 670 p.
16. Shkuratov V. A. *Novaya istoricheskaya psihologiya* [New historical psychology]. Rostov-na-Donu. SFU Publishing House, 2009. 208 p.
17. *Eko U. Shest' progulok v literaturnyh lesah* [Six walks in literary forests]. SPb. Symposium, 2002. 285 p.
18. *Eko U. Otkrytoe proizvedenie. Forma i neopredelennost' v sovremennoj poetike* [An open work. Form and uncertainty in modern poetics]. SPb. 2004. 384 p.
19. *Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on the semiotics of the text] / transl. by S. Serebryany. M. AST, 2016. 640 p.

Поступила в редакцию: 30.05.2024

Принята к публикации: 21.10.2024

Геронтологическая мысль в эпоху постмодерна

Пашина Людмила Александровна

кандидат философских наук, доцент ВАК, доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Сибирский государственный индустриальный университет. Россия, г. Новокузнецк; докторант,
Национальный исследовательский Томский государственный университет.
Россия, г. Томск. ORCID: 0000-0002-4743-3343. E-mail: lapash@yandex.ru

Аннотация. Осознание неполноты в осмыслении опыта позднего этапа жизненного пути в последней четверти XX века привело к формулированию альтернативных позитивистской геронтологии вариантов исследования старения: критической, гуманистической и культурной версий геронтологии. Проблема исследования состоит в том, что на современном этапе изучения феномена старости существует противоречие между необходимостью развития единой геронтологической теории, интенцией конституирования философии старости и недостаточной степенью изученности вопросов, имеющих принципиальное значение для понимания сущностных характеристик старости и старения, в частности, требует внимания и разработки их полномерное исследование областью социально-гуманитарного знания. В статье показано, что появившиеся социально-гуманитарные направления исследований старения значительно увеличили возможности геронтологической мысли, позволяя выйти за пределы биомедицинской парадигмы. Цель статьи – расширение понимания старости и старения как социально-философских категорий за счет обращения к традициям критической, гуманистической и культурной версий геронтологии. Данная цель реализуется посредством решения следующих задач: 1) рассмотрение причин появления постмодернистских версий геронтологии; 2) анализ каждого направления посредством указания его актуальной ценности, отличительных черт, тем, ведущих представителей, ключевых работ. Анализ геронтологической мысли в эпоху постмодерна основан на использовании комплекса социально-философских принципов и общенаучных методов, а именно: системного подхода, методов сравнительного анализа, аналогии, научного обобщения, структурно-функционального анализа, а также диалектического метода, раскрывающего возможности изучения социальных явлений в их развитии. Теоретическое и практическое значение данного исследования заключается, во-первых, в его комплексном характере: работа выстроена в виде обзора основных направлений и тем англоязычной социально-гуманитарной геронтологической мысли, имеющей полувековую традицию, но недостаточно осмысленную в отечественном геронтологическом дискурсе; во-вторых, важность данной работы состоит в том, что полученные результаты могут способствовать конституированию философского измерения геронтологической мысли.

Ключевые слова: старость, старение, критическая геронтология, гуманистическая геронтология, культурная геронтология.

Введение. Постмодернистские тенденции в общественном дискурсе последней четверти XX в. вызвали потребность в расширении границ социальной геронтологии путем формулирования альтернативных подходов к осмыслению феномена старения. Их появление было продиктовано переосмыслением границ и ключевых вопросов позитивистской геронтологии, а также попыткой разрешить актуальные, но еще не концептуализированные наукой того времени проблемы стареющего общества. Социальная геронтология с момента своего появления и вплоть до конца 1960-х гг. опиралась на консенсусную модель общественных изменений, где старение рассматривалось как управляемый медицинской и биологической науками процесс, а общественные науки обеспечивали бы основу для разработки эффективной социальной политики в отношении пожилых людей. Однако в 1970-х гг. начался экономический спад, затронувший западные общества и остановивший рост государства всеобщего благосостояния. Тогда же актуализировались многие общественные движения, в том числе начали расти активность и влияние на социальной и политической арене самих пожилых людей. Осознанию неполноты в осмыслении опыта позднего этапа жизненного пути способствовали также интерпретативный и культурный повороты эпохи постмодерна, повлиявшие на зарождение альтернативных вариантов геронтологического мышления.

В результате, в последней четверти XX в. актуализировалась дискуссия о природе стареющего общества, где наметились два новых магистральных направления. Первое – получи-

ло название «критическая геронтология» и генетически восходило к теории политической экономии, артикулированной в знаковых работах К. Эстес «Стареющее предприятие» [16], А. Уокера «На пути к политической экономии старения» [47], П. Таунсенда «Структурная зависимость пожилых людей» [43], «Эйджизм и социальная политика» [42], А.-М. Гиймар «Старость и государство всеобщего благосостояния» [19]. Эта версия геронтологии сфокусировалась на критике политической власти, эйджизма, изучении совокупных преимуществ и недостатков на протяжении всей жизни у различных групп, на исследовании искусственно формируемых структурных ограничений и источников исключения пожилых людей (прежде всего, на выявлении и анализе последствий экономической зависимости пожилых людей от государства (например, таких как пенсионная политика, выход на пенсию по возрасту, дискриминация по возрасту)).

Второе направление объединило взгляды гуманитарных и социальных интерпретирующих наук, а также области искусства, духовности, религии, исследующих опыт старения. В результате возникли во многом пересекающиеся по предмету и методологии направления гуманистической, а позже культурной геронтологии. Эта парадигма знания сосредоточилась на интерпретации сложности человеческого существования посредством исследования субъективного опыта старения. Данные направления, по мнению А. Хюльзен-Эш, изучают ключевые вопросы, касающиеся смысла и многообразия опыта позднего жизненного периода путем внимательного исследования истории, литературы, философии, психологии, культуры, искусства, религии, поскольку эти виды знания дают возможность постичь представления о старении, его смысле и ценности, возникших в ходе истории посредством изучения опыта, взглядов и идентичности пожилых людей, запечатленных в текстах, устных историях, изображениях, фильмах, социальных практиках [20].

По мнению одного из родоначальников критической геронтологии К. Филлипсона, и критическая, и гуманистическая версии геронтологии объединены вниманием к «проблеме расширения прав и возможностей, либо путем преобразования общества, например, путем перераспределения доходов и богатства, либо путем разработки новых ритуалов и символов, способствующих изменениям на протяжении всей жизни» [32]. Эти постмодернистские версии осмысления феномена старения ставят перед собой задачу исследования опыта поздней жизни с целью конституирования геронтологии, имеющей возможность выполнять эмансипирующие и интерпретирующие функции, геронтологии, которая сможет, погружаясь в пространство субъективного опыта позднего возраста, расширять его горизонты.

Интересно отметить, что в этих областях многие исследователи демонстрируют уникальный дар интегрального освещения и индивидуальной, и социальной перспективы: они исследуют старение и с критической, и с гуманистической позиций. Именно по этой причине можно утверждать определенную условность границ между критической, гуманистической и культурной версиями геронтологии. Мы часто можем увидеть, что представители этой парадигмы фигурируют в различных программных статьях, обзорах, справочниках, описывающих основы данных взглядов как яркие апологеты нескольких направлений [11; 33; 44].

В 2008 г. «Журнал исследований старения» посвятил один из выпусков размышлениям известных представителей критической геронтологии теме развития и ценности этой области. В предисловии к этому выпуску в статье «Достижение совершеннолетия критической геронтологией» представитель феминистской версии геронтологии Р. Рэй написала о том, что одним из первых, ярких и вдохновляющих примеров критической работы о старении можно признать «Совершеннолетие» (1972) С. де Бовуар [15], поскольку эта работа «объединяет гуманитарные и социальные науки, чтобы «спровоцировать у читателей изменение «возрастного сознания», что, как мы надеемся, приведет к изменениям в материальном мире» [34]. Последнее можно рассматривать как одну из фундаментальных целей всей постмодернистской геронтологии.

Критическая геронтология. Новая критическая парадигма в социальной геронтологии начала развиваться в конце 1970-х гг. во многом как результат осознания ограничений биомедицинского взгляда академической геронтологии, активных дебатов о равенстве поколений, расширения понимания потенциальных возможностей этого жизненного периода.

Изначально парадигма политической экономии основывалась на представлении об определяющем проблематичном влиянии экономики и политики на жизнь пожилых людей. Первые работы были попыткой преодоления одностороннего взгляда функционалистских теорий, утверждавших, что бедность, экономическая зависимость, социальная изоляция по-

жилых людей являются неизбежными следствиями индустриализации. Политэкономия видела иные причины подобного положения пожилых людей, в частности, А. Уокер утверждал, что экономическая зависимость и социальная изоляция сконструированы в первую очередь такими институтами, как рынок труда и государство всеобщего благосостояния: «когда мы исследуем динамику взаимосвязи между старостью и государством всеобщего благосостояния, ... мы можем увидеть решающую роль социальной политики и социальных институтов в структурировании и перестройке жизненного пути и смысла старости» [46, p. 60–61].

Активными выразителями идей этой области явились Э. Ахенбаум, Я. Баарс, С. Биггс, А.-М. Гиймар, Б. Грин, Д. Даннефер, Т. Каласанти, Р. Кастенбаум, С. Катц, Т. Р. Коул, Р. Манхеймер, М. Минклер, Г. Р. Муди, Р. Рэй, П. Таунсенд, А. Уокер, К. Филлипсон, К. Эстес, П. Л. Якоби, М. Cruikshank, Н. Laceulle, М. В. Holstein, D. Hendricks, М. Нерworth. Методологической основой критической геронтологии можно считать следующие работы, идеи которых сформировали интеллектуальные стандарты критической перспективы в геронтологии, а также ее важнейшие темы [4; 5; 6; 8; 17; 19; 22; 26; 27; 30; 42; 43; 47].

Представители этой парадигмы фокусируются на критике процесса власти, исследуя структурные силы и практики, которые ограничивают опыт старения; также подвергаются критике ограничения биомедицинской геронтологии с намерением расширить социально политически заданные значения и границы старости.

Современная критическая геронтология опирается на критическую теорию марксизма и политэкономии, взгляды Франкфуртской философской школы, постмодернистские теории языка, постструктуралистские взгляды М. Фуко, различные формы феминизма, социального конструктивизма и гуманистическую традицию в геронтологии. Двумя направлениями изучения в критической геронтологии являются политическая экономия старения (исследование политических, социально-экономических и других факторов, детерминирующих опыт старения) и гуманистические исследования старения (рассмотрение индивидуальной перспективы, при опоре на изучение вопросов ценности, смысла, интерпретации и субъективно-го переживания позднего жизненного периода).

Важность формирования этой парадигмы заключается в том, что подобный анализ позволяет расширить геронтологический взгляд, добавив к повестке изучение структурных ограничений и источников вовлечения или исключения, что сформировало дополнительный спектр направлений исследований старения. Также ревизионизм критической геронтологии дает возможность избежать консерватизма в развитии академической геронтологии, стимулируя дебаты на самые острые темы.

Гуманистическая и культурная версии геронтологии. Американский философ Г. Муди, описывая сложности развития области исследований старения, написал, что «господствующей геронтологии ... просто не хватает языка, чтобы говорить о многих из наших глубочайших человеческих интересов.... Это отсутствие языка в буквальном смысле лишает нас дара речи перед лицом многих глубочайших вопросов человеческой жизни, особенно на ее последнем этапе... Именно здесь гуманитарные науки могут внести свой наибольший вклад в изучение проблем старения» [29, p. 412].

Гуманистическая геронтология исследует символические значения, приписываемые старению, образы, интерпретации и практики, формирующие наше восприятие и опыт старения в различных исторических эпохах и культурных контекстах. Она вносит вклад в наше понимание старения как социально-культурного феномена, чем делает шаги к более четкой концепции человека, к более полному пониманию ценности каждого жизненного этапа, формированию новых смыслов старения. Выход за рамки одностороннего взгляда хронологических традиций позитивистской геронтологии дает возможность серьезно изучать ключевые вопросы, касающиеся смысла и многообразия старости, форм заботы о пожилых людях и продуктивного вовлечения их в жизнь общества, а также способствует уточнению ограничений и возможностей для достижения благополучия на позднем жизненном этапе в новых реалиях [1].

Первые систематические попытки артикулирования подобных взглядов стали началом зарождения гуманистической геронтологии в конце 1970-х гг. в США. Альтернативная интерпретационная традиция начала свое формирование во многом как следствие переосмысления целей и методологии гуманитарной мысли. Гуманитарные науки в эпоху «текущей современности» стали более всеобъемлющими и менее инклюзивными: Р. Ли и И. Валлерстайн в книге «Преодоление двух культур: наука против гуманитарного знания в системе современного мира» объясняют расширение компетенции и возможностей гуманитарных дисциплин «не-

давними теоретическими вызовами структурам знаний и дисциплинарным образованиям, а также растущими глобальными интересами и озабоченностями, которые требуют сосредоточения на социальных проблемах, а не на академических дисциплинах или институтах в качестве отправной точки для исследований и теоретизирования. Эта проблемная направленность ... требует перехода от строго дисциплинарных вопросов к междисциплинарным» [23]. Итак, обновленная гуманистическая традиция начала формулировать новую парадигму в осмыслении феномена старения. Общими установками этого направления явились утверждения о том, что 1) жизненный опыт пожилых людей, выраженный в речах, текстах, визуальных образах, различных социальных, культурных, дискурсивных практиках является центральным объектом исследования природы старения, поскольку по убеждению философа Ч. Тейлора «никакое знание о людях не является полным, если оно не отдает должное мыслям, чувствам и выражениям изучаемых людей» [цит. по 11, р. 9]; 2) культура играет центральную роль, во многом определяя социальные отношения и идентичность; 3) общество рассматривается как дискурсивно структурированная сеть знаков, где объектом анализа становится их интерпретация и деконструкция. Согласно Э. Гидденсу, в эпоху постмодерна на первый план выходят темы идентичности, рефлексивности и индивидуации, поскольку произошел переход от исследования структуры в детерминистских моделях общества к прояснению деятельности; 4) процесс старения является относительным, зависящим от конкретных взаимоотношений между людьми, местами и культурами: индивиды и культуры конструируются совместно (чтобы понять пожилых людей, нужно понимать историческое время, место и культуру, в которых они стареют).

Уже в первое десятилетие существования гуманистической парадигмы в геронтологии изучением старения занялись ученые из области истории, литературоведения и языкознания, философии, этнографии, религиоведения, исследователи различных видов искусства (кино, музыка, театр, живопись), появились плодотворные разработки в области развития креативности у пожилых людей – уже тогда значение исследований старения средствами гуманистической парадигмы для академической геронтологии, образования, государственной политики и клинической практики стало более очевидным [11]. Чуть позже эта интеллектуальная традиция стала разрабатываться в немецкоязычных странах Европы под названием «культурная геронтология», где основными теоретиками стали К. Конрад, Г.-Й. фон Кондратович [14], L. Andersson, R. Edmonson, R. Maierhofer, H. Hurtung, R. Kunow. В первом приближении культурная геронтология покоилась на установках о природе общества в условиях поздней современности, где центральными были концепты анализа – потребление и средства массовой информации. Позже эта традиция распространилась за границы научного дискурса немецкоязычных стран.

Пионерами гуманистической традиции в геронтологии в рамках различных ее направлений явились Р. Ахенбаум, Я. Баарс, Д. Д. Ван Тассел, Д. Каллахан, Р. Кастенбаум, Т. Р. Коул, Р. Майерхофф, П. Макки, Р. Д. Манхеймер, Г. Р. Муди, Р. Рэй, С. Ф. Спикер, П. Тэйн, К. Вудворд, R. Atchley, J. E. Birren, D. Gubrium, C. Haber, M. M. Gullette, M. Hepworth, M. B. Holstein, M. Kimble, K. de Medeiros, S. H. McFadden, D. L. Norton, S. Perlstein, M. Philibert, D. Sheets, D. Thursby, J. E. Thornton, M. C. Winkler, A. M. Wyatt-Brown и многие другие. Рассматриваемые авторы используют различные методологические и теоретические подходы, но интегрирующим их работы основанием является интерпретация сложности человеческого существования посредством исследования опыта, взглядов и идентичности пожилых людей, отражаемых в различных социальных, культурных, коммуникативных практиках. Теоретической базой этих направлений можно считать следующие работы, идеи которых сформировали интеллектуальные стандарты этой области знания и ее магистральные направления развития [8; 9; 10; 12; 13; 36; 40; 45].

Можно утверждать, что основные темы гуманистической и культурной геронтологии во многом пересекаются, поэтому в данном обзоре будут указаны общие области работы выдающихся представителей этой традиции. Итак, с момента своего появления гуманистическая и культурная версии геронтологии значительно актуализировались, сформировав внушительную область знания: как в США, так и в Европе, открылся широкий поток исследований, опирающихся на установки данной области. Выделим магистральные направления развития, сложившиеся за последние четыре десятилетия.

Историческая геронтология. Американские историки (Э. Ахенбаум [2], У. Гребнер [18], Д. Майлс [31], Т. Коул [7], П. Стернс [37], П. Тэйн [39], С. Haber, D. Fisher, J. Quadagno, D. Thom-

son) были первыми гуманитариями, кто начал писать историю старения. Эти исследования показали, что устоявшиеся в современности представления о неуклонном снижении престижа, власти и дохода пожилых людей ошибочны (исторически положение пожилых людей преимущественно зависело от результатов их деятельности и количества имущества, чем от возраста); также они подвергли критике масштабные социологические теории (например, теория модернизации), которые чрезмерно упрощали и гомогенизировали пожилых людей. Историки убедительно доказали контекстуальность представлений о старении на примере исследований разных эпох; подтвердили, что ожидания в отношении старения существенно влияют на возможности и ограничения, с которыми сталкиваются пожилые люди, занимающие различные социальные и экономические позиции; исследовали эволюцию системы социального (в т. ч. пенсионного) обеспечения, истоки выхода на пенсию.

Литературная и нарративная геронтология. После историков внимательное изучение темы старения проникло в литературоведение и языковедческие дисциплины. Пионером, вдохновившим следующие поколения пытливостью в исследовании литературы и языка для понимания опыта старения, стала К. Вудворт [49]. Затем сформировалась плеяда талантливых литературных критиков, изучающих и формирующих вклад литературы в понимание старения – A. Basting, S. Falcus, M. Gullette, M. Hepworth, S. Kaufman, R. Maierhofer, K. Rooke, B. J. Worsfold, A. M. Wyatt-Brown, H. Zeilig. Они исследовали образы старения в художественной литературе; предложили психоаналитические обоснования исследования творческого процесса, в т. ч. в зрелом возрасте; анализировали отношение к старению, представленное в литературе; анализировали новые жанры, которые были посвящены «поздному возрасту». Начиная с 1990-х гг., под влиянием «культурного поворота» широкое распространение получили нарративные исследования, практики составления автобиографий и жизнеописаний пожилых людей (J. E. Birren, J. E. Bornat, P. G. Clark, K. N. Cochran, De Vries B., G. M. Kenyon, R. Ray).

Область биоэтики в геронтологии. Данное направление исследования является крайне междисциплинарной областью, опирающейся на философию, этику, историю, религиоведение, юриспруденцию, социальные и медицинские науки, анализирующие сложнейшие этические дилеммы, порожденные развитием биомедицинских технологий. Исследователи этой области (К. Качор, С. Ф. Спикер [21], Г. Р. Муди [27], Т. Такала [38], A. Blassimme, D. Callahan, N. S. Jecker, L. B. McCullough, R. Rhodes, M. Schweda, J. E. Thornton) уделяют особое внимание этическим проблемам, характерным для ухода за пожилыми людьми: вопросы об осознанном согласии, автономии и принятии решений по доверенности; уязвимость к жестокому обращению с пожилыми людьми; этические проблемы при долгосрочном уходе; вопросы социальной политики и реформ здравоохранения (например, справедливое распределение медицинских ресурсов между поколениями).

Философская перспектива в геронтологии. Как написала философ М. Мотерсилл в 1999 г., «старость – это тема, которую философы по большому счету игнорируют» [цит. по 34, р. 1]. По прошествии 25 лет можно согласиться с ней: философия старения является той областью, которая ждет своей разработки. Существуют философские исследования, рассматривающие этические вопросы смысла и предназначения в старости, изучения мудрости, ценности памяти, природы времени, исследования идентичности, размышления о смерти, описания возможностей и ограничений дальнейшей жизни. Эти темы разрабатываются такими авторами, как Я. Баарс, Н. С. Джекер, Р. Д. Манхеймер, П. Макки, Г. Р. Муди, Х. Смолл, Л. Торнстрем, Н. Fingarette, N. S. Jecker, H. Lacuelle, D. L. Norton, C. Overall, M. Philibert, S. G. Post, T. Rentsch, M. Schweda, R. Stoecker [3; 24; 25; 28; 34; 35; 41]. Полномерная философская перспектива в осмыслении старения только начинает формирование.

Темы религиозности и духовности в геронтологии. Духовные аспекты старения объединили науку и религию в поисках смысла, но, как и в философии, можно констатировать, что гуманистический подход в исследованиях религии и старения только начинает формирование. Существует большое количество религиозных исследований, проведенных геронтологами, свидетельствующих о тесной связи между религией, здоровьем и долголетием, но духовные стороны позднего жизненного периода при этом остаются неартикулированными. Исключениями для этой области являются имена таких мыслителей, как R. C. Atchley, M. Brennan, J. W. Ellor, S. Isenberg, M. Kimble, D. McFadden, S. H. McFadden, C. Orsborn, S. Sapp, G. Thursby, R. L. Weber.

Театр, перформанс, кино, живопись, музыка, креативность и старение. Размышления о старости в искусстве раскрывают не только представления о возрасте, ролевые ожидания и стереотипные представления, с которыми мы сталкиваемся на этом этапе жизни, но и

роль искусства в решении сложнейших проблем позднего жизненного этапа (использование художественных практик может улучшить как понимание процессов старения, так и качество жизни пожилых людей и пациентов с различными нейродегенеративными заболеваниями). Признанными лидерами исследований старения на материале театральных практик и перформанса являются М. Bernard, М. Kaminsky, S. Kaufman, S. M. Mangan, L. Munro, В. Myerhoff; на области кино – S. Chivers, А. М. Cohen-Shalev, А. Swinnen, S. Wearing; в живописи – М. Meager; в области музыки – А. Bennett, R. Jennings, А. Gardner и в танце – S. Perlstein. Важно упомянуть о том, что изучение креативности является быстрорастущей областью гуманитарной практики в геронтологии, где пионерами считаются А. Basting, J. Pennebaker, J. Seagal, G. Vaillant, В. Vorenberg.

Итак, рассмотренные в статье постмодернистские направления геронтологии демонстрируют пример конструктивного взаимодействия социально-гуманитарной мысли с современными общественными проблемами (с проблемами глобального постарения населения).

Заключение. Все рассмотренные направления геронтологической мысли оказывают большое влияние на развитие полноценного понимания социально-философского измерения старости за счет расширения аспектов и тем анализа природы старения. Но несмотря на столь внушительный объем исследований и достаточно широкую представленность идеи о необходимости интегративного подхода к данной проблеме, работ, посвященных комплексному анализу аспектов старости и старения, почти нет. Не хватает перспективы, которая могла бы прояснить фундаментальное значение старения в человеческом существовании и в то же время помочь интерпретировать и интегрировать растущую массу эмпирической информации с единой точки зрения. Необходимо обращение к более фундаментальному и общетеоретическому подходу, чтобы создать новое стареющее общество, необходимы полноценные философские исследования значений старости.

Список литературы

1. Пашина Л. А. Причины формирования гуманистической геронтологии: социально-философский аспект // KANT. 2024. Вып. 2 (51). С. 262–268.
2. Achenbaum A. W. Old age in the new land: the American experience since 1790. The Johns Hopkins University Press; First Edition, 1978. 251 p.
3. Baars J. Aging and the art of living. Baltimore : Johns Hopkins Press, 2012. 304 p.
4. Baars J. The challenge of critical gerontology // Journal of Aging Studies. 1991. Vol. 5 (3). Pp. 219–243.
5. Baars J., Dannefer D., Phillipson C. et al. Aging, globalization, and inequality: The New Critical Gerontology. New York : Baywood Publishing Company, 2006. 304 p.
6. Calasanti T., Slevin K. F. Gender, social inequalities and aging Walnut Creek. CA : AltaMira Press, 2001. 248 p.
7. Cole T. R. The journey of life: a cultural history of aging in America. Cambridge University Press, 1991. 295 p.
8. Cole T. R., Achenbaum R. Voices and visions of aging: toward a critical gerontology / P. Jakobi, R. Kastenbaum. Springer Publishing Company, 1992. 368 p.
9. Cole T. R., Gadow S. What does it mean to grow old: reflections from the humanities. Duke University Press, 1986. 316 p.
10. Cole T. R., Kastenbaum R., Ray R. E. (eds). Handbook of the humanities and aging. Springer, 2000. 2d ed. 443 p.
11. Cole T. R., Ray R. E. Introduction: the humanistic study of aging past and present, or why gerontology still needs interpretative inquiry in T. R. Cole, R. Kastenbaum, R. E. Ray (eds). A guide to humanistic studies in aging. Johns Hopkins University Press, 2010. Pp. 1–32.
12. Cole T. R., Ray R. E., Kastenbaum R. A guide to humanistic studies in aging. Johns Hopkins University Press, 2010. 400 p.
13. Cole T. R., Van Tassel D. D., Kastenbaum R. Handbook of the humanities and aging. Springer, 1992. 486 p.
14. Conrad C., von Kondratowitz H. J. Toward a cultural history of aging. New York : Cambridge University Press, 1994.
15. De Beauvoir S. The coming of age. New York : Norton, 1972. 585 p.
16. Estes C. The Ageing enterprise. Josey Bass, San Francisco, 1979. 283 p.
17. Estes C. L., Biggs S., Phillipson C. (eds). Social theory, social policy and ageing: a critical introduction. Buckingham : Open University Press, 2003. 200 p.
18. Graebner W. A History of retirement – the meaning and function of an American Institution 1885–1978. Yale University Press, 1980. 293 p.
19. Guillemard A.-M. (ed.). Old Age and the Welfare State. Sage, London, 1983. 281 p.
20. Hülsen-Esch A. von. Introduction // Cultural perspectives on aging: a different approach to old age and aging. De Gruyter, 2022. Pp. 10–38.
21. Kaczor C., Spicker S. F. The edge of life. Human dignity and contemporary bioethics / H. T. Engelhardt, K. Wm. Wildes. Springer, 2005. 162 p.

22. Katz S. Disciplining old age: the formation of gerontological knowledge. Charlottesville : University Press of Virginia, 1996. 209 p.
23. Lee R. E., Wallerstein I. Overcoming the two cultures: science versus the humanities in the modern world-system. Boulder, CO : Paradigm, 2004. 256 p.
24. Manheimer R. J. A map to the end of time: Wayfarings with friends and philosophers. New York : Norton Press, 1999. 354 p.
25. McKee P. Philosophical foundations of gerontology. Human Sciences Press, 1982. 352 p.
26. Minkler M., Estes C. Critical perspectives on aging. The political and moral economy of growing old. Farmingdale, NY : Baywood, 1991. 362 p.
27. Moody H. R. Ethics in an aging society. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1992. 288 p.
28. Moody H. R. The five stages of the soul: charting the spiritual passages that shape our lives. Knopf Doubleday Publishing Group, 1998. 384 p.
29. Moody H. R. The humanities and aging: a millennial perspective // The Gerontologist. 2001. Vol. 41 (3). Pp. 411-415.
30. Moody H. R. Toward a critical gerontology: the contribution of the humanities to theories of aging in J. Birren, V. Bengtson (eds.). Emergent theories of aging. New York : Springer, 1988. Pp. 19-40.
31. Myles J. Old Age in the Welfare State. Boston : Little Brown, 1984. 140 p.
32. Phillipson C. Interpretations of ageing: perspectives from humanistic gerontology // Ageing and Society. 1996. Vol. 16 (03). Pp. 359-369.
33. Ray R. E. Coming of age in critical gerontology // Journal of Aging Studies. 2008. Vol. 22 (April). Pp. 97-100.
34. Scarre G. (ed.). The Palgrave handbook of the philosophy of aging. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. 568 p.
35. Small H. The Long Life. Oxford : Oxford University Press, 2010. 360 p.
36. Spicker S., Woodward K., Van Tassel D. D. Aging and the elderly: humanistic perspectives in gerontology. New York : Academic Press, 1978. 406 p.
37. Stearns P. N. Old age in European society. New York : Holmes & Meier, 1976. 163 p.
38. Takala T., Herrison-kelly P., Holm S. Cutting through the surface: philosophical approaches to bioethics. Rodopi, 2009. 256 p.
39. Thane P. Old Age in English History. Oxford : Oxford University Press, 2000. 536 p.
40. Thomas L. E., Moody H. Research on adulthood and aging: the human sciences approach. State University of New York Press, 1988. 249 p.
41. Tornstram L. Gerotranscendence: a developmental theory of positive aging. Springer Publishing Company, 2005. 318 p.
42. Townsend P. Ageism and social policy in C. Phillipson, A. Walker (eds). Ageing and social policy: A critical assessment. London : Gower, 1986. Pp. 15-43.
43. Townsend P. The structured dependency of the elderly // Ageing and Society. 1981. Vol. 1. Pp. 5-28.
44. Twigg J., Martin W. The challenge of cultural gerontology // The Gerontologist. 2015. Vol. 55 (3). Pp. 353-359.
45. Van Tassel D. D. Aging, death, and the completion of being. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1979. 314 p.
46. Walker A. Reexamining the political economy of aging: understanding the structure/agency tension in J. Baars, D. Dannefer, C. Phillipson and A. Walker (eds). Aging, globalization, and inequality: the new critical gerontology. New York : Baywood Publishing Company, 2006.
47. Walker A. Towards a political economy of ageing // Ageing and Society. 1981. Vol. 1 (1). Pp. 73-94.
48. Woodward K. At last, the real distinguished thing: the late poems of Eliot, Pound, Stevens, and Williams. Columbus, Ohio State Press, 1978. 180 p.

Gerontological Thought in the Postmodern era

Pashina Lyudmila Aleksandrovna

PhD in Philosophy Studies, associate professor of the Higher Attestation Commission, associate professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Siberian State Industrial University.
Russia, Novokuznetsk; doctoral student, National Research Tomsk State University.
Russia, Tomsk. ORCID: 0000-0002-4743-3343. E-mail: lapash@yandex.ru

Abstract. The realization of the incompleteness in understanding the experience of the late stage of the life path in the last quarter of the twentieth century led to the formulation of alternative versions of the study of aging to positivist gerontology: critical, humanistic and cultural versions of gerontology. The problem of the research is that at the present stage of studying the phenomenon of old age, there is a contradiction between the need to develop a unified gerontological theory, the intention to establish the philosophy of old age and the

insufficient degree of study of issues of fundamental importance for understanding the essential characteristics of old age and aging, in particular, requires attention and development of their full-scale research in the field of socio-humanitarian knowledge. The article shows that the emerging socio-humanitarian areas of aging research have significantly increased the possibilities of gerontological thought, allowing us to go beyond the biomedical paradigm. The purpose of the article is to expand the understanding of old age and aging as socio-philosophical categories by referring to the traditions of critical, humanistic and cultural versions of gerontology. This goal is realized by solving the following tasks: 1) consideration of the reasons for the emergence of postmodern versions of gerontology; 2) analysis of each direction by indicating its actual value, distinctive features, themes, leading representatives, and key works. The analysis of gerontological thought in the postmodern era is based on the use of a set of socio-philosophical principles and general scientific methods, namely: a systematic approach, methods of comparative analysis, analogy, scientific generalization, structural and functional analysis, as well as a dialectical method that reveals the possibilities of studying social phenomena in their development. The theoretical and practical significance of this research lies, firstly, in its complex nature: the work is structured as an overview of the main directions and themes of English-language socio-humanitarian gerontological thought, which has a half-century tradition, but is not sufficiently understood in the domestic gerontological discourse; secondly, the importance of this work lies in the fact that the results obtained can contribute to the constitution of the philosophical dimension of gerontological thought.

Keywords: old age, aging, critical gerontology, humanistic gerontology, cultural gerontology.

References

1. Pashina L. A. *Prichiny formirovaniya gumanisticheskoy gerontologii: social'no-filosofskij aspekt* [The reasons for the formation of humanistic gerontology: a socio-philosophical aspect] // KANT. 2024. Is. 2 (51). Pp. 262–268.
2. Achenbaum A. W. *Old age in the new land: the American experience since 1790*. The Johns Hopkins University Press; First Edition, 1978. 251 p.
3. Baars J. *Aging and the art of living*. Baltimore : Johns Hopkins Press, 2012. 304 p.
4. Baars J. The challenge of critical gerontology // *Journal of Aging Studies*. 1991. Vol. 5 (3). Pp. 219–243.
5. Baars J., Dannefer D., Phillipson C. et al. *Aging, globalization, and inequality: The New Critical Gerontology*. New York : Baywood Publishing Company, 2006. 304 p.
6. Calasanti T., Slevin K. F. *Gender, social inequalities and aging* Walnut Creek. CA : AltaMira Press, 2001. 248 p.
7. Cole T. R. *The journey of life: a cultural history of aging in America*. Cambridge University Press, 1991. 295 p.
8. Cole T. R., Achenbaum R. *Voices and visions of aging: toward a critical gerontology* / P. Jakobi, R. Kastenbaum. Springer Publishing Company, 1992. 368 p.
9. Cole T. R., Gadow S. *What does it mean to grow old: reflections from the humanities*. Duke University Press, 1986. 316 p.
10. Cole T. R., Kastenbaum R., Ray R. E. (eds). *Handbook of the humanities and aging*. Springer, 2000. 2d ed. 443 p.
11. Cole T. R., Ray R. E. Introduction: the humanistic study of aging past and present, or why gerontology still needs interpretative inquiry in T. R. Cole, R. Kastenbaum, R. E. Ray (eds). *A guide to humanistic studies in aging*. Johns Hopkins University Press, 2010. Pp. 1–32.
12. Cole T. R., Ray R. E., Kastenbaum R. *A guide to humanistic studies in aging*. Johns Hopkins University Press, 2010. 400 p.
13. Cole T. R., Van Tassel D. D., Kastenbaum R. *Handbook of the humanities and aging*. Springer, 1992. 486 p.
14. Conrad C., von Kondratowitz H. J. *Toward a cultural history of aging*. New York : Cambridge University Press, 1994.
15. De Beauvoir S. *The coming of age*. New York : Norton, 1972. 585 p.
16. Estes C. *The Ageing enterprise*. Josey Bass, San Francisco, 1979. 283 p.
17. Estes C. L., Biggs S., Phillipson C. (eds). *Social theory, social policy and ageing: a critical introduction*. Buckingham : Open University Press, 2003. 200 p.
18. Graebner W. *A History of retirement – the meaning and function of an American Institution 1885–1978*. Yale University Press, 1980. 293 p.
19. Guillemard A.-M. (ed.). *Old Age and the Welfare State*. Sage, London, 1983. 281 p.
20. Hülsen-Esch A. von. Introduction // *Cultural perspectives on aging: a different approach to old age and aging*. De Gruyter, 2022. Pp. 10–38.
21. Kaczor C., Spicker S. F. *The edge of life. Human dignity and contemporary bioethics* / H. T. Engelhardt, K. Wm. Wildes. Springer, 2005. 162 p.
22. Katz S. *Disciplining old age: the formation of gerontological knowledge*. Charlottesville : University Press of Virginia, 1996. 209 p.
23. Lee R. E., Wallerstein I. *Overcoming the two cultures: science versus the humanities in the modern world-system*. Boulder, CO : Paradigm, 2004. 256 p.
24. Manheimer R. J. *A map to the end of time: Wayfarings with friends and philosophers*. New York : Norton Press, 1999. 354 p.

25. *McKee P.* Philosophical foundations of gerontology. Human Sciences Press, 1982. 352 p.
26. *Minkler M., Estes C.* Critical perspectives on aging. The political and moral economy of growing old. Farmingdale, NY : Baywood, 1991. 362 p.
27. *Moody H. R.* Ethics in an aging society. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1992. 288 p.
28. *Moody H. R.* The five stages of the soul: charting the spiritual passages that shape our lives. Knopf Doubleday Publishing Group, 1998. 384 p.
29. *Moody H. R.* The humanities and aging: a millennial perspective // *The Gerontologist*. 2001. Vol. 41 (3). Pp. 411–415.
30. *Moody H. R.* Toward a critical gerontology: the contribution of the humanities to theories of aging in J. Birren, V. Bengtson (eds.). Emergent theories of aging. New York : Springer, 1988. Pp. 19–40.
31. *Myles J.* Old Age in the Welfare State. Boston : Little Brown, 1984. 140 p.
32. *Phillipson C.* Interpretations of ageing: perspectives from humanistic gerontology // *Ageing and Society*. 1996. Vol. 16 (03). Pp. 359–369.
33. *Ray R. E.* Coming of age in critical gerontology // *Journal of Aging Studies*. 2008. Vol. 22 (April). Pp. 97–100.
34. *Scarre G. (ed.)*. The Palgrave handbook of the philosophy of aging. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. 568 p.
35. *Small H.* The Long Life. Oxford : Oxford University Press, 2010. 360 p.
36. *Spicker S., Woodward K., Van Tassel D. D.* Aging and the elderly: humanistic perspectives in gerontology. New York : Academic Press, 1978. 406 p.
37. *Stearns P. N.* Old age in European society. New York : Holmes & Meier, 1976. 163 p.
38. *Takala T., Herrison-kelly P., Holm S.* Cutting through the surface: philosophical approaches to bioethics. Rodopi, 2009. 256 p.
39. *Thane P.* Old Age in English History. Oxford : Oxford University Press, 2000. 536 p.
40. *Thomas L. E., Moody H.* Research on adulthood and aging; the human sciences approach. State University of New York Press, 1988. 249 p.
41. *Tornstram L.* Gerotranscendence: a developmental theory of positive aging. Springer Publishing Company, 2005. 318 p.
42. *Townsend P.* Ageism and social policy in C. Phillipson, A. Walker (eds). Ageing and social policy: A critical assessment. London : Gower, 1986. Pp. 15–43.
43. *Townsend P.* The structured dependency of the elderly // *Ageing and Society*. 1981. Vol. 1. Pp. 5–28.
44. *Twigg J., Martin W.* The challenge of cultural gerontology // *The Gerontologist*. 2015. Vol. 55 (3). Pp. 353–359.
45. *Van Tassel D. D.* Aging, death, and the completion of being. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1979. 314 p.
46. *Walker A.* Reexamining the political economy of aging: understanding the structure/agency tension in J. Baars, D. Dannefer, C. Phillipson and A. Walker (eds). Aging, globalization, and inequality: the new critical gerontology. New York : Baywood Publishing Company, 2006.
47. *Walker A.* Towards a political economy of ageing // *Ageing and Society*. 1981. Vol. 1 (1). Pp. 73–94.
48. *Woodward K.* At last, the real distinguished thing: the late poems of Eliot, Pound, Stevens, and Williams. Columbus, Ohio State Press, 1978. 180 p.

Поступила в редакцию: 26.06.2024

Принята к публикации: 23.10.2024

УДК 130.2:730(470.311)

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.039

Космические символы российской идентичности (на материале скульптурных композиций Москвы и Подмосковья)

Киричек Александр Владимирович¹, Ходикова Нина Анатольевна²

¹кандидат философских наук, профессор кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2415-6267. E-mail: 5856243@mail.ru

Аннотация. Одной из приоритетных задач государства на современном этапе является укрепление национальной гражданской идентичности, выступающей значимым фактором обеспечения социальной стабильности. Важная роль при решении этой задачи принадлежит монументальному искусству, прежде всего, тем его памятникам, в которых запечатлены славные страницы истории Отечества. Исходя из этого, целью статьи было определено раскрытие идейно-символического содержания четырех скульптурных композиций Москвы и Подмосковья, посвященных теме освоения космоса, а также их сравнительный анализ. В качестве основных методов использовались различные виды анализа – сравнительно-исторический, культурологический, эстетический, а также принципы и правила герменевтики. В результате было выявлено как общее, присущее всем памятникам, так и индивидуально-особенное, отличающее их друг от друга. Первое состоит в романтически окрашенной динамичности, устремленности вперед и вверх, символизирующей не только идею социального и научно-технического прогресса, но также выражающей мотив неуклонного личностного роста. Второе манифестируется в различных акцентах: технократическом, космополитическом и гуманистическом. В целом изученные монументы не просто украшают городскую среду, а благодаря богатству опредмеченных в них смыслов обладают большим воспитательным потенциалом, пробуждая у реципиента не только чувство гордости за свою страну, но и побуждая к активной созидательной деятельности на благо Отечества, к постоянному личностному саморазвитию. Практическое значение полученных результатов связано с возможностью их использования как в ходе патриотического воспитания в учебных заведениях разного уровня, так и в преподавании новой вузовской дисциплины «Основы российской государственности».

Ключевые слова: национальная идентичность, освоение космоса, символ, скульптура, монументальное искусство, космонавтика и культура, памятники космонавтики.

Введение. Понятие «идентичность» с завидной частотой употребляется сегодня в научном (прежде всего, социально-гуманитарном) и публицистическом дискурсах, входит в программу учебных курсов (в частности, по новой дисциплине «Основы российской государственности») [3], нередко его упоминание можно услышать из уст государственных и политических деятелей, включая Президента России В. В. Путина [12; 13; 14]. Будем в дальнейшем исходить из того, что идентичность – это самоощущение и самоосознание индивидом своей причастности к социальной группе или общности, а национальная идентичность – это чувство (переживание) и осознание (понимание) сопринадлежности человека к определенному государству или нации [7, с. 8], а также «особый вид психологической связи гражданина со своей страной, формирующий у него чувство тождественности со своим народом» [15, с. 139].

В условиях активизации информационной войны с Западом укрепление национальной российской идентичности становится одной из приоритетных задач как в сфере воспитательной работы с молодежью, так и в области преподавания социально-гуманитарных дисциплин [17]. Одним из магистральных путей решения этой задачи является задействование возможностей искусства, поскольку последнее осуществляет комплексное, многостороннее воздействие на личность, включая разум и чувства, сознание и бессознательное [6; 20]. Когда речь идет о формировании и укреплении российской идентичности, важно, чтобы произведение искусства пробуждало у реципиента чувство гордости за свою страну, побуждало к активной деятельности на благо Отечества, а также содержало в себе информационную составляющую, например, отсылая к славным страницам истории страны [21]. В полной мере этим условиям соответствует «космическая тема», представленная, в частности, в скульптурных композициях Москвы и Подмосковья.

Теоретические основы (методология исследования). Несмотря на то, что скульптурные памятники, посвященные покорению космического пространства, появились еще на заре практической космонавтики (в 60-е гг. XX в.), и есть немало публикаций публицистического характера, посвященных, прежде всего, истории их возведения, тем не менее их идейно-символическое содержание остается до сих пор малоизученным. Действительно, есть лишь единичные статьи, где затрагивается тема космической скульптуры, в частности, в Чувашии [22], Краснодарском крае [18]. Также можно констатировать небольшое число работ, нацеленных на освещение космической темы в других видах искусства. В этом отношении интерес представляют публикации Л. А. Рамазановой [16], Е. К. Максимовой [8], О. Тереховой [20], в которых рассматривается тема освоения космоса в различных видах и жанрах изобразительного искусства (плакат, мозаика и др.). Можно также отметить работу В. В. Кирюшкина и Г. В. Лобачевой, посвященную проекциям образа Юрия Алексеевича Гагарина в коллективном сознании российского общества, в том числе через памятники первому космонавту [4].

Исходя из этого, целью настоящего исследования является раскрытие символики наиболее интересных, по мнению авторов статьи, монументальных композиций Москвы и Подмосковья по теме покорения космоса и их сравнительный анализ в контексте решения задач по укреплению российской национальной идентичности. Для достижения поставленной цели использовались методы и правила герменевтики, а также различные формы анализа – сравнительно-исторический, культурологический, эстетический. Новизна исследования состоит в том, что впервые эксплицировано идейное содержание скульптурных композиций Подмосковья, посвященных освоению космоса, осуществлен их сравнительный анализ с аналогичными памятниками Москвы.

Результаты. В качестве объекта исследования были выбраны четыре скульптурные монументальные композиции, две из которых находятся на территории города Москвы, а две – в ближнем Подмосковье – в населенных пунктах, тесно связанных с историей отечественной авиации и космонавтики.

Пожалуй, самым известным скульптурным памятником на космическую тему является 110-метровый (по высоте) монумент «Покорителям космоса», созданный по проекту художника-скульптора А. П. Файдыш-Крандиевского, архитекторов М. О. Барща и А. Н. Колчина и открытый возле ВДНХ в октябре 1964 г. (рис. 1).

Композиция памятника складывается из трех основных частей: основание-стилобат, который в передней части по боковым граням обрамлен горельефами – изображениями людей-созидателей (здесь уместно добавить, что изначально проект назывался «Народ-созидатель» [9, с. 159]), благодаря труду которых стали возможными полеты в космос, а в задней части стилобата на гранях размещена текстовая информация, повествующая о некоторых важных вехах освоения внеземного пространства; на основании располагается металлическая конструкция, облицованная титановыми плитами, изображающая шлейф от ракеты; наконец, на самой вершине расположена сама ракета, устремленная почти вертикально ввысь (под углом 77 градусов).

Несмотря на то, что данная композиция победила в конкурсе, обойдя 364 других проекта, она, по нашему убеждению, не лишена недостатков, главный из которых видится в том, что монументальный шлейф вместе с ракетой не просто доминируют, а подавляют тот самый народ-созидатель, изображенный на стилобате. Подавляют и своими размерами, и блеском титановых пластин: если смотреть издали, то люди труда на стенах основания выглядят как бесформенное черное пятно (особенно в пасмурную погоду или когда горельефы оказываются в тени). Получается, что по своему внешнему виду это скорее памятник ракете (техническому устройству), чем людям, ее создавшим, отсюда можно сделать вывод о технократическом уклоне данной композиции.

Исходя из вышесказанного, основной идеей, выраженной этим монументом, следует признать не прославление трудового подвига народа, а «движение вверх», к небу, что, несо-

Рис. 1. Монумент в честь покорителей космоса у метро ВДНХ

мненно, роднит, сближает его как с архитектурой готических соборов, так и с русским шатровым храмовым зодчеством (в частности, с храмом Вознесения в Коломенском). Таким образом, и само названием памятника – «Покорителям космоса» – не отражает его сути. Пожалуй, правильнее было бы назвать композицию: «Прорыв сквозь небо», «К космическим далям» и т. п.

Более человечным (антропоморфным) выглядит памятник Юрию Гагарину на Ленинском проспекте (рис. 2).

Эта композиция также состоит из трех частей: невысокого круглого основания, на котором покоится модель земного шара; стального 20-метрового «ракетного шлейфа»; скульптурного изображения первого космонавта, облаченного в кубистический скафандр без шлема.

Рис. 2. Памятник Юрию Гагарину на Ленинском проспекте в Москве

Здесь мы видим, в сущности, также воплощение идеи движения вверх, с той лишь разницей, что венчает шлейф не ракета, а человек. Однако подлинно человеческим у него является только голова, тогда как в остальном он похож скорее на стальную машину – то ли робота, то ли киборга. Таким образом, и здесь некоторый технократический уклон налицо, причем даже с некоторым трансгуманистическим акцентом. Возможно, авторы хотели показать, что в будущем космос будут осваивать не люди, а машины (что мы и видим сегодня на примере марсоходов), но в нынешних реалиях также напрашивается и трансгуманистическая трактовка – в ходе развития науки и техники человек превращается в киборга.

Продолжает космическую тему «Памятник покорителям космоса» (рис. 3) из подмосковного Королева – города, где расположен и ЦУП (Центр управления полетами), и головное космическое предприятие РКК «Энергия».

Авторы проекта скульптуры – художник Иван Янычев и инженер Александр Карасёв. Монумент был установлен во второй половине 1970-х гг. в честь стыковки кораблей «Союз-19» и «Аполлон», состоявшейся 15 июля 1975 г. У памятника, прозванного в народе «Шариком», оказалась сложная, едва ли не трагическая судьба. В 1996 г. он был демонтирован и отправлен на реставрацию, которая затянулась на долгие годы, а в 2016-м г. «Шарик» внезапно обнаружили на свалке на территории РКК «Энергия» в весьма потрепанном виде... К счастью, благодаря активности неравнодушных жителей реставрацию удалось завершить, и в августе 2018 памятник в несколько измененном облике вернули на прежнее место – на пересечение улиц Терешковой и Пионерской (площадь Мозжорина) [2; 25].

Рис. 3. Монумент покорителям космоса в городе Королеве («Шарик»)

Композиция «Шарика» включает в себя следующие компоненты: невысокий цилиндрический постамент, на нем – стальные ладошки, скорее, похожие на варежки, между ними – глобус с «нарисованными» на нем континентами, уже знакомый нам ракетный шлейф, обвивающийся вокруг Земли, а потом устремляющийся вверх, где его вершину венчает модель стыковочного «комплекса» «Союз-Аполлон».

Доминантой памятника выступает глобус, именно поэтому в народе его чаще всего именуют «шариком». Вместе с ладонями и обвитым вокруг него «шлейфом» скульптура выражает, с одной стороны, идею единства человечества (для подчеркивания этой идеи глобус опоясан орбитальным шлейфом) и, с другой, мысль о компактности, хрупкости нашего «земного корабля» (именно с этой целью его поместили между ладоней). Несмотря на наличие ладоней, эта композиция представляется минимально антропоморфной, поскольку ладони эти могут принадлежать равно как человеку, так и роботу, ибо в них не выделены пальцы (они как бы спрятаны внутрь «варежки»), за исключением большого, который к тому же прижат. Примечательна также змеевидная, в духе «art nouveau» (стиля модерн), форма траектории ракетного шлейфа, символизирующая непростой, витиеватый, чреватый опасностями и отступлениями, путь освоения космоса.

Наконец, еще один подмосковный монумент, имеющий название «Слава покорителям космоса» (рис. 4), находится в подмосковном Монино, где долгие годы (с 1940 по 2011 гг.) размещалась Военно-воздушная академия им. Ю. А. Гагарина.

Рис. 4. Монумент «Слава покорителям космоса» в Монино

По времени появления эта скульптура самая ранняя из всех – стела была открыта уже через год после первого полета человека в космос – в октябре 1962 г. Примечательно, что на ее открытии присутствовали первые космонавты – Ю. А. Гагарин, А. Г. Николаев, П. Р. Попович, которые в тот же день оставили мелом на гранитной «обшивке» постамента свои подписи (позднее выгравированные), дополнив, таким образом, композицию «текстовой частью» (позднее свою подпись оставил также Герман Титов) [5].

У этого памятника по сути два постамента. Первый – бетонный невысокий и длинный (высота – 56 см, длина – 12 м, однако изначально он был как минимум вдвое длиннее), значительную часть которого занимала ранее клумба с цветами. Второй постамент – высокий (2,5 м), трапециевидной формы, облицованный гранитными плитами.

Далее, если идти снизу-вверх, расположена металлическая полусфера, изображающая Землю, вокруг нее «шлейф», символически отображающий орбитальную траекторию первого космического корабля «Восток», а на этом шаре крепится монументальная фигура атлета, устремленного одновременно вперед и ввысь примерно под углом 30–45 градусов (очевидно, именно такой угол позволяет наиболее гармонично выразить идею равного движения вперед и вверх). При этом левая рука атлета вытянута вперед, а в правой, отведенной назад, он удерживает ракетный шлейф.

живает модель первого спутника Земли, словно готовясь его запустить на орбиту. Мотив движения усиливает выставленное вперед колено правой ноги. К сожалению, и этот памятник не избежал тяжелых времен, когда часть гранитной облицовки и алюминиевого покрытия постамента были украдены. Однако несколько лет назад были проведены реставрационные работы, в ходе которых облицовка была восстановлена, сооружена подсветка, уменьшен по длине бетонный низкий постамент.

Среди всех рассмотренных скульптур этот памятник самый антропоморфный. Человек в его физическом облике атлета доминирует и над земным шаром, и над компактным (высотой около 3 м) постаментом, образуя несомненный центр, смысловое ядро всей композиции. Несмотря на то, что перед нами именно атлет, физически совершенно сложенный мужчина, тем не менее его внешность является символом духовного могущества человека и человечества, устремленного к завоеванию небесных пространств. Спутник в руке, отведенной назад, олицетворяет прошлое, можно сказать, вчерашний день космонавтики, тогда как вытянутая рука, нацеленная вперед-вверх, указывает на еще неведомую завтрашнюю эпоху космостроительства.

Таким образом, сравнивая между собой четыре монумента на одну и ту же тему покорения космоса, можно констатировать следующее: только один из них достаточно полно и последовательно выражает идею человеческого могущества в деле завоевания занебесных пространств, тогда как другие в той или иной мере принижают роль человека, возвеличивая созданную им технику. Все четыре памятника выражают идею движения, но авторы московских скульптур делают акцент на движении вверх, королевский памятник противопоставляет им витиеватую траекторию, напоминающую о трудностях в освоении космоса, и только композиция из Монино гармонично совмещает движение вперед и вверх, напоминая о том, что прогресс – это именно движение вперед, а не только вверх. При этом нельзя не отметить, что монумент из Монино в этом отношении напоминает хрестоматийного «Медного всадника» Фальконе, изобразившего Петра Великого также движущегося одновременно вперед и вверх примерно под тем же самым углом в 30–45 градусов (точно определить угол едва ли возможно, поскольку все зависит от того, каким образом его измерять).

Все четыре монумента также объединяет романтический пафос – вспомним, что именно динамичность – одна из базовых черт романтического искусства (в отличие от статичности классического). Это и неудивительно, ведь именно в 1960-е гг., когда возводились исследуемые памятники, советское искусство переживало «романтический ренессанс» [11], который, в частности, проявился в необычайной популярности творчества неоромантика А. С. Грина (именно в эти годы были экранизированы и «Алые Паруса», и «Бегущая по волнам»). При этом именно монинский памятник обладает наибольшей романтической выразительностью, ибо не только предельно гуманистичен, но и в высшей степени порывист – атлет не просто движется вперед, а именно бежит, причем стремительно. По сравнению с ним фигуры людей на постаменте памятника возле метро «ВДНХ» выглядят намного более статично – часть из них неспешно идет, тогда как другие стоят или даже сидят (рис. 5).

Рис. 5. Фрагмент барельефа памятника «Покорители космоса» в Москве

Несмотря на то, что рассмотренные скульптурные композиции были спроектированы и возведены десятки лет назад, на утренней заре космической эпохи, не только их эстетические достоинства, но и глубинный идейно-символический смысл с годами не потеряли своей актуальности. Напротив, в современную эпоху, когда Россия становится форпостом сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, значение этих монументов только возрастает. Неудивительно поэтому, что некоторые из них, пережив трудные времена, едва ли не забвение, в последние годы были возрождены, отреставрированы и получили статус объектов культурного наследия (в частности, памятник в Монино получил такой статус 1 ноября 2019 г. [10]).

По нашему убеждению, эти монументы, по-разному выражающие идею покорения человеком космоса, можно считать символами российской гражданской идентичности. Действительно, если символ – это не просто знак, образ, аллегория, метафора и т. п. [20, с. 94], а нечто большее, предмет, заключающий в себе целый спектр значений, отличающийся неисчерпаемостью, отсылающий к чему-то сверхчувственному [1, с. 14], «окно в Вечность» [1, с. 249], пробуждающий «музыку души» [1, с. 246] и в то же время представляющий собой столкновение, сплавление, высшее единство формы и содержания [20, с. 92], то, без сомнения, в этих композициях мы без труда обнаружим указанные особенности, присущие символу, будь то устремленность в космическую бесконечность, прославление созидательного труда, единство человечества и т. д.

С другой стороны, несомненна связь этих символов с российской национальной идентичностью, правда, связь здесь не совсем прямая, а опосредованная прошлым, в частности, достижениями народа в области науки и техники. Реципиент, безусловно, может и должен воспринимать их сквозь призму истории, и чем более глубоки его исторические познания, тем глубже и многоаспектнее его проникновение в идейное содержание данных монументов. Например, для обывателя ракета на вершине памятника у метро «ВДНХ» является просто ракетой, тогда как для более искушенного зрителя – это модель конкретного технического устройства – первой советской баллистической ракеты Р-1, впервые запущенной в 1947 г.

При этом отдельные элементы скульптурных композиций могут пониматься не буквально, а аллегорически: ракета может интерпретироваться метафорически – как олицетворение советской державы (а в наши дни и как российской), движущейся по пути социального и технического прогресса; атлет, запускающий спутник, – как символ единства духовного и физического совершенства (в духе античной калокагатии), как воплощение гармоничной личности, совмещающей в себе устремленность к знаниям, нравственную чистоту и здоровый образ жизни; ракетный шлейф (инверсионный след) – это не только отображение траектории движения космического корабля в космосе, но и символ прошедшего, метафора нашей истории, которую следует помнить и чтить.

Однако более важной, чем информационно-познавательная, является эмоционально-побудительная (воспитательная) функция рассматриваемых монументов. Во всех них, как было показано выше, главенствует идея движения ввысь или вперед и ввысь, внушающая зрителю (частью даже на подсознательном уровне) необходимость постоянного личностного роста, неуклонного движения к новым жизненным достижениям, причем не сугубо личным, а именно общественно значимым, связанным со служением Отечеству. При этом памятник у метро «ВДНХ» своими грандиозными размерами пробуждает и чувство возвышенного, благоговейного трепета перед созидательной мощью человека (хотя если бы композиция была более антропоморфной, например, если бы удалось соединить этот монумент с находящимся неподалеку «Рабочим и колхозницей» Веры Мухиной, то сила эмоционального воздействия умножилась бы; справедливости ради надо сказать, что в некоторой степени эту проблему решает памятник Циолковскому, расположенный непосредственно перед монументом).

Заключение. В условиях чрезвычайного обострения международной обстановки, когда России, в сущности, объявлена Западом гибридная война, целью которой является расчленение и уничтожение нашего государства, особую актуальность приобретает задача сохранения и укрепления российской национальной и культурной идентичности как важнейшего условия сохранения духовного единства и суверенитета нашего Отечества. Одним из путей решения этой задачи является изучение и популяризация памятников истории и культуры «как среды, формирующей историческое самосознание, воспитывающей любовь и уважение к Отечеству» [22]. В своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме 07 июня 2024 г. Президент РФ В. В. Путин прямо указал на то, что объекты культурного наследия долж-

ны не только украшать города и села, повышать их туристическую привлекательность, но и служить «сбережению и укреплению нашей идентичности» [13].

Рассмотренное нами идейно-символическое содержание скульптурных монументов Москвы и Подмосковья, посвященных теме освоения космоса, показало, что они, без сомнения, выполняют эти функции. Их сравнительный анализ выявляет наличие в них как общего, так и особенного, уникально-неповторимого. Объединяет их не только идея покорения занебесного пространства, но и проповедь научно-технической мощи советского человека, также все они побуждают реципиента к движению вперед и ввысь, мотивируя таким образом к работе над собой, постоянному личностному развитию, преодолению и себя, и встающих на пути преград. Вместе с тем каждый монумент уникален и неповторим, акцентируя разные аспекты космической тематики. Московским памятникам присуща большая монументальность, они устремлены ввысь, однако при этом в них техника как бы подавляет или затеняет человека, что можно охарактеризовать как технократический уклон (акцент). Подмосковные скульптуры менее масштабны, но не менее глубоки по идейному содержанию. «Шарик» в Королеве, в композиции которого доминирует глобус, наиболее космополитичен, акцентирует роль единства человечества, необходимость совместных усилий мировых держав в освоении космоса. Тогда как монумент в Монино в наибольшей степени гуманистичен – центральная роль в нем отведена фигуре атлета как аллегории человека-творца, совмещающего и духовную мощь, и телесное совершенство.

В целом изученные скульптурные монументы не просто украшают городскую среду, а благодаря богатству опредмеченных смыслов обладают важным воспитательным значением, ибо призваны пробуждать у соотечественников, особенно у молодежи, не только чувства патриотизма, гордости за страну и ее научно-технические достижения, но и ощущения сопричастности (идентификации) с народом-созидателем, проложившим человечеству дорогу в космос.

Практическое значение полученных результатов связано с возможностью их использования как в рамках воспитательной работы, так и в образовательном процессе в вузах, в частности, при изучении дисциплины «Основы российской государственности».

Безусловно, рассмотренные памятники далеко не единственные в нашей стране из числа тех, что посвящены теме освоения космоса. Да и сама «космическая история» СССР и России отражена не только в скульптуре, но также в живописи, литературе, кинематографе, музейных экспозициях. Дальнейшее изучение всего ее многообразия, безусловно, является важной и актуальной задачей отечественной гуманитаристики.

Список литературы

1. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
2. Глаголева О. История «Шарика» // Королевский краевед. URL: <https://skr.korolev-culture.ru/публикации/история-шарика> (дата обращения: 12.08.2024).
3. Киричек А. В., Ходикова Н. А. О достоинствах и недостатках Проекта концепции модуля дисциплины «Основы российской государственности» // Пожарная и аварийная безопасность: сб. материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Иваново: ИПСА ГПС МЧС РФ, 2023. С.912–916.
4. Кирюшкина В. В., Лобачева Г. В. Юрий Алексеевич Гагарин в исторической памяти // Вестник СГТУ. 2021. № 1 (88). С. 8–16.
5. Легендарному монументу «Слава покорителям космоса» в Монино исполнилось шестьдесят лет // Сетевое издание Щёлковское ТВ. URL: <https://tv41.ru/stories/legendarnomu-monumentu-slava-pokoritelyam-kosmosa-v-monine-ispolnilos-shestdesyat-let/> (дата обращения: 12.08.2024).
6. Липский В. Н. Эстетическая культура как философская категория: дисс. ... докт. филос. наук. М., 1997. 71 с.
7. Лихачёва А., Макаров И. Национальная идентичность и будущее России (доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», февраль 2014) // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/natsionalnaya-identichnost/> (дата обращения: 21.09.2023).
8. Максимова Е. К. Космос в советском монументальном искусстве как знаковая черта культуры 50-80-х гг. XX в.: к постановке вопроса // Актуальные проблемы монументального искусства: сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 235–238.
9. Мусатова Т. П. Файдыш-Крандиевский – создатель монумента «Покорителям космоса» в Москве // Идеи Циолковского в теориях освоения космоса: мат-лы 58-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Калуга: ИП Стрельцов И. А., 2023. С. 158–163.

10. Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Московской области // Сайт Главного управления культурного наследия Московской области. URL: <https://gukn.mosreg.ru/dokumenty/gosudarstvennaya-ohrana-obektov-kulturnogo-na-obekty-kulturnogo-naslediya-moskovskoy-oblast/31-10-2022-13-53-25-perechen-vyyavlennykh-obektov-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 12.08.2024).
11. Пресняков К. А. Романтизм как направление в советской культуре // Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 г. (общество, политическая коммуникация, философия, культура) : сб. статей Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Пенза : Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. С. 100–104.
12. Путин В. В. Выступление на встрече с выпускниками советских и российских вузов 20 июня 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74354> (дата обращения: 12.08.2024).
13. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 07 июня 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата обращения: 12.08.2024).
14. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию 29 февраля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 12.08.2024).
15. Пушкарёва Г. В. Российская идентичность: испытание геополитическим кризисом // Власть. 2023. № 2. С. 139–146.
16. Рамазанова Л. А. Космос в советском плакате: опыт архетипического анализа // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 1 (10). С. 145–153. DOI: 10.15350/26191490.2021.1.15.
17. Рыжова С. В. О социокультурных основаниях российской идентичности // Власть. 2020. № 6. С. 188–194.
18. Садым В. А., Садым К. Б. Монументальные памятники космонавтики как объекты культурного наследия Краснодарского края // XLVI Академические чтения по космонавтике : сб. тезисов : в 4-х т. Т. 2. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2022. С. 337–341.
19. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии: (Критика и анализ). Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1980. 226 с.
20. Терехова О. Образ космического в советском монументальном искусстве. СПб. : ВШЭ, 2016. 128 с.
21. Туманов А. И. Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности // Наука. Культура. Общество. 2021. № 3. С. 35–49.
22. Туманова М. М. Историко-культурное значение «мест памяти» отечественной космонавтики на территории Чувашии // Исторический поиск. 2023. Т. 4. № 1. С. 85–94. DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-1-85-94.
23. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.08.2024).
24. Чурашов А. Г. Арт-педагогика как перспективное направление в современной парадигме образования // Вестник ЮУрГГПУ. 2020. № 6 (159). С. 227–240.
25. Шарик возвращается // Генпланкороль.ру. URL: <https://genplankorolev.ru/sharik> (дата обращения: 12.08.2024).

Cosmic symbols of Russian identity (based on the sculptural compositions of Moscow and the Moscow region)

Kirichek Alexander Vladimirovich¹, Khodikova Nina Anatolyevna²

¹PhD in Philosophy Sciences, professor of the Department of Philosophy, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

²PhD in Philosophy Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2415-6267. E-mail: 5856243@mail.ru

Abstract. One of the priorities of the state at the present stage is the strengthening of national civic identity, which is an important factor in ensuring social stability. An important role in solving this problem belongs to monumental art, first of all, to those of its monuments, which depict the glorious pages of the history of the Fatherland. Based on this, the purpose of the article was to reveal the ideological and symbolic content of four sculptural compositions of Moscow and the Moscow region dedicated to the topic of space exploration, as well as their comparative analysis. The main methods used were various types of analysis – comparative historical, cultural, aesthetic, as well as the principles and rules of hermeneutics. As a result, it was revealed both what is common to all monuments, and what is individually special that distinguishes them from each other. The first is a romantically colored dynamism, striving forward and upward, symbolizing not only the idea of social and sci-

entific and technological progress, but also expressing the motive of steady personal growth. The second is manifested in various accents: technocratic, cosmopolitan and humanistic. In general, the studied monuments do not just decorate the urban environment, but due to the wealth of meanings objectified in them, they have great educational potential, awakening in the recipient not only a sense of pride in his country, but also encouraging active creative activity for the benefit of the Fatherland, to constant personal self-development. The practical significance of the results obtained is related to the possibility of their use both in the course of patriotic education in educational institutions of various levels, and in teaching the new university discipline "Fundamentals of Russian Statehood".

Keywords: national identity, space exploration, symbol, sculpture, monumental art, cosmonautics and culture, monuments of cosmonautics.

References

1. Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. M. Respublika, 1994. 528 p.
2. Glagoleva O. *Istoriya "Sharika"* [The history of the "Ball"] // *Korolevskij kraeved* – Royal local historian. Availavle at: <https://skr.korolev-culture.ru/публикации/история-шарика> (date accessed: 12.08.2024).
3. Kirichek A. V., Hodikova N. A. *O dostoinstvah i nedostatkah Proekta koncepcii modulya discipliny "Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti"* [On the advantages and disadvantages of the Draft concept of the module of the discipline "Fundamentals of Russian Statehood"] // *Pozharnaya i avariynaya bezopasnost' : sb. materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Fire and emergency safety : collection of materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference. Ivanovo. IPSA GPS of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2023. Pp. 912–916.
4. Kiryushkina V. V., Lobacheva G. V. *Yuriy Alekseevich Gagarin v istoricheskoy pamyati* [Yuri Alekseevich Gagarin in historical memory] // *Vestnik SGTU* – Herald of SSTU. 2021. No. 1 (88). Pp. 8–16.
5. *Legendarnomu monumentu "Slava pokoritelyam kosmosa" v Monine ispolnilos' shest'desyat let* – The legendary monument "Glory to the conquerors of Space" in Monina turned sixty years old // *Setevoe izdanie Shchelyovskoe TV* – Online publication Shchelkovskoe TV. Availavle at: <https://tv41.ru/stories/legendarnomu-monumentu-slava-pokoritelyam-kosmosa-v-monine-ispolnilos-shestdesyat-let/> (date accessed: 12.08.2024).
6. Lipskiy V. N. *Esteticheskaya kul'tura kak filosofskaya kategoriya : diss. ... dokt. filos. nauk* [Aesthetic culture as a philosophical category : diss. ... Dr. Philos. Sciences]. M. 1997. 71 p.
7. Lihachyova A., Makarov I. *Nacional'naya identichnost' i budushchee Rossii (doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj", fevral' 2014)* [National identity and the future of Russia (report of the Valdai International Discussion Club, February 2014)] // *Valdaj. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub* – Valdai. International Discussion Club. Availavle at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/natsionalnaya-identichnost/> (date accessed: 21.09.2023).
8. Maksimova E. K. *Kosmos v sovetskom monumental'nom iskusstve kak znakovaya cherta kul'tury 50–80-h gg. XX v.: k postanovke voprosa* [Space in Soviet monumental art as a landmark feature of culture in the 50–80s of the XX century.: to raise the question] // *Aktual'nye problemy monumental'nogo iskusstva : sb. nauch. trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Actual problems of monumental art : collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, 2022. Pp. 235–238.
9. Musatova T. P. *Fajdysh-Krandievskij – sozdatel' monumenta "Pokoritelyam kosmosa" v Moskve* [Faydysh-Krandievsky – the creator of the monument to the "Conquerors of Space" in Moscow] // *Idei Ciolkovskogo v teoriyah osvoeniya kosmosa : mat-ly 58-h Nauchnyh chtenij, posvyashchennyh razrabotke nauchnogo naslediya i razvitiyu idej K. E. Ciolkovskogo* – Tsiolkovsky's ideas in space exploration theories : materials of 58 Scientific readings devoted to the development of scientific heritage and the development of K. E. Tsiolkovsky's ideas. Kaluga. IP Streltsov I. A., 2023. Pp. 158–163.
10. *Perechen' vyyavlennykh ob'ektov kul'turnogo naslediya, raspolozhennykh na territorii Moskovskoj oblasti* – List of identified cultural heritage sites located in the Moscow Region // *Sajt Glavnogo upravleniya kul'turnogo naslediya Moskovskoj oblasti* – The website of the Main Department of Cultural Heritage of the Moscow region. Availavle at: <https://gukn.mosreg.ru/dokumenty/gosudarstvennaya-ohrana-obektov-kulturnogo-na/obekty-kulturnogo-naslediya-moskovskoy-oblast/31-10-2022-13-53-25-perechen-vyyavlennykh-obektov-kulturnogo-naslediya> (date accessed: 12.08.2024).
11. Presnyakov K. A. *Romantizm kak napravlenie v sovetskoj kul'ture* [Romanticism as a trend in Soviet culture] // *Vzglyad cherez stoletie: revolyucionnaya transformaciya 1917 g. (obshchestvo, politicheskaya kommunikaciya, filosofiya, kul'tura) : sb. statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 100-letiyu Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* – A look through a century: the revolutionary transformation of 1917 (society, political communication, philosophy, culture) : collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference on the 100th anniversary of the Great October Socialist Revolution. Penza : Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. Pp. 100–104.
12. Putin V. V. *Vystuplenie na vstreche s vypusknikami sovetskikh i rossijskikh vuzov 20 iyunya 2024 goda* [Speech at a meeting with graduates of Soviet and Russian universities on June 20, 2024]. Availavle at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74354> (date accessed: 12.08.2024).

13. Putin V. V. *Vystuplenie na plenarnom zasedanii Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 07 iyunya 2024 goda* [Speech at the plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum on June 07, 2024]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (date accessed: 12.08.2024).
14. Putin V. V. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu 29 fevralya 2024 goda* [President's Address to the Federal Assembly on February 29, 2024]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (date accessed: 12.08.2024).
15. Pushkareva G. V. *Rossiyskaya identichnost': ispytanie geopoliticheskim krizisom* [Russian identity: the test of the geopolitical crisis] // *Vlast' – Power*. 2023. No. 2. Pp. 139–146.
16. Ramazanova L. A. *Kosmos v sovetskom plakate: opyt arhetipicheskogo analiza* [Cosmos in the Soviet poster: the experience of archetypal analysis] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya – Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region*. 2021. No. 1 (10). Pp. 145–153. DOI: 10.15350/26191490.2021.1.15.
17. Ryzhova S. V. *O sociokul'turnyh osnovaniyah rossijskoj identichnosti* [On the socio-cultural foundations of Russian identity] // *Vlast' – Vlast*. 2020. No. 6. Pp. 188–194.
18. adym V. A., Sadyk K. B. *Monumental'nye pamyatniki kosmonavtiki kak ob"ekty kul'turnogo naslediya Krasnodarskogo kraja* [Monumental monuments of cosmonautics as objects of cultural heritage of the Krasnodar Territory] // *XLVI Akademicheskie chteniya po kosmonavtike : sb. tezisev : v 4-h t. T. 2 – XLVI Academic readings on cosmonautics : collection of abstracts : in 4 vols. Vol. 2*. M. Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 2022. Pp. 337–341.
19. Svas'yan K. A. *Problema simvola v sovremennoj filosofii: (Kritika i analiz)* [The problem of the symbol in modern philosophy: (Criticism and analysis)]. Yerevan. Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1980. 226 p.
20. Terekhova O. *Obraz kosmicheskogo v sovetskom monumental'nom iskusstve* [The image of the cosmic in Soviet monumental art]. SPb. HSE, 2016. 128 p.
21. Tumanov A. I. *Otechestvennyj kinematograf i ego znachenie v formirovanii nacional'noj identichnosti* [National cinematography and its importance in the formation of national identity] // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo – Science. Culture. Society*. 2021. No. 3. Pp. 35–49.
22. Tumanov A. I. *Otechestvennyj kinematograf i ego znachenie v formirovanii nacional'noj identichnosti* [The historical and cultural significance of the "places of memory" of the Russian cosmonautics in the territory of Chuvashia] // *Istoricheskij poisk – Historical search*. 2023. Vol. 4. No. 1. Pp. 85–94. DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-1-85-94.
23. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date accessed: 12.08.2024) (in Russ.).
24. Churashov A. G. *Art-pedagogika kak perspektivnoe napravlenie v sovremennoj paradigme obrazovaniya* [Art pedagogy as a promising direction in the modern educational paradigm] // *Vestnik YuUrGGPU – Herald of YuUrRSPU*. 2020. No. 6 (159). Pp. 227–240.
25. Sharik *vozvrashchaetsya* – The ball returns // [Genplankorolev.ru](https://genplankorolev.ru). Available at: <https://genplankorolev.ru/sharik> (date accessed: 12.08.2024).

Поступила в редакцию: 01.10.2024

Принята к публикации: 13.01.2025

Данность понятия в структуре бытия

Кузьмин Владимир Геннадьевич

кандидат философских наук, независимый исследователь.
Россия, г. Смоленск. E-mail: kvg-17@mail.ru

Аннотация. Изучается вопрос о том, в какой мере считать существующим понятие. В рамках феноменологического подхода мера существования понятий трактуется как данность. Она имеет место в каком-то выделенном интервале абстракции (ситуации, совокупности ситуаций или в универсуме в целом) как для отдельного «Я», так и для Другого или Других. Всякий раз, когда субъект мыслит абстрактно, он своим актом внимания «разделяет» предоставленное ему бытие на два обозримых им мира: нозматический и эмпирический. Они имеют место только в интенции, а не вообще (как у Платона). В каждом акте внимания субъект пребывает в каком-то одном из этих миров, но не в обоих сразу. При этом он уже находится мысленно в каком-то из них. Это обусловлено контекстом или решаемой задачей. Мысленный «взгляд вверх» (из эмпирического мира, в котором пребывает субъект, в нозматический) представляет собой абстрагирование. Напротив, подобный же «взгляд вниз» – конкретизацию. В статье показано, что содержание понятия обусловлено «горизонтальным протяжением» в нозматическом мире. Объем же понятия имеет место при мысленном «взгляде вниз» и реализуется в эмпирическом (предметном) мире. И только само понятие в своем единстве связывает эти два мира в одной точке бытия – в акте внимания. Для объектов каждого из миров вводятся способы бытия (модусы): предметные (для предметов из эмпирического мира) и понятийные (для понятий). Такие модусы несравнимы. Их введение в практику философствования позволяет избежать применения во многом противоречивого предиката «существовать».

Ключевые слова: нозматический мир, подразумевание, представление, интервал абстракции, гносеологическая точность, контекст, концепт.

Введение. Вопрос о том, в какой мере существуют абстракции, касается прежде всего понятий. И он решается в двух аспектах: что такое понятие и как оно дано. В современной философии понятие понимается как «мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак» [15, с. 285]. Это определение основано на родовидовой логике Аристотеля. На это указал еще Э. Кассирер [8, с. 13]. Между тем с развитием современной логики и философии под понятием стали понимать и объекты мысли, не попадающие под указанное определение. К ним относятся алгоритмы, формы исчислений математической логики и т. д. «Общей характеристикой всех этих примеров понятий является то, что они – средства организации знаний, а не форма мышления...» [19, с. 29]. В. Финн к понятиям, кроме того, относит и сами идеи (в случае, когда идеи еще не оформлены в общеупотребительные понятия). Эта точка зрения восходит к Дж. Локку [14, с. 95]. В современной литературе понятием называют явление, получившее наименование. Все, что каким-то образом именуется, есть понятия. Иначе говоря, значения имен представляют собой понятия. Эта точка зрения берет начало от польских логиков (К. Айдукевич, Т. Котарбиньский). Наиболее полно о понятии и его современных трактовках написал П. Матерна [16].

Данность объектов обсуждается в феноменологии. Дискуссия о том, что такое «есть» для объекта и каково его бытие, берет свое начало с трудов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Об этом пишет, в частности, А. М. Гагинский [5]. Он подробно анализирует позицию последнего по этому поводу. В акте внимания объект, так или иначе, субъекту дан, независимо от того, представляет ли он собой предмет из опыта или только мыслимый, воображаемый объект. Здесь мы изучим только один аспект этой тематики: данность понятия.

Данность понятия. В интервальной методологии (М. М. Новосёлов, Ф. В. Лазарев, А. И. Креминский и др.) разрабатывается общее представление о понятии с учетом его гносеологической точности и «многомерности» [9]. Понятие определено в интервале абстракции и неотделимо от последнего. По определению интервал абстракции включает не только понятие, но и всю ту среду (совокупность понятий), в которую оно помещено вместе со всеми сопут-

ствующими связями и отношениями. Он выполняет функцию познавательной позиции субъекта [11]. В силу этого интервал абстракции представляет собой системное целое. По степени охвата разделим его на три разных вида: «ситуация», «со-бытие» (совокупность предметно связанных ситуаций) и «универсум» (в традиционном понимании как универсум рассуждений). Интервал абстракции мы понимаем вне всякой связи с познавательной «обустроенностью» в рамках какой-либо научной дисциплины (физики, математики, социологии и др.).

Исследуем данность понятия при его раскрытии в указанных видах интервала абстракции. Для начала выделим следующие три формы понятия.

1. Понятие в ситуации (представление). Понятие в акте внимания охватывается во всем его объеме в рамках какой-то одной ситуации. Позиция субъекта уместается в текущей ситуации, в которой он выхватывает вниманием интересующее его понятие. В этом случае понятие дано в «упрощенном» виде – как представление. Правильно написал К. Бакрадзе: «В повседневной жизни люди пользуются большей частью не понятиями, а представлениями. Люди говорят друг с другом, сообщают друг другу мысли, рассказывают о событиях и т. д., вовсе не мысля понятиями... Для повседневной жизни часто совершенно достаточно иметь представление о вещах, событиях, чтобы понимать друг друга» [1, с. 104–105]. Но это не относится к научным понятиям. В науке одних представлений недостаточно. «Научное познание – познание с помощью понятий» [1, с. 104–105]. Как отмечает Е. К. Войшвилло [3, с. 121], представление неустойчиво, поскольку имеет место только в какой-то ситуации. Кроме того, через представление невозможно передать знания кому-то другому, необходимы понятия. «Высказывая суждения, мы уже пользуемся понятиями» [3, с. 121].

2. Понятие в со-бытии. Понятие выделено вниманием в какой-то одной ситуации в составе со-бытия, тогда как иные ситуации (положения дел) в нем «имеются в виду», подразумеваются в контексте. Познавательная позиция субъекта охватывает всю поставленную перед ним задачу. Например, при изучении колебаний маятника мы отчетливо понимаем, в каком положении он был до текущей ситуации и в каком окажется в скором времени. Субъект выхватывает предмет из вмещающей его совокупности ситуации, полагая бытие других предметов и понятий в рамках со-бытия (поставленной задачи). В общем случае, если объект протяжен во времени и/или в пространстве, он может рассматриваться в со-бытии (например, процесс чего-либо).

3. Понятие в универсуме. В акте внимания субъект выхватывает понятие из универсума, полагая бытие иных понятий, универсалий и категорий, но все они – в потенции (подразумеваются). Познавательная позиция субъекта совпадает с его мировоззрением в целом. Очевидно, что прежде чем работать с каким-то понятием, необходимо понимать, в каком универсуме оно имеет место.

Данность понятия в ситуации (в со-бытии, в универсуме) выражается через его модус (способ бытия). Э. Гуссерль различал у объекта актуальный модус (тот, что в акте внимания) и неактуальный модус (с потенциальностью полагания). По его мнению, роль самого внимания заключается в актуализации потенциального [6, с. 351]. Его мнение основано на субъективности отдельного «Я». В отличие от него, мы различаем четыре модуса объекта (в нашем случае – понятия). Понятие дано: 1. для «Я» «здесь и сейчас», 2. для «Я» «там и тогда» (подразумевание), 3. для Другого (Других) «здесь и сейчас» и 4. для Другого (Других) «там и тогда» (подразумевание Другим, Другими). Здесь мы говорим о «понятийных» модусах, имеющих место для понятий в актах внимания. Их не надо путать с предметными модусами [10]. Они несравнимы, поскольку описывают данность объектов из разных миров (предметного и нозматического), но об этом далее.

В данности любой объект ограничен возможностями самого познающего субъекта: уровнем его знаний, предрасположенностью, методами и средствами познания, которыми он располагает, и т. д. Эти ограничения в познании можно классифицировать по следующим четырем позициям. В каждый момент времени познавательный акт выражается через одну из форм (ограничение):

1. «умозрение», имеет место для мыслимых, представляемых, воображаемых объектов;
2. «обсуждение», имеет место для объектов в коммуникации, в диалоге;
3. «наблюдение» – для наблюдаемых визуально (в том числе с помощью микроскопа, телескопа, лупы и т. д.) объектов;
4. «эксперимент» – это вид наблюдения, характеризующийся повторяемостью (воспроизводимостью). Имеет место для неограниченного числа Других. Предполагает использова-

ние измерительных приборов. Эксперимент – это наиболее сильное ограничение данности объекта. В дальнейшем изложении термины «умозрение», «обсуждение», «наблюдение» и «эксперимент» будем использовать только в указанном выше значении, как ограничения познавательной способности субъекта в акте внимания.

Очевидно, что понятие имеет место лишь в первых двух формах познавательного акта. Оно может быть дано либо «для «Я», либо «для Другого (Других)». И в зависимости от этого ему и следует давать определение. По мнению В. Финна, сформулированные идеи есть понятия. Очевидно, что они имеют место (даны) для «Я» и становятся общеупотребительными рано или поздно «для всех Других». Происходит смена понятийных модусов. В этом есть вектор развития познания: идеи, данные для «Я», становятся понятиями, данными для Других. Этот процесс преобразования идей в понятия В. Финн называет процессом организации знания. Подобного рода процесс имеет место в науках, когда ее понятия еще не поняты [3, с. 108].

Два мира бытия. Понятие – элемент структуры бытия. Мыслить понятийно – значит осознавать структуру бытия в выбранном интервале абстракции. Субъект в акте внимания разделяет бытие на два больших региона: один – данный ему чувственным образом, другой – в мысли, объединяющий в себе все объекты в разной мере абстрагированные. Выделим два мира: эмпирический (фактуальный) и нозматический (теоретический). В эмпирии познаваемый предмет имеет место на основании чувственного познания как завершение чувственного полагания объекта. Нозматический же мир важен в гипотезировании и в коммуникации с Другим и Другими.

Для связности мысли при переходе от «умозрения» («Я») к «обсуждению» с Другим или Другими, необходим язык, средство общения. Наше мышление всегда находится в сфере языка, когда мы что-то мыслим или хотим что-то сказать. Язык, таким образом, обеспечивает связность объектов в абстракции, т. е. в нозматическом мире с учетом их модусов. «По существу мышление всегда имеет дело с абстракциями, даже оперируя конкретными предметами» [3, с. 26]. Для целей коммуникации каждое отдельное «Я» конструирует или использует уже готовое понятие, которое может быть приемлемо для Другого (Других). В силу этого оно обретает значение не только для «Я», но и для Других. Вообще, бытие Другого и Других – это основа нозматического мира субъекта. Если бы в мире было только одно «Я», то никаких бы понятий не было. Для одинокого «Я» вполне достаточно представлений, воспоминаний и впечатлений. «Я» мыслит и формулирует свои идеи с помощью понятий с целью донести их до Другого (Других).

О предметах мы говорим, имея в виду их принадлежность к предметному миру, а объекты нозматического мира в нашем изложении – это понятия (в том числе представления). (О теориях, концепциях и других объектах здесь речи не идет). Автор не проводит никаких параллелей с мирами К. Поппера и с «жизненными» мирами (Э. Гуссерль, Ж. Делёз, Ж. Деррида и др.). Эмпирический мир – это все то, что постигается субъектом («Я») или субъектами (Другой и Другие) с помощью органов чувств. Автор исходит из парменидовской концепции нозмы. Нозматический мир – это мир понятий и идей, состоит из продуктов мыслительной деятельности человека и лишь косвенно (через понятия и представления) связан с эмпирическим миром. Следует подчеркнуть, что разделение бытия на два мира производится не вообще, как это было у Платона или характерно для указанных выше авторов, а только в данности изучаемого объекта, т. е. с учетом его модуса в пределах обозначенного интервала абстракции. И оно имеет место только в акте внимания. При этом нелегитимным становится предикат «существовать». Последний лишь вносит путаницу в современную логику и философию. Мы предпочитаем другой термин – данность объектов. Не существование главенствует в опыте или в какой-то нозме, а данность объектов с тем или иным модусом. Модусный подход позволяет не разграничивать объекты, доступные органам чувств (например, видимым предметам в комнате), и доступные лишь в мысли (к примеру, в воспоминании, в математических построениях и т. д.). Все абстрактные объекты, каковы бы они ни были, в бытии имеют место. Их онтологический статус такой же, как и у предметов. Реальный газ (например, кислород в синих баллонах) и идеальный газ – это разные объекты. Первый мы считаем реально существующим, а второй – в абстракции. Но в онтологическом плане они совершенно равнозначны. И различаются лишь своими модусами: соответственно, предметным и понятийным. Оба даны «для Другого (Других)», но первый имеет ограничение «наблюдение» или «эксперимент», а второй – только «умозрение» или «обсуждение». Итак, в интенции объекты нозматического мира конституируются в «умозрении» и в «обсуждении»,

а объекты эмпирического мира, в силу их специфики, – в «наблюдении» и «эксперименте». Подчеркнем, речь здесь идет об актуализации объекта в акте внимания с тем или иным модусом. Акт внимания может длиться доли секунды. Переход от одного акта внимания к следующему производится субъектом незаметно. Если он видит один предмет, а мыслит другой, то это имеет место в двух разных актах внимания, разделенных во времени. В первом случае субъект пребывает в своем эмпирическом мире, во втором – в нозматическом. Объекты из этих миров для субъекта могут быть связаны между собой через понятия и представления.

В акте внимания в нозматическом мире субъекта возможны обобщения обобщений (идеализация идеализаций). Но в его эмпирическом мире не может быть предмета предмета. Иерархия в эмпирическом мире имеет место только в форме соотношений «часть-целое». А в нозматическом мире иерархия объектов строится по принципу родовидовых отношений как обобщения и конкретизации.

Мышление (оперирование понятиями и представлениями) для субъекта – это пребывание в его нозматическом мире. А восприятие вещей в предметном мире, напротив, это пребывание в эмпирии. Поскольку в процессе своей деятельности субъект то мыслит, то воспринимает какие-то вещи в тех или иных ситуациях, он постоянно «осциллирует» между этими двумя мирами. С одной стороны, понятие – это абстракция, оно имеет место в бытии как нозма. С другой, понятие обобщает реально существующие предметы и потому тесно связано с эмпирическим миром. В каждой ничтожно малой по длительности ситуации субъект пребывает либо в эмпирическом, либо в нозматическом мире, но не в обоих одновременно. В коммуникации (ограничение: «обсуждение») он пребывает в нозматическом мире, оперируя понятиями и представлениями. Это же имеет место и в его теоретических построениях (ограничение «умозрение»). Но для ориентации в чувственном мире ему необходимо пребывать уже в эмпирическом мире. Эти два мира в деятельности человека тесно взаимосвязаны.

Данность понятия в «горизонтальном протяжении» мира. Интендирование объекта в соответствии с его модусом только в каком-то одном из двух миров обозначим как «горизонтальное протяжение» в структуре бытия. В эмпирическом мире оно включает в себя интендирование предметов как реально существующих, так и возможных. А интендирование понятий в нозматическом мире также производится через данность, но уже с использованием признаков понятия. При этом она (данность) передает все многообразие бытия понятия в соответствующем интервале абстракции. Понятие как средство коммуникации дано в ситуации (в со-бытии или в универсуме) в модусе: для «Я» или для Другого (Других) «здесь и сейчас» или «там и тогда», ограничение «умозрение», «обсуждение». Иных ограничений у него нет. Его нельзя наблюдать и тем более проводить с ним эксперименты. В нозматическом мире не действуют ограничения «наблюдение» и «эксперимент».

Подразумевание – это интендирование понятия в «горизонтальном протяжении» в местности «там и тогда» в пределах обозначенного интервала абстракции (т. е. в со-бытии или в универсуме). Его можно интерпретировать как удержание в сознании. Здесь имеются в виду связи понятия с другими понятиями, в том числе с возможными в со-бытии или в универсуме. В этом плане подразумевание есть пребывание в некотором контексте. Контекст включает в себя все многочисленные связи и отношения, которые действуют в выделенном интервале абстракции при оперировании с понятием. Эти связи и отношения подразумеваются, они не актуальны. Только те из них имеют значение, на которые обращено внимание субъекта. Заметим, что подразумевание объекта имеет место только тогда, когда этот объект может присутствовать в каком-то интервале абстракции потенциально или же его бытие субъект полагает возможным (в любом случае – «там и тогда»).

Единичные понятия (например, «Москва», «автор романа «Война и мир») даны в местности «здесь и сейчас» (в суждении, в рассуждении). Никакого подразумевания иных понятий в рамках контекста здесь не происходит. В отличие от них общие понятия (например, «человек», «книга») в своей данности предусматривают не только местность «здесь и сейчас», но и местность «там и тогда». Происходит подсознательная отсылка к каким-то другим примерам (экземплярам) этого понятия в акте внимания. Например, при интендировании понятия «человек», мы имеем в виду не только того, о ком идет речь в суждении или в рассуждении, но и других людей, которые где-то и когда-то есть или были (в общем случае – «там и тогда»). Таким образом, общие понятия предполагают подразумевание (бытие их объемов не только «здесь и сейчас», но и «там и тогда»).

Для «горизонтального протяжения» миров характерны такие явления, как контекст и концепт. В со-бытии изучаемый объект дан вкупе со всем тем контекстом, с которым он имеет место и образует факт (положение вещей в предметном мире) или суждение в нозматическом. Основным свойством контекста является возможность его интерпретаций в разных жизненных мирах. Подчеркнем, о контексте говорим тогда, когда объект актуализируется в акте внимания, но все его связи с другими объектами подразумеваются в том же со-бытии, совокупности ситуаций. В частности, о со-бытии ведем речь в применении к тексту. Читателю дано какое-то понятие в суждении вместе со всем сопутствующим контекстом. Если понятие интендируется в со-бытии, то оно неотделимо от контекста, в котором размещено.

О концепте же говорим тогда, когда подразумевание (возможность бытия иных объектов, с которыми имеются какие-либо отношения и связи) имеет место для всего универсума, а не для какого-то одного со-бытия (и не только для «Я» и Другого, но для неисчислимого числа Других). Поскольку понятие представляет собой прежде всего средство коммуникации, то в «горизонтальном протяжении» нозматического мира концепт может быть представлен как обобщение контекстов. Концепт несет в себе некую интегральную (суммирующую) составляющую по всем мнениям в отношении какого-то понятия, явления или события. Таким образом, концепт охватывает все понимания того или иного понятия на каком-то достаточно широком обзоре мнений, социальных приверженностей, лингвистических предпочтений.

Место понятий в иерархии бытия. Кроме «горизонтального протяжения» имеет место в бытии «вертикальное протяжение» (иерархия), связанное с обобщениями и конкретизациями в нозматическом мире познающего субъекта, а в его эмпирическом мире – с соотношением «часть-целое».

В ситуации субъект пребывает либо в своем нозматическом мире, либо в эмпирическом. В первом случае это приводит к конституированию объектов в мысли (с разной мерой абстракции и конкретизации), во втором – в чувственном восприятии (в том числе категориальное созерцание у М. Хайдеггера [20, с. 53, 65–68] и гештальтное восприятие у Дж. Лакоффа [12, с. 252]).

В со-бытии в одной ситуации субъект может пребывать в эмпирическом мире, наблюдая предмет, а в следующей ситуации он производит категоризацию, относя его к какой-то категории, т. е. к нозме. Говорим, что для субъекта в этом случае имеет место «взгляд вверх». Напротив, в другом со-бытии в одной ситуации субъект может о чём-то размышлять (пребывать в нозматическом мире), а в следующей указать пальцем на предмет рассуждений (дать остенсивное определение). Для субъекта это будет «взгляд вниз». Таким образом, для ориентации субъекта в иерархии бытия он использует в равной мере как «взгляд вверх», так и «взгляд вниз», ни одному из них не отдавая предпочтения. В частности, абстрагирование и конкретизация – это применение в нозматическом мире, соответственно, «взгляда вверх» и «взгляда вниз». В эмпирическом мире также действует «взгляд вверх» и «взгляд вниз», но уже на основе соотношений «часть-целое».

Заметим, что в «горизонтальном протяжении» миров операции обобщения и ограничения понятий не производятся. Г. Ланц совершенно верно отмечает, что в феноменологии всеобщее и абстрактное невозможно найти в предмете, который конкретен и дан только в акте внимания. «Всякий признак, всякий выделенный из конкретной вещи момент всегда есть нечто индивидуальное, данное исключительно здесь и теперь, появляющееся и исчезающее вместе с этой вещью; его мнимое вычленение из конкретного фундамента, которое свершается в акте абстрагирующего внимания, не делает его содержанием общего понятия, непреходящей идеей, и не способно наградить его чертами безвременья, вечности» [13]. Здесь речь идет о «горизонтальном протяжении», и в нем невозможны обобщения (равно как и конкретизации). Чтобы в видимом предмете выделить общее, субъекту, пребывающему в эмпирическом мире, в следующей ситуации (в составе того же со-бытия) необходимо применить «взгляд вверх», и он перейдет уже в свой нозматический мир.

Гносеологическая точность. С данностью понятий в иерархии бытия тесно связана так называемая гносеологическая точность (термин введен М. М. Новосёловым [17]). Понятие – это форма мысли. А «мысль может восприниматься, только будучи оформленной и актуализованной в языке» [2, с. 105]. В силу этого понятие, выражаемое с помощью языка (словом или совокупностью слов), имеет точность, которая равна количеству обозначающих слов в имени. Понятия, выражаемые с помощью одного слова (например, «справедливость», «вес», «стужа»), есть простые понятия, для них точность равна единице. Точность, равная двум, определяет двусложные поня-

тия, например, «человек мыслящий», «песок сыпучий», «вода жидкая» и т. д. Это соотношение верно в большинстве случаев. Но там, где слово можно заменить на его превосходную степень, оно не выполняется. Гносеологическая точность показывает место понятия в иерархии нозматического мира. В эмпирическом мире она определяет место предмета в иерархии «часть-целое», в общем случае – в «наблюдении». А в «эксперименте» в связи с применением измерительных приборов речь, скорее, будет идти уже о гносеологической неразличимости [7].

Для интервалов абстракции имеет место своя гносеологическая точность, понимаемая интуитивно. Она определяет степень охвата универсума в соответствующем контексте или концепте. Есть прямая связь между точностью и интервалом абстракции: чем больше точность понятия, тем меньше соответствующий интервал абстракции. Окружение понятия задается соответствующим интервалом абстракции с необходимой гносеологической точностью. И само понятие, таким образом, задано в нем с той же самой точностью. Это есть некий аналог принципа неопределенности для понятия: оно не может быть определено с точностью, превышающей точность, обусловленную самим интервалом абстракции.

В иерархии бытия при «взгляде вниз» с гносеологической точностью связано разграничение рода и вида в определении понятия. Класс схожих объектов имеет какое-то одно характеристическое свойство, свойственное всем элементам класса. Класс задан в со-бытии. Внутри него каждый объект характеризуется этим самым свойством (в целом). Каждый элемент класса в своей ситуации будет отличаться от элементов «в целом» в со-бытии на величину, которую называют видовым отличием. Переход от со-бытия к ситуации в конституировании понятия (от класса к элементу класса) есть придание видового признака понятию, уже имеющему родовой признак (характеристическое свойство класса). Гносеологическая точность объекта выражает тем самым меру адекватного погружения интересующего объекта в соответствующий интервал абстракции. Образно выражаясь, познающий субъект при абстрагировании и конкретизации «движется» в иерархии бытия в нозматическом мире. А его «движение» в эмпирическом мире представляет собой таксонометрию, классификацию. И, соответственно, исходя из своей познавательной позиции, он определяет необходимую ему в решении задачи гносеологическую точность предмета или понятия.

Выводы. Операции обобщения и ограничения (конкретизации) в иерархии бытия представляют собой процессы, обусловленные, соответственно, «взглядом вверх» и «взглядом вниз». И такие операции, естественно, зависят от текущего положения познающего субъекта. Например, субъект может изначально в текущей ситуации пребывать в нозматическом мире и тогда «взгляд вверх» есть дальнейшее абстрагирование уже абстрагированного. При этом происходит уменьшение гносеологической точности исходного понятия в заданном интервале абстракции, в результате чего образуется новое более абстрактное понятие. В эмпирическом мире обобщение и ограничение предмета (соответственно, уменьшение и увеличение гносеологической точности) также имеет место. Это связано с разной мерой детализации. Например, посетитель выставки, желая более подробно рассмотреть живописное полотно, приближается к нему, увеличивая детализацию в видении. А если он удалится, то оно станет для него менее различимым. В эксперименте эти операции связаны с применением приборов разной степени точности и охватом измеряемых параметров. Итак, обобщение – это производимая в со-бытии операция уменьшения гносеологической точности, когда от данного объекта переходят к его абстракции в пределах заданного интервала абстракции. Производится скачкообразным переходом от одного акта внимания к другому в со-бытии, при этом сохраняется родовой признак, задающий интервал абстракции. Поэтому при обобщении сохраняется род. Ограничение понятия – это, напротив, производимая в со-бытии операция увеличения гносеологической точности, при которой субъект конституирует понятие с меньшей мерой абстракции. В процессе ограничения субъект переходит от одного акта внимания к другому, непосредственно следующему за ним в со-бытии, скачкообразно, при этом актуальным становится видообразующий признак. Благодаря ограничению объем понятия сужается. Ограничение производится из положения субъекта в нозматическом мире и имеет место при «взгляде вниз». Заметим, что в ходе процедуры обобщения познающий субъект присутствует либо в предметном мире, либо в нозматическом, но в любом случае, в мысли «взглядом вверх» он «поднимается» выше к объектам с более высокой мерой абстракции. В ходе процедуры ограничения субъект мысленно «взглядом вниз» охватывает объекты с меньшей мерой абстракции. Он изначально присутствует в нозматическом мире и при последовательном проведении ограничения понятия «движется» до «дна» в иерархии бытия, достигая конкретности предмета в опыте.

В со-бытии основным свойством понятия является его расчлененность на признаки (В. А. Ветров [4]). В «горизонтальном протяжении» понятие дано через внутренне присущие понятию признаки (существенные) и внешне присущие (отличительные, задающие место понятия в сопутствующем контексте или концепте). Но в ситуации первые даны интенционально: они имеют место в интуитивном схватывании понятия (точнее, представления) в акте внимания. Вторые – в представлении элиминируются. Существенные признаки определяют понятие (само по себе, это интенциональная данность). Они проявляются у понятия, если мысленно представить себе, что это понятие единственное в бытии. Его своеобразие обусловлено именно существенными признаками. Отличительные признаки понятия задают его место в сопутствующем контексте (экстенциональная данность) в структуре бытия (но уже не в ситуации, а в со-бытии). На необходимую связь понятия с окружением, выражаемую через отличительные признаки понятия, указывает Е. К. Войшвилло [3, с. 112].

Надо заметить, что сами по себе признаки в предметах отсутствуют. Они мыслятся субъектом в понятии, данном в контексте или в концепте. Иначе говоря, признаки появляются на основе выделения понятия из соответствующей структуры бытия. И в ходе такого выделения они становятся либо существенными (присущи однотипным понятиям), либо отличительными (в контексте или концепте).

Понятие не может быть дано изолированно, отвлеченно от контекста (концепта). Для образования целостности понятия его существенные признаки должны дополнять отличительные. В этом состоит некий принцип дополнительности для признаков понятия. При этом он действует не вообще, а только в акте внимания в заданном интервале абстракции.

Определение понятия дано в со-бытии и обозначает его место в структуре бытия. Оно может быть задано через родовидовые отношения. Реальное определение (кроме остенсивного), как и номинальное, задается в нозматическом мире. Но первое обусловлено «взглядом вниз» и задает соответствие понятия какому-то предмету из опыта. Второе (номинальное) обусловлено «горизонтальным протяжением» в нозматическом мире и дает разъяснение имени. Предмет же может быть задан и через соотношения «часть-целое» (мереологическое измерение). Но в любом случае, его определение – это определение соответствующего понятия.

Выявление места понятия в структуре бытия выражается через его гносеологическую точность (в иерархии – в обоих мирах) и через признаки (в «горизонтальном протяжении» для каждого из миров). Соответственно, само определение понятия есть выражение в языке его места между двумя мирами.

«Мыслить понятие означает мыслить содержание и объем данного понятия» [18, с. 32]. В структуре бытия содержание понятия определяется совокупностью его признаков (существенных и отличительных) и обусловлено «горизонтальным протяжением» в нозматическом мире. А объем понятия задается при «взгляде вниз». При этом для конкретных и общих понятий он связывает в эмпирическом мире в единое целое класс каких-то предметов. Если же речь идет об абстрактных понятиях (типа «храбрость», «белизна» и т. д.), то объем подобного рода понятий задается уже в нозматическом мире, но в любом случае он обусловлен «взглядом вниз» уже в самом этом мире. При абстрагировании («взгляд вверх») уменьшается гносеологическая точность понятия. Это естественно, поскольку при «взгляде вверх» берется в расчет меньше признаков, соответственно, уменьшается содержание понятия. При увеличении точности («взгляд вниз», конкретизация), напротив, содержание становится богаче, поскольку увеличивается число интендируемых признаков и объем уменьшается.

Заключение. Нозматический и эмпирический миры субъекта нельзя смешивать. В каждом акте внимания он пребывает в каком-то одном из этих миров, но не в обоих сразу. Общее так и остается общим, но уже в нозматическом мире, с ним можно работать как с единичным понятием. Обычно абстрагирование производится в позиции, когда субъект мысленно присутствует в эмпирическом мире среди вещей, которые могут быть им выделены (абстрагированы как элементы некоторого класса). Но если субъект уже мысленно присутствует в нозматическом мире, то общее приобретает черты индивидуальности (самой реальности). Субъект работает с общими понятиями как будто это не понятия, а обычные предметы, вещи. В этом заключается прогресс в познании – можно работать с понятиями (с умозаклечениями, теориями), как с обычными вещами.

В нозматическом мире по своему онтологическому статусу общее (понятие) равнозначно единичной вещи, представленной в эмпирическом мире. Иначе говоря, онтологически понятие имеет точно такой же статус, как и у эмпирического предмета. Но первый имеет место только в

ноэматическом мире субъекта, а второй – в фактуальном (эмпирическом). Связь между ними обусловлена сознанием, интендирующим понятие. Она имеет место при «взгляде вниз», когда понятию соответствует какой-то предмет в эмпирическом мире или при «взгляде вверх», когда субъект производит абстрагирование. Разделение бытия на два мира позволяет избежать трудностей в философии и логике, связанных с пониманием существования объектов в бытии. Предикат «существовать» становится противоречивым. Предлагается использовать другой предикат для объектов бытия – «данность». Данность объекта (в том числе понятия) предусматривает его модусное представление. Понятие, таким образом, дано (в данности) в ноэматическом мире субъекта, а предметы – в эмпирическом.

Показано, что содержание понятия обусловлено «горизонтальным протяжением» в ноэматическом мире. Объем же понятия имеет место при мысленном «взгляде вниз» и реализуется в эмпирическом (предметном) мире. И только само понятие в своем единстве связывает эти два мира в одной единственной точке бытия – в акте внимания. Платон считал, что значения общих имен представляют собой сущности, реально присутствующие в каком-то особом мире идей. По его мнению, идеи существуют реально, а то, что они выражают – предметы – есть отражения этих идей. Ноэматический мир, о котором здесь говорим, напоминает мир идей Платона. В отличие от его концепции, он бытийствует (появляется) только в интенции. Само разделение бытия на два мира производится не вообще (как у Платона), а только в акте внимания в соответствии с модусами: для «Я» (в субъективности) и для Другого (Других) (в интересубъективности).

Список литературы

1. Бакрадзе К. Логика. Тбилиси : Изд-во Тбилисского государственного университета, 1951. 455 с.
2. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
3. Войшвилло Е. К. Понятие. М. : Изд-во Московского университета, 1967. 286 с.
4. Ветров А. А. Расчлененность формы как основное свойство понятия // Вопросы философии. 1958. № 1. С. 39–46.
5. Гагинский А. М. Бытие и данность в философии М. Хайдеггера // Философская мысль. 2023. № 10. С. 93–105. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.44016.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М. : Академический проект, 2009. 489 с.
7. Каменобродский А. Г., Новосёлов М. М. О гносеологической точности и формировании интервалов неразличимости // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 105–118.
8. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М. : Юрайт, 2018. 331 с.
9. Креминский А. И. Интервальная методология в контексте практической философии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 82–96. DOI: 10.37279/2413-1695-2021-7-3-82-96.
10. Кузьмин В. Г. Существование и относительность. Модусное представление предикации существования // Философская мысль. 2018. № 11. С. 60–77. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.26926.
11. Лазарев Ф. В. Абстрагирование и смыслообразование: конструктивные основания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 23–34.
12. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
13. Ланц Г. Интенциональные предметы // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. Т. 2. М. : Территория будущего, 2006. 816 с.
14. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1985. 621 с.
15. Маркин В. И. Понятие // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. Т. 3. М. : Мысль, 2010. 692 с.
16. Матерна П. Понятие понятия // Логические исследования. 1993. Вып. 2. С. 82–89.
17. Новосёлов М. М. Логика абстракций (методологический анализ). Ч. 1. М. : ИФ РАН, 2000. 191 с.
18. Светлов В. А. Практическая логика. СПб. : МиМ, 1997. 576 с.
19. Финн В. К. О неаристотелевском строении понятий // Логические исследования. 2015. № 21 (1). С. 9–48.
20. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 384 с.

The reality of the concept in the structure of being

Kuzmin Vladimir Gennadievich

PhD in Philosophy, independent researcher. Russia, Smolensk. E-mail: kvg-17@mail.ru

Abstract. The question of to what extent the concept is considered to exist is being studied. Within the framework of the phenomenological approach, the measure of the existence of concepts is interpreted as a given. It takes place in some particular interval of abstraction (a situation, a set of situations, or in the universe as a whole) both for the individual "I" and for the Other or Others. Whenever a subject thinks abstractly, by his act of attention he "divides" the existence provided to him into two worlds he can see: the noematic and the empirical. They take place only in intention, and not in general (as in Plato). In each act of attention, the subject resides in one of these worlds, but not both at once. At the same time, he is already mentally in one of them. This is due to the context or the task being solved. A mental "look up" (from the empirical world in which the subject resides to the noematic one) is an abstraction. On the contrary, a similar "downward look" is concretization. The article shows that the content of the concept is determined by the "horizontal extension" in the noematic world. The scope of the concept takes place when mentally "looking down" and is realized in the empirical (objective) world. And only the concept itself, in its unity, connects these two worlds at one point of existence – in the act of attention. For the objects of each of the worlds, modes of being are introduced: objective (for objects from the empirical world) and conceptual (for concepts). Such modes are incomparable. Their introduction into the practice of philosophizing avoids the use of the largely contradictory predicate "to exist".

Keywords: noematic world, implication, representation, abstraction interval, epistemological accuracy, context, concept.

References

1. Bakradze K. *Logika* [Logic]. Tbilisi : Publishing House of Tbilisi State University, 1951. 455 p.
2. Benvenist E. *Kategorii mysli i kategorii yazyka* [Categories of thought and categories of language] // *Obshchaya lingvistika* – General linguistics. M. Progress, 1974. 447 p.
3. Vojshvillo E. K. *Ponyatie* [The concept]. M. Publishing House of Moscow University, 1967. 286 p.
4. Vetrov A. A. *Raschlenennost' formy kak osnovnoe svojstvo ponyatiya* [Dissection of form as the main property of the concept] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1958. No. 1. Pp. 39–46.
5. Guginskiy A. M. *Bytie i dannost' v filosofii M. Hajdeggera* [Being and reality in the philosophy of M. Heidegger] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical thought. 2023. No. 10. Pp. 93–105. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.44016.
6. Husserl E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kn. 1.* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book 1]. M. Academic Project, 2009. 489 p.
7. Kamenobrodskiy A. G., Novosyolov M. M. *O gnoseologicheskoy tochnosti i formirovanii intervalov nerazlichimosti* [On epistemological accuracy and the formation of indistinguishability intervals. *Voprosy filosofii*]. 2007. No. 11. Pp. 105–118.
8. Kassirer E. *Poznanie i dejstvitel'nost'. Ponyatie substantcii i ponyatie funktsii* [Cognition and reality. The concept of substance and the concept of function]. M. Yurait, 2018. 331 p.
9. Kreminskiy A. I. *Interval'naya metodologiya v kontekste prakticheskoy filosofii* [Interval methodology in the context of practical philosophy] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 2021. T. 7 (73) – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2021. Vol. 7 (73). No. 3. Pp. 82–96. DOI: 10.37279/2413-1695-2021-7-3-82-96.
10. Kuz'min V. G. *Sushchestvovanie i otnositel'nost'. Modusnoe predstavlenie predikatsii sushchestvovaniya* [Existence and relativity. A modal representation of the predication of existence] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical thought. 2018. No. 11. Pp. 60–77. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.11.26926.
11. Lazarev F. V. *Abstragirovanie i smysloobrazovanie: konstruktivnye osnovaniya* [Abstraction and semantic formation: constructive foundations] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2017. Vol. 3 (69). No. 1. Pp. 23–34.
12. Lakoff J. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: what the categories of language tell us about thinking]. M. Languages of Slavic Culture, 2004. 792 p.
13. Lanz G. *Intencional'nye predmety* [Intentional objects] // *Logos 1991–2005. Izbrannoe : v 2 t. T. 2* – Logos 1991–2005. Selected works : in 2 vols. Vol. 2. M. Territory of the Future, 2006. 816 p.
14. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [The experience of human understanding] // *Sobr. soch. : v 3 t. T. 1* – Collected works : in 3 vols. Vol. 1. M. Mysl (Thought), 1985. 621 p.
15. Markin V. I. *Ponyatie* [The concept] // *Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4-h t. T. 3* – New philosophical encyclopedia : in 4 vols. Vol. 3. M. Mysl (Thought), 2010. 692 p.

16. Materna P. *Ponyatie ponyatiya* [The concept of the concept] // *Logicheskie issledovaniya* – Logical research. 1993. Is. 2. Pp. 82–89.
17. Novosyolov M. M. *Logika abstrakcij (metodologicheskij analiz)* [Logic of abstractions (methodological analysis)]. Part 1. M. IF RAS, 2000. 191 p.
18. Svetlov V. A. *Prakticheskaya logika* [Practical logic]. SPb. MiM, 1997. 576 p.
19. Finn V. K. *O nearistotelevskom stroenii ponyatij* [On the non-Aristotelian structure of concepts] // *Logicheskie issledovaniya* – Logical research. 2015. No. 21 (1). Pp. 9–48.
20. Heidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the history of the concept of time]. Tomsk. Vodoley (Aquarius), 1998. 384 p.

Поступила в редакцию: 31.05.2024

Принята к публикации: 13.01.2025

Демографические установки студенческой молодежи в контексте формирования новых семейных ценностей

Гущина Галина Анатольевна¹, Булдакова Наталья Викторовна²,
Перепелица Светлана Александровна³, Косцова Надежда Григорьевна⁴,
Какнаева Полина Вячеславовна⁵

¹доктор педагогических наук, доцент, профессор Института образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Россия, г. Калининград.

ORCID: 0000-0001-6264-9241. E-mail: g-guschina@mail.ru

²доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-1069-9137. E-mail: Nv_buldakova@vyatsu.ru

³доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой хирургических дисциплин ОНК Института медицины и наук о жизни, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Россия, г. Калининград. ORCID: 0000-0002-4535-9805. E-mail: sveta_perepeliza@mail.ru

⁴старший преподаватель аккредитационно-симуляционного центра, заместитель директора МИ РУДН им. Патриса Лумумбы по учебной работе по направлению «Сестринское дело».

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9708-9643. E-mail: archelaya@yandex.ru

⁵студентка 5-го курса факультета фундаментальной медицины, МГУ им. М. В. Ломоносова.

Россия, г. Москва. E-mail: kaknaeva.p@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что студенческая молодежь, обладая определенными демографическими установками, сформированными в структуре личности, и основными моделями своего перспективного личностного развития, оказывает непосредственное влияние на формирование традиционных семейных ценностей, воспитание положительного отношения к ним и демографическую ситуацию в стране.

Проблема исследования выявлена путем анализа и осознания реализации идеи интеграции научных подходов в области педагогики и социологии при изучении текущего состояния демографической ситуации в Российской Федерации на разных уровнях системы образования, понимания профессиональными сообществами необходимости оказания на нее позитивного влияния в разных аспектах в перспективном ключе, путем формирования и реализации конструктивных демографических установок и традиционных семейных ценностей у студенческой молодежи.

Цель исследования заключается в анализе демографических установок и сформированности традиционных семейных ценностей у студенческой молодежи на современном этапе, установлении корреляционных взаимосвязей их содержания с процессами формирования актуальных семейных ценностей и прогностической оценке дальнейших вариантов семейного поведения; выявлении специфики восприятия семьи, различных ее форм и семейных ценностей, являющейся основным источником семейного воспроизводства.

В статье проанализировано личностное отношение студентов к собственным возможностям влияния на демографическую обстановку в будущем; выявлены ключевые тенденции, оказывающие непосредственное воздействие на формирование традиционных семейных ценностей, представлены отдельные результаты измерения и анализа демографических установок студенческой молодежи (по итогам исследования, проведенного в образовательной среде БФУ им. Канта, МГУ им. М. В. Ломоносова, РУДН).

Сформулированные по итогам исследования выводы соотнесены с объективными статистическими и аналитическими сведениями, характеризующими сферу формирования семейных ценностей у студенческой молодежи и демографических процессов в России и в мире.

Ключевые слова: демографическая установка, традиционные семейные ценности, репродуктивная активность, рождаемость, стратегическое развитие, студенческая молодежь, субъективная оценка.

Введение. На современном этапе развития науки и в рамках складывающихся объективных реалий развития российского общества все большее внимание привлекается к проблемам демографии. На протяжении трех десятилетий на всех уровнях государственного управления ведется поиск эффективных способов преодоления демографического кризиса, с которым Россия столкнулась в новейшей истории – с начала 90-х гг. XX в. [15, с. 17]. На фоне реализации национальных проектов стратегического развития Российской Федерации [11, с. 3] в научных работах отмечается тенденция определения новых концептуальных подходов к оценке результативности и эффективности не только демографических процессов, но и демографической политики страны в целом [12, с. 37]. При этом основная часть предпринимаемых в данном направлении усилий законодательного, организационного и прикладного характера, а также исследований, связанных с их реализацией, в приоритетном порядке направлены на изучение объективных причин возникновения проблем в сфере демографии: последствий вооруженных конфликтов, причин, миграционных процессов, глобальных экономических проблем, обстоятельств политической напряженности, состояний неопределенности в обществе и ряда других [2, с. 4].

Состояние сбережения народа по-разному оценивается как в отдельных регионах России, так и на примере различных социальных групп (студентов, работающей части населения, мужчин, женщин, представителей отдельных профессий и т. д.) [17, с. 37]. Кроме того, и территориальная дифференциация демографической безопасности, и совокупность уникальных признаков каждой социальной группы (демографические установки) [19, с. 7] влияют на формирование демографической политики государства, на процессы разработки и реализации соответствующих мер [12, с. 3]. На современном этапе все большую популярность набирают как насаждаемые извне, так и формируемые внутри страны идеологические течения [4, с. 13], пропагандирующие нетрадиционные формы отношений и устройства семьи («свободные» отношения, гостевой брак, сожителство, полный отказ от межполового взаимодействия и пр.), декларирующие ненужность рождения детей, а также сложности, связанные с этим процессом, и возможные негативные последствия [8, с. 7].

Новые семейные отношения и ценности в России формируются под воздействием изменившихся экономических условий (влияющих на количественные показатели в виде численности семьи) и социокультурных условий (формирующих и закрепляющих в обществе новую модель семейного поведения, которая связана с изменением восприятия семьи и отношений в ней) [10, с. 5]. Вместе с тем институт семьи сохраняется в качестве важнейшей ценности в молодежной среде, что является определяющим для будущего России. Молодежь – это социально-демографическая группа, которая является наиболее активной, динамичной и перспективной частью репродуктивного потенциала страны. Студенческая молодежь представляет основу будущего общества, поскольку именно на них в перспективном плане возложена ответственность за реализацию задач государственной политики по обеспечению демографической безопасности. Ввиду чего исследование демографических установок и определяемых ими вариантов демографического поведения данной части населения России представляется весьма своевременным и значимым [20, с. 8].

В то же время, доказанным и всесторонне обоснованным является утверждение о том, что на фоне глобальных и масштабных обстоятельств, способных оказывать негативное воздействие на демографические процессы в государстве в силу их объективного свойства, не меньшее значение имеет субъективное (оценочное, личностное, конформистское) отношение репродуктивно активной части населения к вопросам деторождения [21, с. 7]. Так, например, в экономических благополучных странах западной Европы на протяжении последних сорока лет наблюдается поступательное снижение количественных показателей рождаемости и процессов естественного воспроизводства населения [18, с. 3]. При этом субъективный компонент в данной проблематике убедительно подтверждается на уровне отечественных и зарубежных исследований [3, с. 8].

В связи с чем не меньшее значение в процессах исследований причин, факторов и обстоятельств, усугубляющих демографическую ситуацию в Российской Федерации, имеет изучение и последовательное рассмотрение содержания субъективного компонента репродуктивно активной части населения страны применительно к основным тенденциям в сфере демографии. Субъективный компонент в контексте гуманитарных и естественно-научных исследований является сформировавшейся, устойчивой и общепринятой категорией, предполагающей положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту

(иногда его представляют в виде отношений «нравится/не нравится», «ценить/не ценить», «одобрять/не одобрять» т. п.) [7, с. 342].

Исходя из вышеизложенного и во избежание излишней теоретической дискуссии, под демографическими установками студенческой молодежи следует понимать внутренние регуляторы их действий и поступков, которые на внешнем уровне проявляются в виде определенного поведения в сфере брака, семьи, деторождения и поддержания индивидуального здоровья. Соответственно демографические установки состоят из: брачно-семейных, репродуктивных и самосохранительных установок. Описание отношения к основным демографическим процессам студенческой молодежи (рождаемость, смертность, брачность и разводимость) позволяют представить научную картину текущей демографической ситуации среди молодежи и перспективы ее развития в социально-демографической группе [15, с. 37].

Методы. В интересах достижения поставленной цели организовано и проведено авторское инициативное исследование в форме анонимного опроса, в котором приняли участие 429 студентов из трех высших учебных заведений Российской Федерации:

– Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта) – 295 студентов, из них 267 (90,5 %) женщин и 28 (9,5 %) мужчин, средний возраст составлял $22,3 \pm 4$ г;

– Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ им. М. В. Ломоносова) – 80 студентов, из них 53 (66,3 %) женщин и 27 (33,8 %) мужчин, средний возраст $20,0 \pm 1,6$ лет;

– Российского университета дружбы народов (РУДН) – 54 студента, из них 40 (74,1 %) женщин и 14 (25,9 %) мужчин, средний возраст составлял $24,0 \pm 6,3$ г.

Опрос по изучению отношения студенческой молодежи к семье и семейным ценностям проведен в 2023 г. методом случайного отбора. Опрос респондентов проводился по специально разработанной анкете, состоящей из 27, условно разделенных на три блока: общестатистический (включает в себя 4 вопроса, ответы на которые позволяют описать контингент опрашиваемых в разрезе основных личных данных – пола, возраста, уровня и направления подготовки в ВУЗе); содержательный (11 вопросов, ответы на которые позволяют выявить актуальные демографические характеристики опрашиваемых – наличие/отсутствие детей, предпочитаемая форма межличностных отношений и пр.) и оценочный (12 вопросов – ответы на которые позволяют диагностировать оценочное отношение респондентов к основным демографическим установкам, оценить варианты их перспективного демографического поведения и выявить их общую приверженность к различным демографическим тенденциям).

Содержание вопросов и возможных вариантов ответов на них обусловлено целями и задачами проводимого исследования. Формулирование респондентами произвольных вариантов ответов форматом анкеты не предполагалось. При ответе на каждый вопрос можно было выбрать только один вариант ответа из числа предложенных, что указывает на дискретный характер проведенного опроса, исключающий широкую вариативность форм поведения участников опроса и сужающий предметное поле исследования до строго обозначенных целей и задач. Проведение социологического исследования организовано для выявления субъективных оценок, репродуктивных установок и ожиданий студенческой молодежи и прогнозирования мер демографической политики. Для исследователей наиболее важным являются мотивы, которые побуждают молодых людей к созданию семьи, к принятию решения или отказу от него о желаемом числе детей. Поэтому с целью изучения мнения молодого населения о демографической политике, осуществляемой (федеральными) региональными властями в сфере увеличения рождаемости и укрепления семьи, был проведен социологический опрос [9, с. 2].

Проведенный авторами анализ статистических процедур для оценки демографических процессов позволяет заключить, что в социологических исследованиях может использоваться (наряду с другими) комплексный способ статистических измерений, который «...объединяет объективный и субъективный подходы» [9, с. 3] и включает в себя совокупную характеристику следующих методов:

- метод оценки демографических процессов по основным индикаторам, основанный на сравнении динамики фактических показателей демографических процессов в регионе «...с пороговыми (критическими) значениями, со средними показателями, сформировавшимися в Российской Федерации» [15, с. 23], а также может быть использован в разрезе внутри региона;
- метод выведения интегрального показателя оценки демографических процессов;
- метод обобщения результатов социологических опросов населения региона.

Выбор статистических методов оценки результатов в данном исследовании обусловлен профилем исследования, представляющем идею интеграции педагогики и социологии. При этом очевидна значимость объективного и субъективного подходов.

Опрос проводился с применением технологий удаленного доступа к анкетной форме и ее удаленного заполнения, без заполнения респондентами персональных и личных анкетных данных. Форма анкеты и ее содержание были разработаны авторским коллективом на основании положений стандартизированной методики проведения педагогических и социологических исследований.

Таким образом, измерение проводилось в номинативной шкале (согласно С. Стивенсу). Обозначенные ячейки шкалы (вопросы анкеты) позволили осуществить классификацию объектов (студентов) на непересекающиеся группы и получить эмпирические частоты (количество студентов в каждой группе) [6, с. 12].

Для обоснования выводов исследования, представляющих результат достижения цели, использовался метод математической статистики – ранговая корреляция Спирмена. В рамках данного метода (при сопоставлении ответов на 11 вопросов содержательного и оценочного блоков анкеты) предпринята попытка установить связь между иерархиями, представляющими демографические установки студентов и процессы формирования актуальных семейных ценностей. В процессе расчета эмпирического значения коэффициента корреляции выполнялась операция ранжирования с последующим вычислением разностей рангов, возведением полученных значений в квадрат и нахождением суммы квадратов. Полученное эмпирическое значение коэффициента ранговой корреляции, равное 0,79, превышает критическое значение данного метода (0,76 на уровне статической значимости $p=0,01$), что означает: корреляция между данными иерархиями статистически значимо отличается от нуля.

Предложенный инструментарий позволяет проводить анализ полученных эмпирических данных при помощи методов описательной математической статистики: процентное соотношение эмпирических частот, построение ранжированных вариационных рядов, столбчатых и круговых диаграмм, а также методов корреляции. Возможно определение значимых различий по вузам, категориям респондентов и пр.

Результаты. Анализируя данные, полученные в рамках общестатистического блока исследования, представляется возможным оценить общие характеристики статистической выборки его участников. Уровень подготовки респондентов представлен на рис. 1. Так, в БФУ им. И. Канта большинство студентов обучались по образовательным программам специалитета, бакалавриата и среднего профессионального образования, небольшое количество респондентов обучались в ординатуре и магистратуре. В МГУ им. М. В. Ломоносова основным уровнем образования являлся специалитет, бакалавриат и магистратура. В РУДН большинство студентов обучались на бакалавриате, а также специалитете, доля ординаторов, магистров и СПО мала.

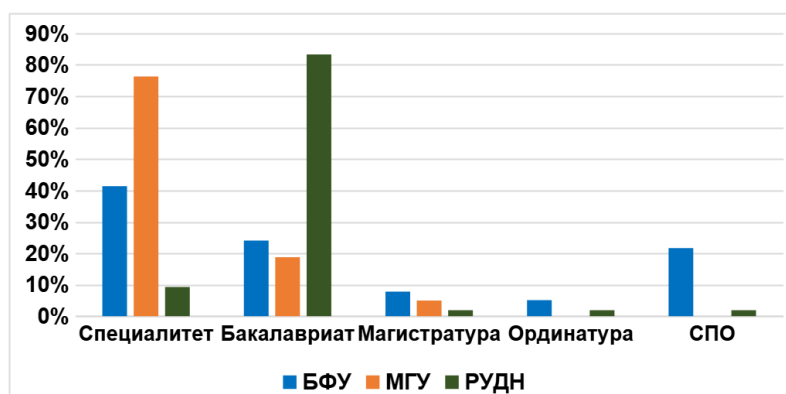

Рис. 1. Уровень подготовки респондентов

Профиль подготовки студентов, принявших участие в опросе, представлен на рис. 2. Респонденты БФУ им. И. Канта представляли три профиля подготовки: естественно-научный, представленный высшим медицинским образованием; гуманитарно-педагогический и технический. Студенты МГУ им. М. В. Ломоносова имели те же профили подготовки, что и в БФУ им. И. Канта. В РУДН респонденты имели только один уровень – естественно-научный – медицинское образование.

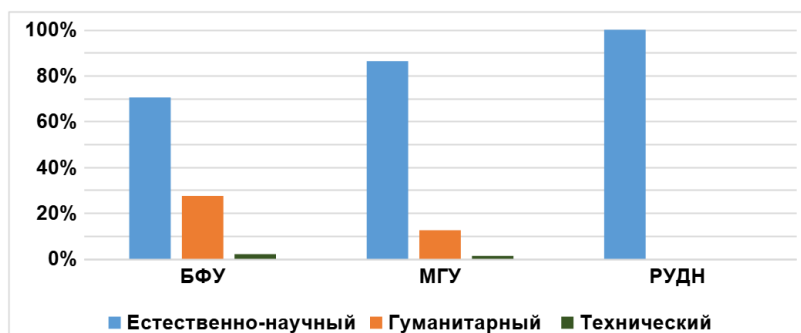

Рис. 2. Профиль подготовки респондентов

Анализируя результаты, полученные в рамках содержательного блока исследования, стоит обратить внимание на структуру личных приоритетов, отмечаемых участниками опроса (рис. 3). После завершения учебы у трети респондентов приоритетным является материальное благополучие, еще треть будет стремиться к построению карьеры и профессиональному совершенствованию. Личностному развитию хотя бы 10–20 % респондентов, а к созданию семьи и рождению детей готовы лишь 10 % студентов МГУ им. М. В. Ломоносова, 14,2 % – БФУ им. И. Канта и 14,8 % – РУДН. Таким образом, создание семьи и рождение детей находятся на последнем месте у молодых людей, получающих образование, что указывает на смещение личных приоритетов от семейных ценностей к материальным благам.

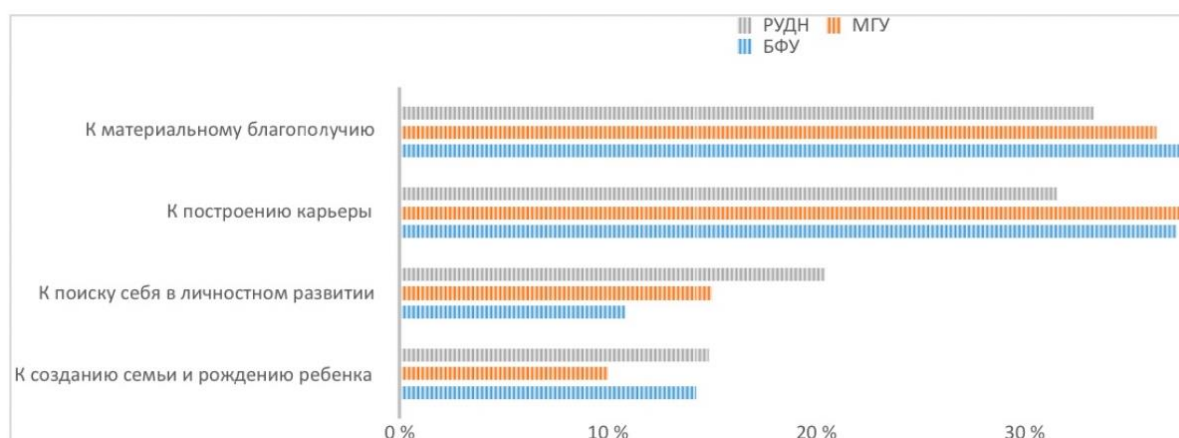

Рис. 3. Результаты ответа на вопрос
«После завершения учебы Вы к чему в первую очередь будете стремиться?»

Полученные результаты наглядно подтверждают феномен трансформации субъективных устремлений личности в соответствии с вектором «от общего – к частному». Данная проблематика направленности, подкрепляемая активно транслируемыми в настоящее время средствами массовой информации (СМИ), на общественных и публичных площадках, в социальных сетях и мессенджерах призывами к отказу каждого отдельного человека от учета коллективных (общественных) интересов в собственном сценарии жизни, усугубляется на фоне отсутствия единой общенациональной идеологии. На научном уровне высказываются обоснованные суждения относительно содержания ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, согласно которой «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Содержание данной нормы отвечало требованиям эпохи на момент ее разработки и принятия, но неизменно устарело с течением времени. Это достоверно подтверждают поправки в Конституцию РФ, внесенные в 2021 г. по итогам всенародного голосования, в соответствии с которыми «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся «защита института брака как союза мужчины и женщины» (п. «ж1» ч. 1 ст. 72) [11, с. 7].

Данные изменения в Основной закон государства являются не чем иным, как ключевыми идеологическими ориентирами для граждан, формирование которых признается одной из основных задач государства на краткосрочную перспективу. Но, напротив, на фоне этого набирают популярность как насаждаемые извне, так и формируемые внутри страны идеоло-

гические течения, пропагандирующие нетрадиционные формы отношений и устройства семьи («свободные» отношения, гостевой брак, сожительство, полный отказ от межполового взаимодействия и пр.), декларирующие ненужность рождения детей, а также сложности, связанные с этим процессом, и возможные негативные последствия [20, с. 7].

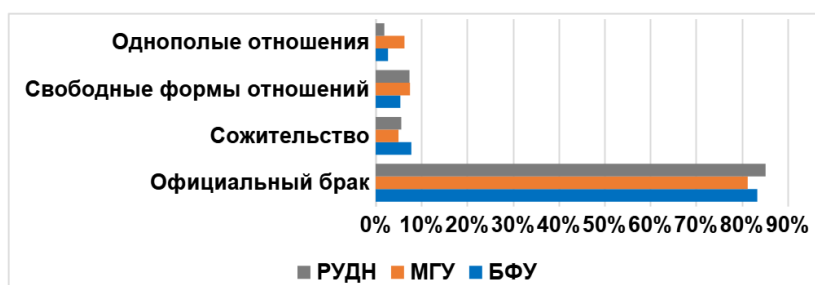

Рис. 4. Результаты ответа на вопрос
«Какая форма семейных отношений для Вас предпочтительна?»

Данная тенденция подтверждается и результатами проведенного исследования: несмотря на то, что предпочтительной формой отношений для основного большинства опрошенных студентов остается официальная регистрация брака, тем не менее иные варианты ответов, полученные на данный вопрос, указывают на усиливающуюся толерантность в выборе (либо опробовании) иных форм межличностных отношений, отличающихся от традиционного брака между мужчиной и женщиной (рис. 4).

На основании чего можно утверждать, что на данном этапе в среде студенческой молодежи не сформирована четкая система ценностных ориентиров, направленных на улучшение демографической ситуации, здоровьесбережение подрастающего поколения, повышение рождаемости в России, улучшение качества жизни. Несомненно, отмечаемая тенденция не является уникальной для российского общества и охватывает большинство современных государств [16, с. 7], проникая в сознание граждан, а в большей части – молодой и наиболее демографически активной части общества, укореняя в сознании людей представления об абсолютной допустимости толерантности и разнообразия форм межличностных отношений, подрывая тем самым базовые традиционные идеологические и духовно-нравственные основы современного общества.

В данной связи представляются важными результаты исследования, отражающие субъективную оценку участников опроса значения рождения детей в их жизни. Так, среди студентов РУДН 6 % рассматривают рождение детей в качестве обязанности, навязываемой обществом; 7 % – как возможность познать себя в новой роли (родителя); 9,3 % – как возможность проявления и реализации ответственности за другого человека; 14,8 % в целом считают свою жизнь без ребенка неполноценной, а себя – не полностью реализованным в жизни; 18,5 % оценивают рождение детей в качестве биологической функции, реализация или сознательный отказ от которой напрямую зависит от желания каждого отдельно взятого человека; еще 18,5 % видят в рождении детей свое продолжение на планете; 25,9 % любят жизнь и желают поделиться возможностью ее прожить.

В совокупном представлении студентов БФУ наиболее приоритетным является именно последний из перечисленных оценочных вариантов – его придерживаются 45,1 % респондентов. Наравне с позитивностью данного варианта оценки значения рождения детей одновременно данная позиция указывает на высокую степень инфантильности представленной выборки участников исследования. Вторым по популярности вариантом ответа (28,1 %) стало мнение о биологической функции, реализуемой в зависимости от субъективного желания. Прочие варианты ответов имеют значительно меньшие значения. Среди ответов, полученных на данный вопрос от студентов МГУ, ситуация выглядит аналогичным образом: 36,2 % усматривают значение рождения детей в возможности реализации своей биологической функции; 31,3 % – как способ поделиться жизнью и радостью от нее; 15 % – в качестве способа продолжения самих себя на планете (прочие варианты не получили значимой количественной поддержки среди участников опроса).

Не менее характеризующим показателем является и желаемое количество детей, предполагаемое к рождению участниками опроса в будущем на текущий момент времени. Наибо-

лее сдержанными являются результаты ответов, полученных от студентов МГУ им. М. В. Ломоносова: 15 % респондентов согласно текущим желаниям вообще не хотят рожать детей; еще 15 % желают в будущем родить только одного ребенка; основное большинство (46,3 %) – двоих; и только 23,8 % рассматривают для себя возможность рождения троих и более детей. Результаты ответов, полученных от участников опроса из БФУ им. И. Канта и РУДН, имея схожие пропорции по распределению ответов, имеют незначительные количественные колебания в пределах каждого из вариантов.

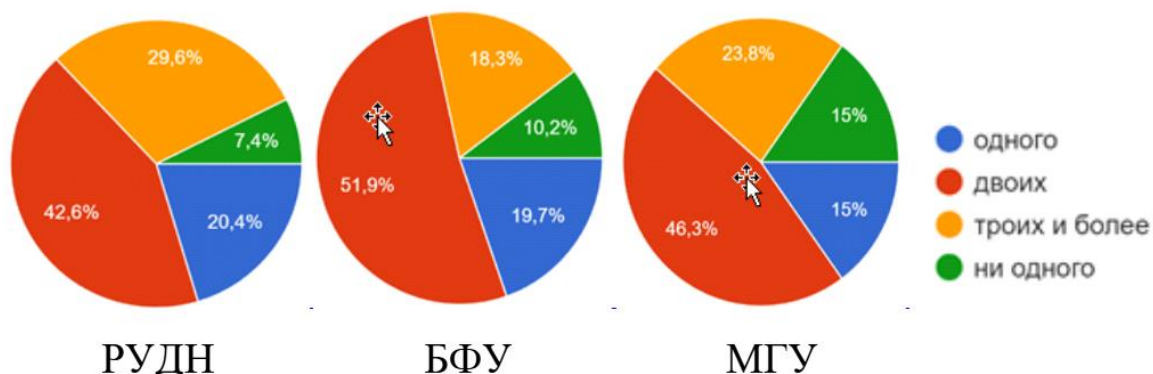

Рис. 5. Результаты ответа на вопрос «Сколько детей, по мнению респондентов, необходимо иметь современной семье?»

При этом при ответе на вопрос, сколько детей, по мнению респондентов, необходимо иметь современной семье, чтобы демографическая ситуация в стране улучшилась, подавляющее большинство опрошиваемых во всех образовательных организациях ограничились вариантом ответа «двоих» (46,3 % – в РУДН; 46,1 % – в БФУ; 47,5 % – в МГУ). При этом всего 1,9 % студентов РУДН, 3 % в БФУ и 6,2 % в МГУ настаивают на необходимости рождения в данных целях четырех и более детей в каждой семье. При этом формулировка данного вопроса не предполагала соотнесения необходимого количества рождаемых детей с личностью респондента, а была направлена на выявление мнений в опосредованном ключе, применительно к любой абстрактной семье в перспективном представлении. Данные результаты указывают на несформированность в представлении современной студенческой молодежи корреляционных связей и взаимозависимостей между существующими представлениями о текущем проблемном состоянии демографической ситуации в Российской Федерации и необходимостью рождения более троих детей в каждой семье для потенциального позитивного изменения ситуации в перспективном ключе.

Частично данную тенденцию объясняет опыт, полученный основным большинством респондентов в семьях их родителей – воспитание в полной семье с двумя детьми (40,7 % респондентов РУДН; 41,3 % – МГУ; 40 % – БФУ им. И. Канта). При этом 31,5 % участников опроса из РУДН воспитывались в полных семьях и были при этом единственным ребенком (аналогично с этим – 13,8 % в МГУ и 13,2 % в БФУ). Иные варианты ответов имеют значимо меньшие цифровые показатели в сравнении с представленными. Это свидетельствует о важном значении личного опыта, полученного в семье родителей и его влиянии на формирование стереотипов последующего демографического поведения.

Анализируя результаты, полученные в рамках оценочного блока исследования, важно отметить диагностическое значение данных, полученных в ходе оценки соответствующих числовых показателей. Сложившуюся в настоящее время в стране демографическую ситуацию как неблагоприятную и скорее неблагоприятную оценивают 72,2 % студентов РУДН, 69,9 % – МГУ им. М. В. Ломоносова и 66,8 % БФУ им. И. Канта. Остальные респонденты всех образовательных учреждений считают, что демографическая ситуация в стране достаточно благополучная (рис. 6).

Полученные результаты указывают на то, что подавляющее большинство студентов ВУЗов, одновременно относящихся по признаку возраста к наиболее репродуктивной части населения страны, осознают наличие проблем демографического характера в государстве на данном этапе и реально оценивают ситуацию в данной сфере.

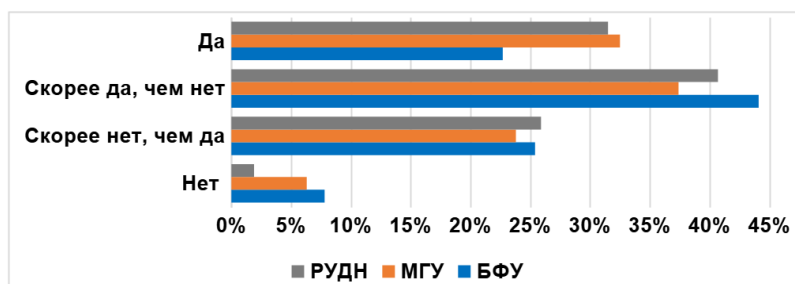

Рис. 6. Результаты ответа на вопрос «Можно ли утверждать, что демографическая ситуация в стране в настоящее время является неблагоприятной?»

При этом на данном фоне значительный интерес представляют результаты ответа на вопрос о том, зависит ли, по мнению участников опроса, именно от них демографическая ситуация в стране в будущем?

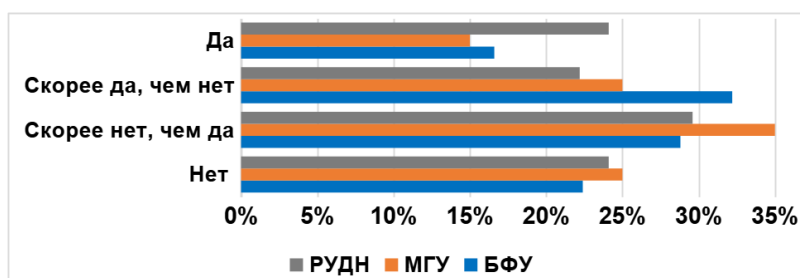

Рис. 7. Результаты ответа на вопрос «Как Вы считаете, зависит ли лично от Вас демографическая ситуация страны в будущем?»

Большинство опрошиваемых (рис. 7) во всех представленных ВУЗах не видят личной возможности влияния на демографическую ситуацию в стране в будущем (варианты ответов «скорее нет, чем да» и «нет») и как следствие – в дальнейшем могут не предпринимать соответствующих действий, выражающихся в стремлении иметь детей. Обращает внимание, что 60 % студентов МГУ им. М. В. Ломоносова считают, что они не могут влиять на демографическую ситуацию в стране, в то время как аналогичной точки зрения придерживаются 51,2 % студентов БФУ им. И. Канта и 53,7 % из РУДН.

В данном контексте научный интерес представляет оценочное отношение респондентов к понятию «неполная семья». В подавляющем большинстве данное понятие рассматривается участниками опроса исключительно в отношении наличия / отсутствия обоих родителей (70,4 % в РУДН; 85 % в МГУ; 83,1 % в БФУ им. И. Канта). При этом семья без детей оценивается в качестве таковой только 14,8 % участников опроса из РУДН; 1,7 % – МГУ и 4,6 % – БФУ. Данное обстоятельство указывает на отсутствие в представлениях студенческой молодежи взаимосвязей между полнотой и полноценностью института семьи и наличием в ней детей.

Обсуждение. Полученные в результате проведенного исследования результаты и сформулированные на их основе выводы являются уникальными и обладают научной новизной по признакам репрезентативности, инициативности исследования, специфичности исследовательской выборки (ранее среди выбранного контингента аналогичные исследования не проводились), масштабности и географического охвата. Поскольку в качестве базы исследования использовалась образовательная среда образовательных организаций высшего образования федерального значения, респонденты, непосредственно вовлеченные в опрос, фактически представляют население всей территории страны, поскольку доля студентов, непосредственно проживающих в городах нахождения данных вузов, составляет не более 35–45 % (в зависимости от конкретного вуза), а большинство студентов являются приезжими из других городов и регионов.

Исследование показало, что, несмотря на то, что вопросы демографии активно обсуждаются в средствах массовой информации, в стране реализуется национальный проект «Демография» [5, с. 7], полученные результаты свидетельствуют о том, что опрошенные студенты мало информированы о демографических процессах, а вопросам воспитания ценностного отношения к семье не уделяется должного внимания при реализации образовательных про-

грамм и во внеучебной деятельности. Отдельные положения и умозаключения, сформулированные в данной работе, подтверждаются результатами и выводами, сформулированными иными авторами по итогам проведенных ими исследований. Так, например, К. М. Завершинских и А. В. Симонова по результатам проведения исследования ценностных ориентаций студентов МГТУ им. Г. И. Носова в качестве основных тенденций в отношении молодых людей к проблеме семейных ценностей сформулировали выводы о важности для молодежи материальной базы в качестве необходимой составляющей благополучной семьи; о приоритете для молодых людей таких ценностей, как образование, материальное благополучие и комфорт, здоровье, интересная работа, профессиональное развитие. В рамках данного исследования также было доказано, что для большинства представителей молодежи наличие семьи и детей входит в число наиболее значимых жизненных целей в долгосрочной перспективе, в приоритетных же целях семья стоит не на первых позициях, а основные причины неуверенности и тревоги за свое будущее студенты связывают с отсутствием необходимого дохода. Этот же критерий, по оценке авторов, является доминирующим фактором, препятствующим созданию семьи для большинства опрошенных [5, с. 7]. В настоящее время произошло смещение приоритетов с семейных ценностей к материальным благам. Так называемая «сексуальная революция», произошедшая в 90-е гг. XX в., привела к катастрофическому разрушению таких личностных ценностей, как забота о собственном репродуктивном здоровье, целомудрие, девственность, и появлению деструктивных понятий «гомосексуализм», «гражданский брак» и т. д., в связи с чем в образовательных организациях возникла необходимость интеграции в учебный процесс стратегии воспитания и формирования у студентов традиционных семейных ценностей и ответственного демографического поведения, а также проведение широкого перечня мероприятий, направленных на приоритетную поддержку института семьи в среде обучающейся молодежи. Ближайшей задачей образовательных организаций разного уровня является разработка дополнительных программ, проведение мастер-классов и других социально значимых мероприятий, направленных на формирование семейных ценностей, ответственной гражданской позиции и сексуального поведения.

Д. И. Жиренко и А. Ф. Поломшинов, анализируя материалы анкетирования студентов, приходят к выводам о том, что в настоящее время институт семьи и брака действительно претерпевает изменения, не являясь первичным приоритетом для молодых людей. Но при этом многие респонденты по-прежнему считают официально зарегистрированный брак необходимым, планируют завести семью и имеют адекватную, не извращенную семейно-брачную ориентацию. Авторы настаивают, что современный брак в представлении современных студентов основан на сочетании прежних, свойственных традиционной семье, и новых ценностей, которые можно считать отражением адаптационных процессов социального института семьи к реалиям жизни [4, с. 3].

О. В. Федонина, анализируя проблемы молодежи через демографические аспекты развития территорий (на примере Республики Мордовия), приходит к выводу, что в настоящее время демографическое состояние регионов характеризуется низкой рождаемостью, реализуемой на фоне отсутствия стремлений молодого поколения к рождению детей, что не обеспечивает уровень простого воспроизводства; значительной дифференциацией в показателях демографического развития регионов на фоне различий религиозных воззрений молодежи, недостаточности идеологического подкрепления традиционных представлений о важности и незыблемости семейных ценностей и разности в менталитете населения разных регионов страны. При этом исследователем обращается внимание на важность акцентирования качественной структуры рождаемости, укрепления института семьи, возрождения и усиления духовно-нравственных традиций семейных отношений в процессе разработки новых мер демографической политики государства [18, с. 2].

Г. В. Антонов, анализируя факторы формирования демографических установок, установил, что на популяцию молодых людей в возрасте от 21 до 35 лет оказывает негативное влияние интернет, музыкальная продукция, включая клипы, окружающая социальная среда, телевидение, кинотеатры, радио. Книги и культурные учреждения оказывают нейтральное влияние и лишь религия – положительное [1, с. 12]. Основной контингент респондентов – студенты медицинских и педагогических специальностей, которые в перспективе должны заниматься просветительской деятельностью среди населения, касающейся семейных ценностей, и непосредственно влиять на рождаемость как основной демографический показатель, который включает множество факторов: политическая и экономическая ситуации, воспитание, форми-

рование традиционных семейных и национальных ценностей и др. В связи с чем актуальными задачами образовательных организаций являются воспитание обучающихся, направленное на формирование положительного отношения к собственному репродуктивному здоровью, сохранение и приумножение семейных ценностей. Возникает необходимость в расширении задач не только по формированию профессиональных компетенций, регламентированных Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) соответствующих специальностей, но и воспитание молодого специалиста, ответственного за себя и свою семью.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, на основании объективных статистических и аналитических данных, характеризующих сферу демографии в России и в мире, принимая во внимание точки зрения авторов по смежным темам исследования, можно сформулировать следующие выводы:

1. В результате статистического и качественного анализа демографических установок студенческой молодежи на современном этапе установлены корреляционные взаимосвязи их содержания с процессами формирования традиционных семейных ценностей, что позволяет дать прогностическую оценку формированию моделей семейного поведения, специфики восприятия семьи, различных ее форм, семейных ценностей, являющихся основным источником.

2. В современной студенческой среде наблюдается плюрализм мнений относительно возможных форм межличностных взаимоотношений. На фоне сохраняющегося приоритета традиционных отношений между мужчиной и женщиной в форме зарегистрированного брачного союза усиливаются тенденции допустимости неофициальных, полигамных и однополых взаимоотношений, что существенно подрывает базовые традиционные идеологические и духовно-нравственные основы современного общества.

3. В качестве основных личностных приоритетов студентами обозначается поиск себя и личностное развитие, построение карьеры и профессиональное совершенствование, достижение финансовой независимости и материального благополучия в ущерб стремлениям к созданию семьи и рождению детей. Согласно представлениям студентов состояние демографической ситуации в стране в перспективном плане в целом не зависит от создания семьи, моделей семейного поведения, семейных ценностей.

4. Обозначенные тенденции в формировании демографических установок студенческой молодежи, сформулированные по итогам анализа результатов, полученных в рамках содержательного и оценочного блоков проведенного исследования, на фоне объективных статистических и аналитических сведений, характеризующих основные модели перспективного личностного развития, оказывают непосредственное влияние на формирование традиционных семейных ценностей, воспитание положительного отношения к ним и демографическую ситуацию в стране в целом.

5. Анализ полученных результатов вызывает обоснованные опасения и требует принятия соответствующих решений на уровне системы образования, властных структур по оперативному и своевременному совершенствованию мер, предпринимаемых на государственном уровне в сфере демографии, а также по корректировке идеологических основ, транслируемых в современном российском обществе.

Список литературы

1. Антонов Г. В. Основные факторы формирования демографических установок населения современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 169–182. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-4-169-182.
2. Вишневский А. Г. Сбережение народа или депопуляция России? : монография. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 84 с.
3. Елин А. М., Пашин Н. П. Проблемы демографии и пути их решения в современной России // Вестник науки и образования. 2019. № 17 (71). С. 19–28.
4. Жиренко Д. И., Поломшинов А. Ф. Семейно-брачная ориентация студентов (социологическое исследование) // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. 2023. № 1. С. 45–54.
5. Завершинских К. М., Симонова А. В. Изучение ценностных ориентаций молодежи как особой социально-демографической категории // Гуманитарно-педагогические исследования. Раздел 11: Общественные науки. 2022. Т. 6. № 3. С. 33–48.
6. Зискин К. И., Петровский В. А. Мотивирующее оценивание // Наука и школа. 2016. № 5. С. 14–23.
7. Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 60–71.
8. Крутиков В. К., Косогорова Л. А. Инновационная проекция «тройной спирали»: благоприятная среда цифровой медицины для принятия врачебных решений / М. В. Якунина, С. В. Шаров // Journal of Complementary Medicine Research. 2021. С. 56–63.

9. Левина Е. И. Методика оценки демографических процессов в регионе // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 3 (35).
10. Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 20.10.2023).
11. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 20.10.2023).
12. Паспорт национального проекта «Демография»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16) / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 18.12.2023).
13. Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/info/35566/> (дата обращения: 28.10.2023).
14. Савинская О. Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 122–131.
15. Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения. Научный доклад / под ред. академика РАН Б. Н. Порфирьева. М. : Арт-Принт, 2022. 168 с.
16. Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы : доклады Института Европы РАН / под ред. М. В. Каргаловой. 2016. Сборник № 326. М. : ИЕ РАН. 141 с.
17. Ткаченко А. А. Демографическое возрождение или *deceptio visus*? // Власть. 2018. № 1. С. 47–58.
18. Федонина О. В. Демографические угрозы и их проявление в молодежной среде на региональном уровне // Контентус. 2018. № 1. С. 10–19.
19. Хамова С. Н. Соотношение объективного и субъективного компонентов в оценивании знаний студентов высшего учебного заведения // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 6А. С. 341–353.
20. Штейн Э., Горен Э., Чун-Вей Я. и др. Сценарии рождаемости, смертности, миграции и численности населения для 195 стран и территорий в период с 2017 по 2100 год: прогнозный анализ для исследования глобального бремени болезней // Lancet. 07, 2020. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30677-2.
21. The Ageing Report 2015: Economic and Budgetary Projections for the 28 EU Member States (2013–2060) [Electronic resource] / European Commission // European Economy Institutional Paper. No. 3. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2015. P. 17. URL: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/european_economy/.

Demographic attitudes of students in the context of the formation of new family values

Gushchina Galina Anatolyevna¹, Buldakova Natalia Viktorovna²,
Perepelitsa Svetlana Alexandrovna³, Kostsova Nadezhda Grigorievna⁴,
Kaknaeva Polina Vyacheslavovna⁵

¹Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor at the Institute of Education and Humanities, I. Kant Baltic Federal University. Russia, Kaliningrad. ORCID: 0000-0001-6264-9241. E-mail: ggushchina@mail.ru

²Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, Head of the Department of Pedagogy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-1069-9137. E-mail: Nv_buldakova@vyatsu.ru

³Doctor of Medical Sciences, professor, Head of the Department of Surgical Disciplines at the Institute of Medicine and Life Sciences, I. Kant Baltic Federal University.
Russia, Kaliningrad. ORCID: 0000-0002-45359805. E-mail: sveta_perepeliza@mail.ru

⁴senior lecturer at the Accreditation and Simulation Center, Deputy Director of the RUDN University Patrice Lumumba for academic work in the field of "Nursing".
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9708-9643. E-mail: archelaya@yandex.ru

⁵5th year student at the Faculty of Fundamental Medicine, Lomonosov Moscow State University.
Russia, Moscow. E-mail: kaknaeva.p@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the fact that students, having certain demographic attitudes formed in the personality structure and the main models of their prospective personal development, have a direct impact on the formation of traditional family values, fostering a positive attitude towards them and the demographic situation in the country.

The research problem was identified by analyzing and realizing the idea of integrating scientific approaches in the field of pedagogy and sociology in studying the current state of the demographic situation in the Russian Federation at different levels of the education system, understanding by professional communities the need to positively influence it in various aspects in a promising manner, through the formation and implementation of constructive demographic attitudes and traditional family values among student youth.

The purpose of the study is to analyze demographic attitudes and the formation of traditional family values among students at the present stage, to establish correlations of their content with the processes of formation of current family values and a predictive assessment of further family behavior options; to identify the specifics of family perception, its various forms and family values, which is the main source of family reproduction.

The article analyzes the personal attitude of students to their own opportunities to influence the demographic situation in the future; key trends that have a direct impact on the formation of traditional family values are identified; individual results of measuring and analyzing the demographic attitudes of students are presented (based on the results of a study conducted in the educational environment of the BFU. Kant, Lomonosov Moscow State University, Rudn University).

The conclusions formulated according to the results of the study are correlated with objective statistical and analytical information characterizing the sphere of formation of family values among students and demographic processes in Russia and in the world.

Keywords: demographic attitude, traditional family values, reproductive activity, fertility, strategic development, student youth, subjective assessment.

References

1. Antonov G. V. *Osnovnye faktory formirovaniya demograficheskikh ustanovok naseleniya sovremennoj Rossii* [The main factors of the formation of demographic attitudes of the population of modern Russia] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* – Herald of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2015. No. 4. Pp. 169–182. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-4-169-182.
2. Vishnevskij A. G. *Sberezhenie naroda ili depopulyaciya Rossii? : monografiya* [Saving the people or depopulation of Russia? : monograph]. M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 84 p.
3. Elin A. M., Pashin N. P. *Problemy demografii i puti ih resheniya v sovremennoj Rossii* [Problems of demography and ways to solve them in modern Russia] // *Vestnik nauki i obrazovaniya* – Herald of Science and Education. 2019. No. 17 (71). Pp. 19–28.
4. Zhirenko D. I., Polomshinov A. F. *Semejno-brachnaya orientaciya studentov (sociologicheskoe issledovanie)* [Marital orientation of students (a sociological study)] // *Gumanitarnyj vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* – Humanitarian Herald of the Don State Agrarian University. 2023. No.1. Pp. 45–54.
5. Zavershinskih K. M., Simonova A. V. *Izuchenie cennostnykh orientacij molodezhi kak osoboj social'no-demograficheskoy kategorii* [Studying the value orientations of youth as a special socio-demographic category] // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya. Razdel 11: Obshchestvennye nauki* – Humanitarian and pedagogical research. Section 11: Social Sciences. 2022. Vol. 6. No. 3. Pp. 33–48.
6. Ziskin K. I., Petrovskij V. A. *Motiviruyushchee ocenivanie* [Motivating assessment] // *Nauka i shkola* – Science and school. 2016. No. 5. Pp. 14–23.
7. Klupt M. A. *Demograficheskaya povestka XXI veka: teorii i realii* [Demographic agenda of the XXI century: theories and realities] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 2010. No. 8. Pp. 60–71.
8. Krutikov V. K., Kosogorova L. A. *Innovacionnaya proekciya «trojnoj spirali»: blagopriyatnaya sreda cifrovoj mediciny dlya prinyatiya vrachebnykh reshenij* [Innovative projection of the "triple helix": a favorable environment for digital medicine for medical decision-making] / M. V. Yakunina, S. V. Sharov // *Journal of Complementary Medicine Research* – Journal of Complementary Medicine Research. 2021. Pp. 56–63.
9. Levina E. I. *Metodika ocenki demograficheskikh processov v regione* [Methodology for assessing demographic processes in the region] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* – Herald of Tomsk State University. Economy. 2016. No. 3 (35).
10. On the approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 / *Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* – Official website of the Government of the Russian Federation. Available at: <http://government.ru/info/35566/> (date accessed: 20.10.2023) (in Russ.).
11. On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018 / *Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* – Official Website of the Government of the Russian Federation. Available at: <http://government.ru/info/35566/> (date accessed: 20.10.2023) (in Russ.).
12. Passport of the national project "Demography": approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (Protocol No. 16 dated December 24, 2018) / *Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* – Official website of the Government of the Russian Federation. Available at: <http://government.ru/info/35566/> (date accessed: 18.12.2023) (in Russ.).

13. Passport of the national Healthcare project: approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Protocol No. 16 dated December 24, 2018) / *Official'nyj sayt Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* – Official Website of the Government of the Russian Federation. Available at: <http://government.ru/info/35566/> (date accessed: 28/10.2023) (in Russ.).

14. Savinskaya O. B. *Sub'ektivnost' v kachestvennom issledovanii: novye podhody* [Subjectivity in qualitative research: new approaches] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 2007. No. 10. Pp. 122–131.

15. *Sberezhenie naseleniya Rossii: problemy, zadachi, puti resheniya. Nauchnyj doklad* – Saving the population of Russia: problems, tasks, solutions. Scientific report / ed. Academician of the Russian Academy of Sciences B. N. Porfirieva, M. Artik Print, 2022. 168 p.

16. *Social'noe razvitie Evropy: problemy i perspektivy : doklady Instituta Evropy RAN* – Social development of Europe: problems and prospects : reports of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences / ed. by M. V. Kargalova. 2016. Collection No. 326. M. IE RAS. 141 p.

17. Tkachenko A. A. *Demograficheskoe vozrozhdenie ili deceptio visus?* [Demographic renaissance or deceptio visus?] // *Vlast'* – Power. 2018. No. 1. Pp. 47–58.

18. Fedonina O. V. *Demograficheskie ugrozy i ih proyavlenie v molodezhnoj srede na regional'nom urovne* [Demographic threats and their manifestation in the youth environment at the regional level] // *Kontentus* – Contentus. 2018. No. 1. Pp. 10–19.

19. Hamova S. N. *Sootnoshenie ob'ektivnogo i sub'ektivnogo komponentov v ocenivanii znaniy studentov vysshego uchebnogo zavedeniya* [The ratio of objective and subjective components in the assessment of knowledge of students of higher education institutions] // *Pedagogicheskij zhurnal* – Pedagogical journal. 2019. Vol. 9. No. 6A. Pp. 341–353.

20. Stein E., Goren E., Chun-Wei Ya. et al. *Scenarii rozhdaemosti, smernosti, migracii i chislennosti naseleniya dlya 195 stran i territorij v period s 2017 po 2100 god: prognoznnyj analiz dlya issledovaniya global'nogo bremeni boleznej* [Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a predictive analysis for the global burden of disease study] // *Lancet* – Lancet. 07, 2020. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30677-2.

21. The Ageing Report 2015: Economic and Budgetary Projections for the 28 EU Member States (2013–2060) [Electronic resource] / European Commission // European Economy Institutional Paper. No. 3. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2015. P. 17. Available at: https://ec.europa.eu/economy_finance/publications/european_economy/.

Поступила в редакцию: 08.10.2024

Принята к публикации: 06.12.2024

Образовательный дефицит и профицит как педагогическая проблема в системе многоуровневого образования

Леонов Сергей Андреевич

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела менеджмента качества образования.
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0003-3341-718X. E-mail: sergey-leonov@mail.ru

Аннотация. В условиях современной образовательной парадигмы, ориентированной на концепцию непрерывного образования, проблемы образовательного дефицита и образовательного профицита приобретают особую значимость.

В нашей стране многоуровневая система образования находится на этапе реформ, что обостряет необходимость решения проблем, связанных с переходом обучающихся с одного уровня на другой. Образовательные разрывы, возникающие при переходе с одного уровня образования на другой, приводят к серьезным педагогическим проблемам, таким как образовательный дефицит и образовательный профицит. Эти явления остаются недостаточно изученными, что усложняет разработку эффективных стратегий для их преодоления.

Цель исследования: провести анализ степени изученности понятий «образовательный дефицит» и «образовательный профицит», а также предложить новые определения этих понятий в контексте многоуровневой системы образования.

В ходе исследования были проанализированы научные источники, систематизированы имеющиеся данные и предложены авторские определения понятий «образовательный дефицит» и «образовательный профицит».

Решение проблем образовательного дефицита и образовательного профицита требует комплексного подхода и ряда мероприятий, подробно рассмотренных в статье. Формирование многоуровневых образовательных комплексов на базе вузов может стать одним из эффективных способов преодоления образовательных разрывов и повышения качества образования.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий и программ в области образования, направленных на устранение образовательных разрывов, решения проблем образовательного дефицита и образовательного профицита, а также при формировании образовательных комплексов и непрерывных образовательных траекторий.

Ключевые слова: преемственность содержания образования, непрерывное образование, образовательный разрыв, образовательный дефицит, образовательный профицит, педагогическая проблема, многоуровневый образовательный комплекс.

Введение. Современная образовательная парадигма ориентирована на непрерывное профессиональное развитие, а это требует адаптивных и гибких подходов к обучению. В условиях развития Индустрии 4.0 возникают новые задачи и цели образования [25, с. 448]. Отечественная многоуровневая система образования на протяжении своего существования подвергалась многочисленным экспериментам, а также сталкивалась с внедрением инноваций, которые не всегда оказывались успешными и вызвали проблемы с обеспечением преемственности образовательных программ разных уровней образования, что сказывалось на качестве обучения в целом. В настоящее время, когда образовательная система нашей страны находится на пороге серьезных структурных и содержательных реформ, проблемы образовательного дефицита и образовательного профицита, возникающие вследствие такого явления, как образовательный разрыв, приобретают особую значимость в контексте современной образовательной парадигмы. Эти проблемы мало изучены и требуют особого внимания научного сообщества.

Цель исследования: провести анализ степени изученности понятий «образовательный дефицит» и «образовательный профицит», а также предложить новые определения этих понятий в контексте многоуровневой системы образования.

Методы исследования: анализ научных источников по теме, контент-анализ (исследование существующих понятий, необходимых для формулировки новых определений понятий «образовательный дефицит» и «образовательный профицит»), синтез информации, дедуктивный анализ, причинно-следственный анализ.

Процедура исследования: сбор релевантных научных источников. Классификация и категоризация найденных материалов. Выявление общих характеристик и признаков образовательных дефицита и профицита из научных источников и непосредственного профессионального опыта. Сравнение и обобщение различных определений, предложенных исследователями. Разработка собственных определений, основанных на синтезе полученной информации и выявленных характеристиках. Описание последствий образовательных дефицита и профицита для обучающихся и образовательных учреждений. Обобщение выводов и формулирование рекомендаций для предотвращения и коррекции данных проблем.

Единицами для контент-анализа стали:

- «предметный дефицит» (М. Б. Шашкина, Л. В. Шкерина, О. А. Табинова) [23];
- «компетентностный дефицит» (В. А. Балабанова) [5];
- «профессиональный дефицит» (О. П. Дудина) [10];
- сокращение разрывов (достижений) в высшем образовании (Б. Хробак) [24];
- «образовательный дефицит», факторы возникновения образовательного дефицита (М. В. Борисенко и Е. А. Ягмур) [6];
- «бюджетный профицит», «профицит государственного бюджета» (Г. И. Айларова, С. В. Важенин, К. К. Бурдин, Л. А. Мартиросян, Т. С. Пономарева, А. Ю. Пышков) [1; 7; 19; 20];
- «профицит специалистов с высшим образованием» (А. А. Лапинскас, Т. Г. Содномбалова, С. В. Сергеев) [14];
- «профицит знания» (Ю. А. Разинов) [11];
- «профицит возможностей» (Э. В. Лихачева, А. С. Огнев) [17].

Результаты исследования. Если говорить в целом об образовательных разрывах, то следует отметить, с одной стороны, многоаспектность данного понятия, с другой – малоизученность. Под многоаспектностью в данном случае мы понимаем различные варианты образовательных ситуаций, которые можно характеризовать наличием образовательных разрывов. Например, О. В. Бабскова в статье «Совершенствование образовательного процесса в профессиональных образовательных организациях на основе инновационного подхода» обращает внимание на разрыв между требованиями, предъявляемыми к специалистам непосредственно на рабочем месте, и знаниями, умениями и навыками у выпускников образовательных организаций высшего образования, а также на разрыв между уровнем владения компетенциями у выпускников СПО, имеющих практический опыт, и выпускников ВО, адаптирующихся к условиям профессиональной деятельности [4, с. 448]. В данных ситуациях возникают образовательные разрывы.

Образовательный разрыв, по нашему мнению, представляет собой расхождение между уровнем знаний, навыков и умений учащихся и требованиями, предъявляемыми на определенном этапе образования. Он также возникает при переходе с одной ступени образования на другую, когда в одной группе оказываются обучающиеся с разным уровнем готовности к освоению образовательной программы, а также образовательным разрывом можно считать расхождение между компетенциями, приобретенными в процессе обучения, и требованиями работодателя.

Образовательные разрывы могут иметь серьезные последствия не только для образовательной системы в целом, но и для будущей карьеры и личностного развития студентов. Образовательные разрывы приводят к существенным педагогическим проблемам, таким как образовательный дефицит и образовательный профицит. Анализ исследований показал, что такое явление, как «образовательный разрыв», и такие проблемы, как «образовательный дефицит» и «образовательный профицит», мало изучены. В настоящий момент в научной литературе не представлены емкие и актуальные определения понятий «образовательный дефицит» и «образовательный профицит». Ученые занимаются различными педагогическими проблемами, включая трудности студентов в обучении, вопросы мотивации и формирование образовательных траекторий [2; 3; 9; 18].

Наиболее близким направлением исследований, в рамках которого предположительно можно обнаружить сведения об образовательном дефиците или образовательном профиците, является адаптация студентов к условиям вуза, к условиям нового уровня образования. Исследованиями в этой области занимались У. В. Хахалкина, О. В. Улыбина [22], Т. Д. Дубовицкая, А. В. Крылова [9], И. Ю. Аскарина [2], Л. А. Антипова [3], Т. Н. Коржавина [13], Л. Н. Голуб [8]. Однако в представленных исследованиях по вопросам адаптации студентов не отмечены такие проблемы, как образовательный дефицит и образовательный профицит. Более того, исследователи обращают внимание на малоизученность вопросов адаптации студентов к обучению на новой ступени образования [3, с. 70].

Рассмотрим более подробно теоретические аспекты понятий «образовательный дефицит» и «образовательный профицит». Проблемы образовательного дефицита и образовательного профицита связаны с вопросами качества образования, преемственности образовательных программ разных уровней образования, вопросами адаптации студентов на новых уровнях образования.

Прежде всего, необходимо изучить, каким образом в современных исследованиях рассматривается проблема образовательного дефицита и что предлагается для ее решения. В некоторых исследованиях можно встретить такие понятия, как «компетентностный дефицит», «предметный дефицит», «профессиональный дефицит», «образовательный дефицит». Однако анализ научных работ показал, что в представлениях научного сообщества не разграничены понятия «профессиональный дефицит» и «образовательный дефицит», это свидетельствует о неясности семантического ядра понятия «образовательный дефицит». Несмотря на частое использование словосочетания «образовательный дефицит» в научных исследованиях, его полноценное определение отсутствует, поскольку авторы зачастую рассматривают не образовательный, а профессиональный дефицит. Словосочетание «образовательный профицит» не представлено в научных исследованиях. Таким образом, понятия «образовательный дефицит» и «образовательный профицит» не введены в научный оборот.

В статье Л. В. Шкериной, М. Б. Шашкиной и О. А. Табиновой «Выявление и преодоление предметных дефицитов студентов – будущих учителей математики» рассмотрены исследования и диагностики профессиональных компетенций педагогов [23, с. 173]. Цель исследования заключается в выявлении дефицитов предметно-методической подготовки студентов, особенно будущих учителей математики. На основе выявленных дефицитов у конкретной группы студентов были предложены пути преодоления данной проблемы, такие как организация системы тьюторского, а также последилового сопровождения выпускников. Однако в статье не приводится определение понятия предметного/профессионального дефицита.

В. А. Балабанова в статье «Социализационная депривация современного студента как компетентностный дефицит» обращает внимание, что многие студенты имеют дефицитарные потребности, проявляющиеся в отсутствии социальной компетентности. Исследование показало высокий уровень эмоциональной уязвимости у студентов, что затрудняет их способность ставить перед собой новые задачи и адаптироваться к новым условиям [5; 21]. Для решения этой проблемы автор предлагает организацию коррекционно-образовательной деятельности и создание условий для социальной интеграции, введение социально-психологических тренингов для развития потенциала каждого студента. В статье не приводится определение компетентностного дефицита, однако читатель приобретает представление о его сущности.

О. П. Дудина в исследовании «Мониторинг профессиональных дефицитов как средство формирования эффективной системы непрерывного профессионального развития педагогов профессиональных образовательных организаций» рассматривает проблему повышения квалификации педагогических работников, а также понятие профессионального дефицита на примере деятельности педагогов профессиональных образовательных организаций. Дано определение профессионального дефицита педагогов: «под профессиональным дефицитом понимаются профессиональные компетенции педагогического работника, которые отсутствуют или выражены недостаточно для эффективного осуществления образовательной деятельности» [10, с. 53].

Анализ исследований иностранных коллег показал, что образовательные разрывы, которые впоследствии приводят к образовательным дефицитам, трактуются в большей степени с точки зрения социального неравенства или социального положения. Так, в статье «Сокращение разрывов (достижений) в высшем образовании с помощью мер социальной принадлежности: систематический обзор» Б. Хробак (Narrowing (Achievement) Gaps in Higher Education with a Social-Belonging Intervention: A Systematic Review, Bartłomiej Chrobak) приводится систематический обзор роли социальной принадлежности в высшем образовании. В исследовании рассматривается необходимость сокращения разрывов в достижениях студентов первого курса, а также приводятся рекомендации для последующих действий [24].

В своей работе «Наставничество как инструмент восполнения образовательных дефицитов при подготовке кадров экономики знаний» М. В. Борисенко и Е. А. Ягмур анализируют содержание образовательных дефицитов у выпускников профессионального образования, рассматривают роль наставников в учебном процессе, выявляют потенциальные риски и условия успешного внедрения наставничества. Образовательный дефицит авторы статьи

определяют следующим образом: «неспособность к автономному выполнению конкретных профессиональных функций, а также неготовность к принятию индивидуальных решений в процессе их выполнения может называться «образовательным дефицитом» наставляемых» [6, с. 48]. Также в статье выделяется общий признак для различных типов образовательных дефицитов – «отсутствие способности самостоятельно выполнять надлежащие трудовые функции» [6, с. 48]. Однако, по нашему мнению, в данном случае речь идет не об образовательном дефиците, а о профессиональном, так как дефицит возникает непосредственно в профессиональной среде. Ключевым образующим признаком образовательного или профессионального дефицита становится среда, в которой они возникают. Образовательный дефицит связан с образовательной средой и если не будет своевременно устранен, то впоследствии, при переходе в профессиональную среду, станет одной из причин возникновения профессионального дефицита. К числу других причин можно отнести отсутствие опыта работы.

М. В. Борисенко и Е. А. Ягмур предлагают следующие типы образовательных дефицитов, включая дефициты, связанные с ограниченными возможностями здоровья, возрастной или индивидуальной несамостоятельностью (несформированностью субъектной позиции), социальной дезадаптацией, сложной социальной ситуацией развития, адаптационным периодом и дефицитом мотивации к деятельности [6, с. 48]. Тем не менее анализ данного исследования не позволяет согласиться, что перечисленные типы образовательных дефицитов эквивалентны понятию «образовательный дефицит», которое мы стремимся определить. Представленные типы образовательных дефицитов являются факторами, способствующими возникновению образовательных дефицитов. Например, ограниченные возможности здоровья сами по себе не могут считаться образовательным дефицитом, но могут привести к нему, если необходимые знания и навыки не усваиваются из-за этих ограничений. С точки зрения исследования факторов, способствующих возникновению образовательных дефицитов, исследование М. В. Борисенко и Е. А. Ягмур является ценным. Однако в контексте нашего исследования, применительно к системе многоуровневого образования, важнейшим фактором возникновения образовательного дефицита является нарушение преемственности образовательных программ разных уровней образования (как в одной образовательной организации, так и в разных организациях в рамках одного направления (специальности) подготовки), в связи с чем знания, умения, навыки, полученные на одном уровне образования, оказываются недостаточными для уверенного освоения образовательной программы на следующем уровне.

Таким образом, видим необходимость в подробном рассмотрении факторов возникновения образовательных дефицитов (см. таблицу 1):

Таблица 1

Факторы возникновения образовательного дефицита	
Фактор	Описание
1. Ограниченные возможности здоровья	Физические и (или) психические особенности, препятствующие освоению образовательных программ без создания специальных условий для обучения
2. Несамостоятельность (несформированность субъектной позиции)	Состояние, при котором обучающийся не обладает достаточными навыками для самостоятельной постановки цели, планирования и контроля образовательной деятельности
3. Социальная дезадаптация	Затруднения при взаимодействии с другими людьми и социальной средой
4. Осложненная социальная ситуация развития	Обучающиеся с неблагоприятными условиями жизни и воспитания (дети-сироты, трудные подростки)
5. Адаптационный период в новой образовательной среде	Адаптация при переходе в новую образовательную среду или при изменении образовательных условий
6. Мотивация к деятельности	Отсутствие интереса или цели в образовательном процессе
7. Нарушение преемственности образовательных программ разных уровней образования	Несоответствие содержания образовательных программ разных уровней образования, которая приводит к образовательному дефициту и профициту

Составлено автором на основе объединения результатов исследования М. В. Борисенко и Е. А. Ягмур (пункты 1–6) с результатами собственных исследований (пункт 7).

В рамках нашего исследования мы видим необходимость предложить определение термина «образовательный дефицит» применительно к переходу на новый уровень образо-

вания в системе многоуровневого образования: образовательный дефицит – это педагогическая проблема, возникающая при завершении одного уровня образования и при переходе на другой уровень образования в рамках одного направления, когда знаний, навыков и компетенций, полученных на одном уровне образования, оказывается недостаточно для успешного обучения на другом уровне образования.

Образовательный дефицит при переходе студентов с одного уровня образования на другой препятствует успешному обучению и адаптации на новом уровне образования и ведет к ряду негативных последствий: затруднению в усвоении нового материала, отставанию от одноклассников, потере интереса к обучению, негативному влиянию на дальнейшую учебу и карьеру.

Согласно Большому толковому словарю русского языка, слово «профицит» связано с экономической сферой и обозначает «превышение доходов над расходами» [21]. Это подтверждается также современными экономическими исследованиями, авторами которых являются: Г. И. Айларова [1], А. Ю. Пышков, К. К. Бурдин, Л. А. Мартиросян [20], Т. С. Пономарева [19], С. В. Важенин [7].

Иными словами, так называют явление, противоположное дефициту, представляющее собой избыток чего-либо. Рассмотрим некоторые исследования последних лет, чтобы проанализировать другие контексты использования данного слова:

1. Ряд исследователей, А. А. Лапинскас, Т. Г. Содномбалова, С. В. Сергеев, в одной из своих статей отмечают «профицит специалистов с высшим образованием» [14, с. 114].

2. Исследователь Ю. А. Разинов достаточно глобально рассматривает условия существования академической науки в период начала 2000-х гг. и обращает внимание на то давление, которое оказывает среда на человека, вынужденного ориентироваться в достаточно объемных потоках информации. Таким образом формируется общественная нацеленность на «профицит знания», на скорость получения и обработки информации, что сказывается на качестве работы и соответствует деятельности менеджера, а не ученого [11, с. 174–175].

3. Э. В. Лихачева, А. С. Огнев: «профицит возможностей». Авторы исследуют проблему конкретных жизненно важных целей, определяемых студентами в рамках построения индивидуальной образовательной траектории, а также формирование лично каждым студентом перечня необходимых компетенций [17, с. 111].

Применительно к системе многоуровневого образования мы предлагаем следующее определение рассматриваемого нами понятия: образовательный профицит – педагогическая проблема, возникающая при завершении одного уровня образования и при переходе на другой уровень образования в рамках одного направления, когда знания, навыки и компетенции, полученные на одном уровне образования, оказываются значимее, чем те знания, навыки и компетенции, которые студент может получить на новом уровне образования.

Образовательный профицит при переходе студентов с одного уровня образования на другой имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К преимуществам образовательного профицита можно отнести: более глубокое понимание студентами предметной области; лучшая подготовка к исследовательской работе; уверенность и мотивация занять лидирующие позиции в коллективе. Тем не менее если обучение на новом уровне образования не способствует профессиональному развитию, то возникает ряд негативных последствий: недостаток мотивации; риск стагнации личностного и профессионального развития обучающихся; недостаточная подготовленность к постоянно меняющимся требованиям рынка труда.

Образовательный дефицит и образовательный профицит оказывают влияние на качество образовательного процесса, так как вызывают необходимость у педагогов адаптировать учебный материал под различные образовательные потребности обучающихся, связанные с недостаточным и избыточным уровнем освоения компетенций. Это непростая задача, которую невозможно решить в рамках отдельного курса или дисциплины. Поэтому образовательные дефицит и профицит являются педагогическими проблемами, решение которых становится актуальной задачей для профессионального образования в контексте реформ, необходимости достижения технологического суверенитета, формирования обновленной национальной образовательной модели.

Обсуждение результатов. В контексте концепции непрерывного образования развитие многоуровневого образования, а также проблемы, возникающие при проектировании многоуровневых образовательных программ, приобретают стратегическую значимость для

отечественного образования. Многоуровневое образование представляет собой совокупность образовательных программ разных уровней образования, ориентированных на развитие в определенной предметной области, профессиональной сфере. Переходы между уровнями образования связаны с новым витком профессионального обучения и развития, так как открывают профессиональные возможности и перспективы, обусловленные углублением и расширением компетенций. Образовательные дефицит и профицит при переходе с одного уровня образования на другой имеют серьезные негативные последствия для профессионального развития студентов, а также для всей системы многоуровневого образования.

Поэтому важно принимать меры для предотвращения и преодоления образовательных дефицита и профицита. Пути решения проблем, связанных с образовательными дефицитом и профицитом:

1. *Индивидуализация образования.* Преподаватели должны стремиться к индивидуальному подходу в обучении студентов с образовательными дефицитом и профицитом. Студентам с образовательным дефицитом необходимо оказать помощь в эффективном освоении материала за максимально короткие сроки, благодаря назначению наставника, проектированию индивидуального образовательного маршрута. Студентам с образовательным профицитом необходимо предоставить дополнительные задания, продвинутые курсы или возможности для самостоятельного исследования, чтобы удовлетворить их потребности в обучении и профессиональном росте.

2. *Введение специализированных адаптационных (поддерживающих) программ.* Вводить адаптационные (поддерживающие) программы ДПО (дополнительного профессионального образования). Университеты могут разработать специализированные программы для студентов с образовательными дефицитом и профицитом. Эти программы предоставят дополнительные возможности для глубокого изучения предметной области, участия в исследовательской работе и развития специализированных навыков. Программы выполняют поддерживающую и дополняющую функции [15, с. 257].

3. *Организация системы наставничества.* Университеты могут разрабатывать программы наставничества, благодаря которым студенты с образовательными дефицитом и профицитом получают поддержку от преподавателей или студентов, а также представителей работодателей, вовлеченных в реализацию образовательных программ. Программа наставничества направлена на создание благоприятных условий для студентов, чтобы они могли успешно осваивать образовательные программы разных уровней образования. Эта система поддержки предполагает постоянное сопровождение студентов на всех этапах их обучения, обеспечивая непрерывность и последовательность наставничества [16, с. 94].

4. *Деятельность учебных заведений, направленная на адаптацию студентов на новом уровне обучения.* Например, развитие сетевого взаимодействия учебных заведений. Сетевое взаимодействие может помочь обучающимся освоить образовательную программу выбранного уровня благодаря использованию образовательных ресурсов разных образовательных учреждений, в т. ч. за счет взаимного согласования содержания образовательных программ на одном уровне образования, так и в рамках перехода обучающихся на новый уровень образования.

5. *Система мониторинга знаний, умений и навыков обучающихся при переходе на новый уровень образования.* Входной контроль способствует определению индивидуальных образовательных потребностей обучающихся, своевременному выявлению образовательных дефицита и профицита, а также прогнозированию возможных трудностей в обучении у обучающихся с разным уровнем освоения компетенций предыдущего уровня образования. Входной контроль играет важную роль для последующего проектирования индивидуальных образовательных траекторий обучающихся.

6. *Организация центров карьерного сопровождения.* В рамках деятельности центров карьерного сопровождения могут быть организованы мероприятия и тренинги для обучающихся, направленные на углубление понимания собственного развития в выбранной профессии, а также на оказание помощи в выборе места работы, составлении резюме, прохождении собеседований. Сотрудничество с работодателями может позволить центрам организовывать стажировки и практики, что повышает шансы на успешное трудоустройство выпускников.

Таким образом, проблему возникновения и устранения образовательных дефицита и профицита необходимо решать комплексно, ориентируясь не только на решение текущих кадровых проблем, но и на разработку долгосрочных стратегий и программ. Одним из инно-

вационных подходов к решению проблемы может стать создание многоуровневых образовательных комплексов на базе вузов, осуществляющих проектирование и реализацию образовательных программ среднего профессионального образования (СПО), высшего образования (бакалавриат (специалитет), магистратура, аспирантура (ассистентура-стажировка), программ профессионального обучения и программ дополнительного профессионального образования. Под многоуровневыми образовательными комплексами мы понимаем организационную структуру образовательной организации, в которой объединяются различные уровни образования и образовательные программы в единую педагогическую систему. Это означает интеграцию и согласование образовательных процессов на разных уровнях образования для обеспечения непрерывного и последовательного образовательного процесса, что способствует более эффективному профессиональному и карьерному развитию студентов.

Преимуществом содержания образовательных программ разных уровней образования, а также вспомогательная функция программ профессионального обучения и программ ДПО необходимы как для комплексной подготовки специалистов, так и для повышения управляемости процессами подготовки кадров на каждом этапе, а также управляемости смежными процессами (проектированием, обеспечением, реализацией и сопровождением образовательного процесса). Именно многоуровневые образовательные комплексы становятся основой для эффективной реализации принципов непрерывного образования.

Заключение. Образовательный дефицит и образовательный профицит являются существенными педагогическими проблемами в контексте современной образовательной парадигмы. Их решение напрямую связано с тем, будут ли успешно реализованы индивидуальные образовательные и индивидуальные карьерные траектории.

Понятия «образовательный дефицит» и «образовательный профицит» требуют внимания научного сообщества, а также дополнительных исследований на примере образовательной среды каждой образовательной организации с целью планирования и реализации мероприятий, направленных на повышение качества образования, сохранения контингента учащихся и подготовки специалистов высокого уровня готовности к профессиональной деятельности.

Преодоление проблемы образовательных дефицитов и профицитов должно стать приоритетной задачей для образовательных организаций и научного сообщества. Комплексные меры и активное участие всех заинтересованных сторон способны значительно повысить качество отечественного образования. Это позволит не только удовлетворить текущие потребности экономики и общества, но и заложить прочную основу для устойчивого развития страны в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Айларова Г. И. Анализ механизма образования бюджетного дефицита как теоретическая основа формирования бюджетного профицита // Рыночные реалии: региональный аспект. Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2000. С. 116–120.
2. Аксарина И. Ю. Адаптация к новым учебно-воспитательным условиям как одна из проблем высшего профессионального образования // Вестник Югорского государственного университета. 2006. № 4 (5). С. 3–4.
3. Антипова Л. А. Условия успешной адаптации студентов младших курсов к условиям вуза // Среднее профессиональное образование. 2008. № 6. С. 69–71.
4. Бабскова О. В. Совершенствование образовательного процесса в профессиональных образовательных организациях на основе инновационного подхода // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2020: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 22 мая 2020 года. Том 1. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. С. 488–492.
5. Балабанова В. А. Социализационная депривация современного студента как компетентностный дефицит // ДНИ НАУКИ-2017 : сборник трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 2017. С. 19–26.
6. Борисенко М. В., Ягмур Е. А. Наставничество как инструмент восполнения образовательных дефицитов при подготовке кадров экономики знаний // Экономика и эффективность организации производства. 2022. № 35. С. 46–50.
7. Важенкин С. В. Причины профицита государственного бюджета России // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 4. С. 128–133.
8. Голуб Л. Н. Педагогические условия и факторы эффективной адаптации студентов в условиях вуза // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 8. С. 14–16.

9. Дубовицкая Т. Д., Крылова А. В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 8.06.2024).
10. Дудина О. П. Мониторинг профессиональных дефицитов как средство формирования эффективной системы непрерывного профессионального развития педагогов профессиональных образовательных организаций // Достижения науки и образования. 2020. № 14 (68). С. 52–54.
11. Разинов Ю. А. Идея университета и топос мысли : мат-лы конференции, посвященной 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов САМГУ. Самара : Самарский университет, 2005. 292 с. / Ю. А. Разинов // Вестник Самарского государственного университета. Естественно-научная серия. 2006. № 5-1 (45). С. 173–177.
12. Калимуллин А. М., Шайдуллина А. Р. Диверсификация моделей интеграции образования, науки и производства в непрерывной системе профессионального образования // Образование и саморазвитие. 2015. № 1 (43). С. 105–113.
13. Коржавина Т. Н. Система педагогических условий успешной адаптации студентов к условиям вуза // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 3. С. 5–15.
14. Лапинская А. А., Содномбалова Т. Г., Сергеев С. В. Еще раз о значении гуманитарных дисциплин (гуманитарные науки и судьбы цивилизации) // Экономический вектор. 2016. № 2 (5). С. 113–119.
15. Леонов С. А. Значение программ дополнительного профессионального образования в системе многоуровневой подготовки будущих специалистов легкой промышленности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 3 (100). С. 255–259.
16. Леонов С. А. Организация системы наставничества в контексте многоуровневой подготовки кадров для легкой промышленности // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1 (156). С. 92–99.
17. Лихачева Э. В., Огнев А. С. Решение проблемы выбора в условиях профицита возможностей в период вузовского образования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-4. С. 110–114.
18. Носкова А. В., Голоухова Д. В., Кузьмина Е. И. Формирование университетской траектории: образовательные мотивы и выборы в нарративах студентов рейтинговых вузов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 88–106.
19. Пономарева Т. С. Понятие государственного бюджета. Дефицит и профицит // СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД на БУДУЩЕЕ науки : сборник статей Международной научно-практической конференции, Томск, 25 мая 2016 года. Т. 2. Томск : Аэтерна, 2016. С. 79–82.
20. Пышков А. Ю., Бурдин К. К., Мартыросян Л. А. Кейнсианская и неоклассическая теории влияния бюджетного дефицита и профицита на экономику страны // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 4 (43). С. 143–146.
21. Справочно-информационный портал «Грамота.ру»: Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=профицит&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=профицит&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 10.06.2024).
22. Хахалкина У. В., Улыбина О. В. Проблемы и пути адаптации студентов первого курса специального профессионального образования и высшего образования к условиям вуза // Исследование различных направлений современной науки: VIII Международная научно-практическая конференция, Москва, 29 января 2016 года. Москва : Олимп, 2016. С. 1250–1256.
23. Шашкина М. Б., Шкерица Л. В., Табинова О. А. Выявление и преодоление предметных дефицитов студентов – будущих учителей математики // Перспективы науки и образования. 2022. № 4 (58). С. 173–192.
24. Chrobak B. Narrowing (Achievement) Gaps in Higher Education with a Social-Belonging Intervention: A Systematic Review // Educ Psychol Rev. 2024. 36, 33. DOI: 10.1007/s10648-024-09867-0.
25. Ovinova L. N., & Shraiber E. G. Pedagogical model to train specialists for Industry 4.0 at University // Perspectives of Science and Education. 2019. № 40 (4). Pp. 448–461.

Educational deficit and surplus as a pedagogical problem in the system of multilevel education

Leonov Sergey Andreevich

PhD in Economics, associate professor, Head of the Department of Quality Management of Education.
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0003-3341-718X. E-mail: sergey-leonov@mail.ru

Abstract. In the context of the modern educational paradigm focused on the concept of continuing education, the problems of educational deficit and educational surplus are becoming particularly important.

In our country, the multi-level education system is at the stage of reforms, which exacerbates the need to solve problems related to the transition of students from one level to another. Educational gaps that arise during the transition from one level of education to another lead to serious pedagogical problems such as educational deficits and educational surpluses. These phenomena remain poorly understood, which complicates the development of effective strategies to overcome them.

The purpose of the study is to analyze the degree of knowledge of the concepts of "educational deficit" and "educational surplus", as well as to propose new definitions of these concepts in the context of a multi-level education system.

In the course of the study, scientific sources were analyzed, the available data were systematized and the author's definitions of the concepts of "educational deficit" and "educational surplus" were proposed.

Solving the problems of educational deficits and educational surpluses requires an integrated approach and a number of measures, which are discussed in detail in the article. The formation of multi-level educational complexes based on universities can become one of the effective ways to overcome educational gaps and improve the quality of education.

The results of the research can be used in the development of strategies and programs in the field of education aimed at eliminating educational gaps, solving problems of educational deficit and educational surplus, as well as in the formation of educational complexes and continuous educational trajectories.

Keywords: continuity of education content, continuous education, educational gap, educational deficit, educational surplus, pedagogical problem, multilevel educational complex.

References

1. Ajlarova G. I. *Analiz mekhanizma obrazovaniya byudzhetnogo deficita kak teoreticheskaya osnova formirovaniya byudzhetnogo proficita* [Analysis of the mechanism of budget deficit formation as a theoretical basis for budget surplus formation] // *Rynochnye realii: regional'nyj aspekt* – Market realities: a regional aspect. Vladikavkaz. K. L. Khetagurov North Ossetian State University, 2000. Pp. 116–120.
2. Aksarina I. Yu. *Adaptatsiya k novym uchebno-vospitatel'nym usloviyam kak odna iz problem vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Adaptation to new educational conditions as one of the problems of higher professional education] // *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Ugra State University. 2006. No. 4 (5). Pp. 3–4.
3. Antipova L. A. *Usloviya uspeshnoj adaptatsii studentov mladshih kursov k usloviyam vuza* [Conditions of successful adaptation of undergraduates to university conditions] // *Srednee professional'noe obrazovanie* – Secondary vocational education. 2008. No. 6. Pp. 69–71.
4. Babskova O. V. *Sovershenstvovanie obrazovatel'nogo processa v professional'nyh obrazovatel'nyh organizatsiyah na osnove innovacionnogo podhoda* [Improving the educational process in professional educational organizations based on an innovative approach] // *Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2020: sbornik nauchnykh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Gatchina, 22 maya 2020 goda. Tom 1* – Actual problems of science and practice: Gatchina Readings 2020: collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, May 22, 2020. Volume 1. Gatchina. State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2020. Pp. 488–492.
5. Balabanova V. A. *Socializacionnaya deprivatsiya sovremennogo studenta kak kompetentnostnyj deficit* [Socialization deprivation of a modern student as a competence deficit] // *DNI NAUKI-2017 : sbornik trudov VIII Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* – DAYS OF SCIENCE-2017 : proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Novosibirsk, 2017. Pp. 19–26.
6. Borisenko M. V., Yagmur E. A. *Nastavnichestvo kak instrument vospolneniya obrazovatel'nyh deficitov pri podgotovke kadrov ekonomiki znaniy* [Mentoring as a tool for filling educational deficits in the training of knowledge economy personnel] // *Ekonomika i effektivnost' organizatsii proizvodstva* – Economics and efficiency of production organization. 2022. No. 35. Pp. 46–50.
7. Vazhenin S. V. *Prichiny proficita gosudarstvennogo byudzheta Rossii* [Reasons for the surplus of the state budget of Russia] // *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya* – Sustainable development of science and education. 2019. No. 4. Pp. 128–133.
8. Golub L. N. *Pedagogicheskie usloviya i faktory effektivnoj adaptatsii studentov v usloviyah vuza* [Pedagogical conditions and factors of effective adaptation of students in university conditions] // *Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Herald of the Central Russian University Educational Consortium. Series: Humanities. 2016. No. 8. Pp. 14–16.
9. Dubovickaya T. D., Krylova A. V. *Metodika issledovaniya adaptirovannosti studentov v vuze* [Methodology for studying students' adaptability in higher education] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* – Psychological science and education. 2010. No. 2. Available at: www.psyedu.ru (date accessed: 08.06.2024).
10. Dudina O. P. *Monitoring professional'nyh deficitov kak sredstvo formirovaniya effektivnoj sistemy nepreryvnogo professional'nogo razvitiya pedagogov professional'nyh obrazovatel'nyh organizatsij* [Monitoring of professional deficits as a means of forming an effective system of continuous professional development of teachers of professional educational organizations] // *Dostizheniya nauki i obrazovaniya* – Achievements of science and education. 2020. No. 14 (68). Pp. 52–54.
11. Razinov Yu. A. *Ideya universiteta i topos mysli : mat-ly konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu kafedry filosofii humanitarnykh fakul'tetov SAMGU* [The idea of the University and the topos of thought : proceedings of the conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of Philosophy of the Humanities Faculties of the Samara State University]. Samara. Samara University, 2005. 292 p. / Yu. A. Razinov // *Vestnik Samarskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Estestvenno-nauchnaya seriya – Herald of Samara State University. Natural science series. 2006. No. 5–1 (45). Pp. 173–177.

12. Kalimullin A. M., Shajdullina A. R. *Diversifikatsiya modelej integratsii obrazovaniya, nauki i proizvodstva v nepreryvnoy sisteme professional'nogo obrazovaniya* [Diversification of models of integration of education, science and production in the continuous system of professional education] // *Obrazovanie i samorazvitiye* – Education and self-development. 2015. No. 1 (43). Pp. 105–113.

13. Korzhavina T. N. *Sistema pedagogicheskikh uslovij uspekhov adaptatsii studentov k usloviyam vuza* [System of pedagogical conditions for successful adaptation of students to university conditions] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* – Modern problems of science and education. 2023. No. 3. Pp. 5–15.

14. Lapinskas A. A., Sodnombalova T. G., Sergeev S. V. *Eshche raz o znachenii gumanitarnykh disciplin (gumanitarnye nauki i sud'by civilizatsii)* [Once again about the importance of the humanities (humanities and the fate of civilization)] // *Ekonomicheskij vektor* – The Economic vector. 2016. No. 2 (5). Pp. 113–119.

15. Leonov S. A. *Znachenie programm dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v sisteme mnogourovnevnoy podgotovki budushchih specialistov legkoj promyshlennosti* [The importance of additional professional education programs in the system of multilevel training of future light industry specialists] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific Notes of the Orel State University. 2023. No. 3 (100). Pp. 255–259.

16. Leonov S. A. *Organizatsiya sistemy nastavnichestva v kontekste mnogourovnevnoy podgotovki kadrov dlya legkoj promyshlennosti* [Organization of a mentoring system in the context of multi-level personnel training for light industry] // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* – Kazan Pedagogical Journal. 2023. No. 1 (156). Pp. 92–99.

17. Lihacheva E. V., Ognev A. S. *Reshenie problemy vybora v usloviyakh proficita vozmozhnostej v period vuzovskogo obrazovaniya* [Solving the problem of choice in conditions of a surplus of opportunities during university education] // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* – Actual problems of the humanities and natural sciences. 2017. No. 1–4. Pp. 110–114.

18. Noskova A. V., Golouhova D. V., Kuz'mina E. I. *Formirovanie universitetskoy traektorii: obrazovatel'nye motivy i vybory v narrativakh studentov rejtingovykh vuzov* [Formation of the university trajectory: educational motives and choices in the narratives of students of rating universities] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 12. Pp. 88–106.

19. Ponomareva T. S. *Ponyatie gosudarstvennogo byudzheta. Deficit i proficit* [The concept of the state budget. Deficit and surplus] // *SOVREMENNYJ VZGLYAD na BUDUSHchEE nauki : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tomsk, 25 maya 2016 goda. T. 2* – MODERN VIEW on THE FUTURE of science : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Tomsk, May 25, 2016. Vol. 2. Tomsk. Aeterna, 2016. Pp. 79–82.

20. Pyshkov A. Yu., Burdin K. K., Martirosyan L. A. *Kejnsianskaya i neoklassicheskaya teorii vliyaniya byudzhethnogo deficita i proficita na ekonomiku strany* [Keynesian and neoclassical theories of the impact of budget deficits and surpluses on the economy of the country] // *Alleya nauki* – Alley of Science. 2020. Vol. 1. No. 4 (43). Pp. 143–146.

21. *Spravochno-informacionnyj portal "Gramota.ru": Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* – Reference and information portal "Gramota.ru": A large explanatory dictionary of the Russian language. Available at: [https://gramota.ru/poisk?query=surplus&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=surplus&mode=slovari&dicts[]=42) (date accessed: 10.06.2024).

22. Hahalkina U. V., Ulybina O. V. *Problemy i puti adaptatsii studentov pervogo kursa special'nogo professional'nogo obrazovaniya i vysshego obrazovaniya k usloviyam vuza* [Problems and ways of adapting first-year students of special vocational education and higher education to university conditions] // *Issledovanie razlichnykh napravlenij sovremennoj nauki: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, Moskva, 29 yanvarya 2016 goda* – Research of various directions of modern science: VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 29, 2016. M. Olymp, 2016. Pp. 1250–1256.

23. Shashkina M. B., Shkerina L. V., Tabinova O. A. *Vyyavlenie i preodolenie predmetnykh deficitov studentov – budushchih uchitelej matematiki* [Identification and overcoming of subject deficits of students – future teachers of mathematics] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya* – Perspectives of science and education. 2022. No. 4 (58). Pp. 173–192.

24. Chrobak B. *Narrowing (Achievement) Gaps in Higher Education with a Social-Belonging Intervention: A Systematic Review* // *Educ Psychol Rev.* 2024. 36, 33. DOI: 10.1007/s10648-024-09867-0.

25. Ovinova L. N., & Shraiber E. G. *Pedagogical model to train specialists for Industry 4.0 at University* // *Perspectives of Science and Education.* 2019. No. 40 (4). Pp. 448–461.

Поступила в редакцию: 26.06.2024

Принята к публикации: 09.10.2024

Феноменология и профилактика профессионального выгорания преподавателя иностранного языка неязыкового вуза

Леушина Ирина Владимировна¹, Рябова Любовь Игоревна²

¹доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: leushinaiv@yandex.ru

²кандидат технических наук, доцент кафедры металлургических технологий и оборудования, Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева. Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-4363-0534. E-mail: kafmto@mail.ru

Аннотация. В центре внимания авторов феномен «профессионального выгорания» преподавателя иностранного языка неязыкового вуза. В последние годы проблема профессионального выгорания членов вузовского сообщества, особенно в условиях динамичного развития социума, должна постоянно находиться в центре внимания его представителей, поскольку пренебрежение данной проблемой предопределяет высокие риски лавинообразного развития у преподавателей одноименного синдрома и снижения эффективности их работы со студентами. В рамках поиска минимизации и нейтрализации негативных последствий этого явления проведен информационно-аналитический обзор открытых источников по теме исследования; выявлен механизм возникновения профессионального выгорания; сформулированы конкретные практические меры; проведена опытно-экспериментальная работа, позволившая доказать их эффективность. Задачи исследования решались с использованием теоретических методов (критический анализ, сравнение и обобщение), а также эмпирических методов сбора и накопления данных, контроля и измерения, оценивания и обработки данных (математические, статистические, графические, табличные). Показано, что с учетом характерных особенностей лингвообразовательного процесса в неязыковом вузе, а именно: четкой профессиональной направленности данного процесса в целом; субъект-субъектного характера взаимодействия, варьирования ролей и доминирования дивергентного мышления участников лингвообразовательного процесса; сочетания личностно- и практико-ориентированного подходов к подготовке выпускников – с наилучшей стороны показали себя меры профилактики и нейтрализации профессионального выгорания, ориентированные на повышение готовности преподавателей иностранного языка в неязыковом вузе поддерживать коммуникацию со студентами по темам их будущей профессиональной деятельности. Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания иностранного языка неязыкового вуза.

Ключевые слова: высшая школа, преподаватель, иностранный язык, неязыковой вуз, лингвообразовательный процесс, профессиональное выгорание, механизм, профилактика.

Введение. Тематика «профессионального выгорания» совсем не нова и обсуждается научным сообществом уже полвека. Американский исследователь Г. Дж. Фрейденбергер в работе «Выгорание: высокая цена высоких достижений», написанной в 1974 г., впервые использовал термин «выгорание», обозначив им эмоциональное истощение людей, приводящее к изменениям в социальной жизни и сфере общения [25]. Как известно, там же Фрейденбергер выделил свои знаменитые 12 ступеней выгорания и заявил о том, что оно схоже с хронической усталостью, но лишь по внешним признакам, поскольку является следствием усталости. Российские ученые-психологи определили выгорание как негативное психологическое состояние человека в профессиях «помогающего» типа, или типа «человек – человек», для которых характерны в том числе гуманистическая направленность и значительный уровень рефлексии [12; 20; 22].

Чаще всего ученые рассматривают выгорание в качестве состояния физического, эмоционального и умственного истощения со следующими компонентами: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений [23; 28]. Это свидетельствует о том, что выгорание как социальное явление должно быть предметом изучения не одной, а многих областей науки, не только смежных с психологией, но и имеющих отношение к профессии конкретного человека. В этой связи в ряде публикаций появился термин «профессиональное выгорание» [1; 19]. Ряд исследователей трактует «профессиональное выгорание» как состояние эмоционального, физического и умственного истощения со снижением

устойчивости к стрессу; крайней степенью усталости; деморализацией, потерей интереса к работе, людям, цинизмом, черствостью и безразличием [26], другие – как совокупность негативных переживаний, связанных с работой, коллективом и всей организацией в целом [16].

В значительной степени профессиональному выгоранию подвержены преподаватели вузов, фактически всегда первыми принимающие на себя социальные перегрузки, связанные, например, со сменой общественного строя, технологических укладов или модернизацией такой чувствительной к любым изменениям сферы общественной жизни, как образование, и испытывающие высокие нервные напряжения и эмоциональные переживания, обусловленные спецификой своей профессиональной деятельности.

Американская Ассоциация по изучению системы образования (ASHE) считает, что выгоранию подвержены представители профессий, максимально предполагающих общение, и отдающие больше, чем получают от других.

Очевидно, проблема профессионального выгорания в вузовском сообществе, особенно в условиях динамичного развития социума, которое имеет место в последние десятилетия, должна постоянно находиться в центре внимания его представителей, поскольку пренебрежение ею предопределяет высокие риски лавинообразного развития у них одноименного синдрома и снижения эффективности их работы. Как следствие, феноменология профессионального выгорания преподавателей вузов в целом и отдельных групп и категорий в частности по-прежнему представляет интерес для исследования.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – поиск путей минимизации негативных последствий профессионального выгорания преподавателя иностранного языка неязыкового вуза.

Для достижения указанной цели авторами статьи последовательно решались следующие задачи:

- информационно-аналитический обзор открытых источников по теме исследования;
- выявление механизма профессионального выгорания преподавателя иностранного языка неязыкового вуза;
- выработка предложений, направленных на минимизацию негативных последствий профессионального выгорания;
- проведение опытно-экспериментальной работы, включающей первичную оценку степени профессионального выгорания преподавателя иностранного языка неязыкового вуза и вторичную оценку после реализации некоторых из предложений с использованием соответствующего инструментария.

Методология исследования. В работе применялись теоретические методы (критический анализ, сравнение и обобщение), эмпирические методы сбора и накопления данных (наблюдение, опрос), контроля и измерения (шкалирование), оценивания (экспертная оценка), обработки данных (математические, статистические, графические, табличные с использованием программы MS Excel).

Результаты исследования и их обсуждение. *Итоги информационно-аналитического обзора.* Как показал проведенный авторами данной статьи информационно-аналитический обзор, рост интереса к проблематике профессионального выгорания в нашей стране наблюдался с 2000 г. Российские ученые (психологи, социологи) выпустили большое число статей, зафиксированных в Elibrary. За рубежом, в основном в США, также активно исследовали профессиональное выгорание преподавателей [10]. При этом максимальное количество статей увидели свет в 2021 г.

Ставшее уже классическим понимание явления «профессионального выгорания» в российской науке дается в работе В. В. Бойко [3].

Публикации по проблематике профессионального выгорания преподавателя вуза, в основном, можно условно разделить на следующие группы:

- 1) сфокусированные на генезе явления, включающем как его зарождение, так и дальнейшее развитие;
- 2) ориентированные на фиксацию факторов проявления выгорания;
- 3) посвященные диагностике явления и методикам обработки полученных результатов;
- 4) выявляющие особенности выгорания в зависимости от статуса преподавателя – принадлежность к определенной категории по одному из признаков (пол, возраст, должность, педагогический стаж, форма обучения студентов);
- 5) нацеленные на профилактику негативных последствий выгорания;
- 6) стремящиеся рассмотреть все перечисленные аспекты во взаимосвязи.

Так, например, в работе Л. Н. Молчановой [20] из первой группы публикаций сделана попытка рассмотреть генез состояния психического выгорания у педагогов в контексте профессиональной успешности с использованием теории о функциональной психологической системе деятельности по трем его фазам «напряжение – резистенция – истощение».

По результатам исследования И. В. Никулиной [21] (вторая группа публикаций), профессиональное выгорание представляет собой синдром, характеризующийся эмоциональным истощением, деперсонализацией и редукцией персональных достижений. В работе детально описаны признаки их проявления.

Бразильско-испанский коллектив авторов работы [30] по итогам проведенного систематического обзора открытых публикаций без языковых ограничений или ограничений по датам поиска информации, зафиксированных в Международных базах данных PubMed, Science Direct, PsycINFO, SciELO, LILACS и Web of Science, акцентирует внимание читателей на физических и психологических последствиях профессионального выгорания.

В работах [5; 8; 18; 24] из третьей группы публикаций описан опыт использования для диагностики и квалиметрии явления как отечественных, так и зарубежных методик – опросника «Эмоциональное выгорание» по В. В. Бойко, «Опросника профессионального выгорания MBI/ПВ» К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой), методики «Шкала профессиональной апатии JAS» Г. Шмидт (в адаптации А. А. Золотаревой). Однако данные методики в большей степени акцентируют внимание на психологическом аспекте профессионального выгорания.

В статье китайских исследователей вопроса, опубликованной в журнале «Frontiers in Psychology» в 2022 г. [31], исследуется роль агрессии и выгорания китайских преподавателей английского языка как иностранного в их профессиональном успехе. В исследовании принимали участие 362 человека (59 мужчин и 303 женщины), которые опрашивались по трем методикам: опросник К. Маслач, шкала агрессии и шкала профессионального успеха преподавателя. Результаты показывают, что агрессия и профессиональное выгорание преподавателей играют негативную роль и в значительной степени коррелируют с их профессиональным успехом. Преподаватели с более высокими уровнями агрессии и выгорания считаются менее профессионально успешными, поскольку чувствуют агрессию и выгорание, теряют энергию и не склонны поддерживать и помогать своим ученикам.

В статье А. А. Кузнецовой [11], отнесенной к четвертой группе публикаций, изложены результаты исследований автором особенностей выгорания преподавателей конкретного вуза, имеющих различный профессионально-должностной статус. Авторы других публикаций этой группы говорят о том, что профессиональному выгоранию в первую очередь подвержены старшие преподаватели и доценты, проработавшие от 10 до 20 лет, а женщины в большей степени, чем мужчины. При этом зафиксирована тенденция снижения уровня профессионального выгорания с возрастом преподавателя и замедление этого примерно с 50 лет. Имеет значение и роль преподаваемых учебных дисциплин в контексте подготовки выпускников вуза, и степень внимания администрации конкретного вуза к преподавателям.

Статью К. М. Гайдара и О. П. Малютиной [7] вполне можно включить в пятую группу публикаций, поскольку в ней среди прочего обращают на себя внимание меры профилактики синдрома профессионального выгорания, логично вытекающие из того, что авторы статьи характеризуют профессиональное выгорание как «не одномоментный акт, а длительный процесс «сгорания дотла». К трем наиболее эффективным мерам профилактики негативных последствий профессионального выгорания преподавателей вуза, уже подтвердивших свою эффективность на практике, авторы относят системное ведение здорового образа жизни, в частности, двигательную активность, правильное питание и занятия физкультурой и спортом, рациональный режим дня; активный отдых, общение с домашними животными, природой; культивирование занятий и увлечений, не связанных с преподаванием (хобби, кружки по интересам). В этой же группе публикаций выделяется работа И. Ю. Ильиной, в которой не только выявляются причины возникновения и способы предотвращения профессионального выгорания преподавателей вузов, а также факторы, определяющие специфику профессионального выгорания преподавателей в период модернизации высшей школы, но и даны конкретные варианты формирования организационно-управленческого механизма, направленного на снижение негативных последствий явления [9]. Оригинально в этой группе публикаций смотрится работа А. Е. Макаренко о том, что в качестве меры профилактики профессионального выгорания может рассматриваться активное применение информационных технологий в образовательном процессе [15].

Авторы работы [2], представляющей шестую группу публикаций, делают акцент на эмоциональной составляющей профессионального выгорания преподавателя, согласно МКБ-11 [6], характеризующейся как синдром, в результате хронического, не преодоленного вовремя стресса на рабочем месте.

Ее признаками являются: ощущение мотивационного или физического истощения; растущее психическое дистанцирование от профессиональных обязанностей и/или чувство негативизма или цинизма по отношению к профессиональным обязанностям; уменьшение работоспособности.

К этой же группе публикаций можно отнести и работу польско-украинского коллектива исследователей [29], в которой проблема профессионального выгорания рассматривается в контексте адаптации преподавателя иностранного языка к образовательным инновациям в условиях карантина COVID-19 и необходимости работать удаленно.

Группа испанских ученых в своей статье [27] успешно выявили тесную корреляционную связь между некоторыми компонентами «благополучия» преподавателя вуза (внутренняя мотивация, ожидания хорошей профессиональной деятельности, профессиональный дистресс, профессиональное истощение, иррациональные убеждения, эмоциональный интеллект и эмоциональное выгорание) и успешностью будущей профессиональной деятельности их воспитанников-студентов. По мнению авторов этой работы, к числу этих компонентов-доминант можно отнести только эмоциональный интеллект и внутреннюю мотивацию преподавателя иностранного языка.

К итогам проведенного информационно-аналитического обзора авторы данной статьи относят и то, что в открытых отечественных и зарубежных источниках найдено довольно большое число публикаций, акцентированно или косвенно касающихся вопросов, вынесенных в ее название, что лишний раз подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Механизм профессионального выгорания преподавателя иностранного языка неязыкового вуза. Не секрет, что для работы преподавателей российских вузов на фоне необходимой высокой мотивации к ее выполнению характерными являются существенные нервно-энергетические и временные затраты, часто не соответствующие получаемому моральному и материальному вознаграждению со стороны руководства и оценкам социума. Именно это можно считать первопричиной возникновения хронического стресса, предопределяющего их профессиональное выгорание. Помимо этого, вузовские преподаватели иностранного языка, чаще всего женщины, наиболее восприимчивы к стрессам, ощущают перманентный внутриличностный конфликт между значимыми ценностями работы и семьи, подвергаются серьезной бюрократической нагрузке, связанной с завышенными объемами отчетности по учебно-методической работе, не изолированы от различных проявлений социально-экономической нестабильности в стране и находятся под ежедневным прессом многочисленных негативных факторов проживания в мегаполисе (вузы обычно располагаются в крупных городах), дестабилизирующих психическое состояние.

Лингвообразовательный процесс в техническом университете характеризуется явственной профессиональной направленностью процесса; субъект-субъектным характером взаимодействия; сочетанием личностно- и практикоориентированных подходов к подготовке выпускников [13]. Это дополнительно увеличивает нагрузку на преподавателя иностранного языка, требуя от него новых, нетипичных компетенций. Дело усложняется и тем, что традиционно в неязыковом вузе дисциплины, ориентированные на иноязычную подготовку студентов, квалифицируются как неосновные, а соответствующая кафедра – как непрофильная. Отсюда возникает целый ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться преподавателю иностранного языка в своей ежедневной работе [14]. Среди них особенно выделяется повсеместная неготовность преподавателей иностранного языка поддерживать коммуникацию со студентами по темам их будущей профессиональной деятельности. В этой связи возникают падение качественных показателей работы, неуверенность в себе, неудовлетворенность профессиональными результатами, заниженная самооценка. Как следствие, преподаватель, априори характеризующийся высоким уровнем ответственности и самоорганизации, пытается выправить ситуацию, что называется, уходит в работу с головой, изматывает себя и только усугубляет положение, что в свою очередь ведет к исчезновению интереса к работе, падению мотивации, сужению контактов с коллегами.

Предлагаемые меры профилактики и нейтрализации негативных последствий профессионального выгорания. В качестве мер профилактики возникновения синдрома профессионального выгорания, учитывающих специфику работы преподавателя иностранного языка неязыкового вуза, авторами данной статьи предлагаются:

– повышение квалификации преподавателей иностранного языка по программам дополнительного профессионального образования, соответствующим направлениям будущей профессиональной деятельности их студентов;

– модернизация программ подготовки выпускников путем усиления роли иноязычной составляющей образовательного процесса (факультативы-практикумы по применению иностранного языка в области будущей профессиональной деятельности выпускников; группы углубленного изучения иностранного языка заинтересованными студентами);

– привлечение преподавателей иностранного языка к участию в совместных научных и образовательных проектах с выпускающими кафедрами неязыкового вуза.

Опытно-экспериментальная работа. Авторами статьи проводилась опытно-экспериментальная работа (ОЭР) с целью определения эффективности предложенных мер. К исследованию привлекались старшие преподаватели и доценты кафедры «Иностранные языки» Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (18 человек, все женщины) в возрасте до 50 лет, имеющие стаж работы 10–12 лет. Им было предложено в течение учебного года поучаствовать в практической реализации предложенных мер. В конце предшествующего учебного года, а также по окончании одного учебного семестра и работы в целом проводили опрос участников исследования на предмет выявления физиологических признаков-симптомов профессионального выгорания, в качестве которых были выбраны отмеченные как характерные в публикациях [4; 17]:

- признак 1 – хроническая усталость;
- признак 2 – снижение естественных реакций как на новые ситуации, так на ситуации, связанные с опасностью и риском;
- признак 3 – постепенная астенизация (ослабление) организма;
- признак 4 – ухудшение работы сенсорных систем (зрения, слуха и др.);
- признак 5 – бессонница и другие нарушения сна;
- признак 6 – обострение хронических заболеваний.

Результаты опроса приведены на рис. 1–3. Таблица 1 содержит итоги статистической обработки этих результатов, выполненной с использованием программы MS Excel.

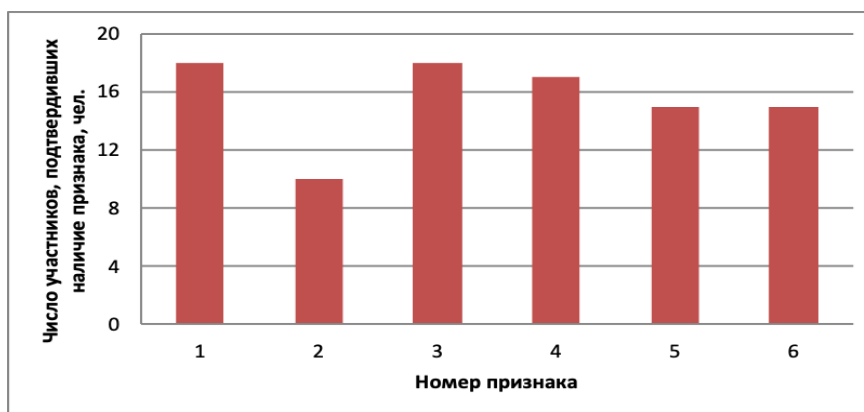

Рис. 1. Диагностика профессионального выгорания (начало исследования)

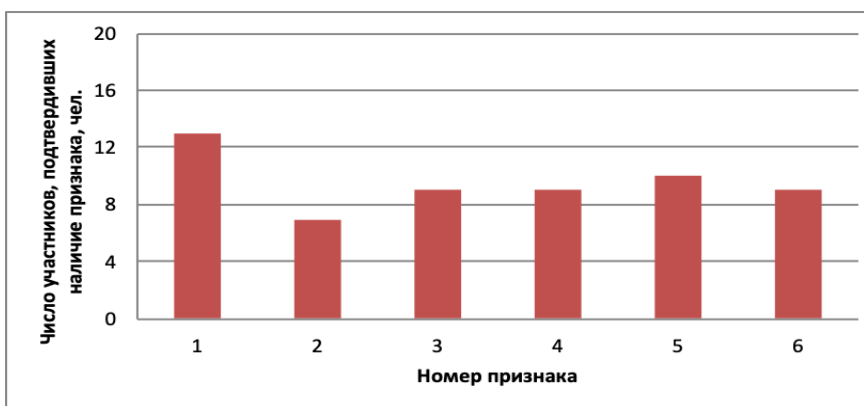

Рис. 2. Диагностика профессионального выгорания (после первого семестра)

Рис. 3. Диагностика профессионального выгорания (окончание контрольного учебного года)

Таблица 1.

Итоги статистической обработки результатов опроса

Показатель	Временной срез		
	начало исследования	после первого семестра	окончание контрольного учебного года
Среднее значение по выборке*	15,5	9,5	3,7
Медиана*	16	9	3,5
Мода*	18	9	5
Дисперсия по выборке*	9,1	3,9	1,5
Изменение среднего значения по выборке относительно предыдущего временного среза, %	0 (база)	-38,7	-61,0

*число участников опроса, подтвердивших наличие признаков профессионального выгорания

Прежде всего констатируется снижение статистических показателей (среднее значение, медиана, мода и дисперсия по выборке), и соответственно можно говорить о тренде на уменьшение всех без исключения признаков профессионального выгорания у преподавателей по временным срезам. При этом на втором временном интервале этот тренд проявляется почти вдвое больше (-61% против $-38,7\%$). Интересно, что на первом временном срезе в наибольшей степени проявляют себя такие признаки-симптомы профессионального выгорания, как хроническая усталость, постепенная астенизация (ослабление) организма, а также бессонница и другие нарушения сна, но в дальнейшем доминирует только первый признак.

Сравнение статистических выборок по двум временным срезам (начало исследования и окончание контрольного учебного года) проводили по непараметрическому Т-критерию Вилкоксона. Его расчетное значение оказалось равным $W_{расч}=12$, то есть большим критического значения ($W_{крит}=2$) при уровне значимости $0,05$, что подтвердило достоверность полученных результатов ОЭР.

На фоне общего устойчивого эффекта уменьшения проявления признаков профессионального выгорания у преподавателей как результата практической реализации предложенных мер отмечаем, что эти меры в большей степени снижают такие признаки-симптомы, как снижение естественных реакций как на новые ситуации, так на ситуации, связанные с опасностью и риском, и обострение хронических заболеваний, и напротив, в меньшей степени хроническая усталость, а также бессонница и другие нарушения сна.

Стоит отметить и тот факт, что, по мнению преподавателей, участвовавших в ОЭР, наиболее эффективной мерой профилактики и нейтрализации профессионального выгорания из трех предложенных авторами данной статьи оказалась первая – повышение квалификации преподавателей иностранного языка по программам дополнительного профессионального образования, соответствующим направлениям будущей профессиональной деятельности их студентов.

Очевидно, что полученные результаты ОЭР с учетом характерных особенностей лингвообразовательного процесса в неязыковом вузе, а именно: четкой профессиональной напри-

вленности данного процесса в целом; субъект-субъектного характера взаимодействия, варьирования ролей и доминирования дивергентного мышления участников лингвообразовательного процесса; сочетания личностно- и практико-ориентированных подходов к подготовке выпускников получены за счет правильного выбора мер профилактики и нейтрализации профессионального выгорания, ориентированных на повышение готовности преподавателей иностранного языка в неязыковом вузе поддерживать коммуникацию со студентами по темам их будущей профессиональной деятельности.

Заключение. Феномен «профессионального выгорания» преподавателя вуза по-прежнему привлекает к себе внимание исследователей как уникальное явление, находящееся на стыке психологии, педагогики высшей школы, социологии и других наук, имеющих непосредственное отношение к линейке направлений профессиональной деятельности выпускников. Успешный поиск путей минимизации и нейтрализации негативных последствий этого явления невозможен без погружения в самую суть механизмов его возникновения и развития, без кропотливого изучения специфики работы преподавателя как центральной фигуры в современной образовательной среде.

Авторами данной статьи сделана попытка обратиться к этой проблеме на конкретном примере преподавателя иностранного языка в неязыковом вузе. Как показали результаты проведенного исследования, наиболее эффективными мерами нивелирования последствий синдрома профессионального выгорания оказываются в первую очередь ориентированные на повышение готовности преподавателей иностранного языка поддерживать коммуникацию со студентами по темам их будущей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Абдулазимова Т. Х., Омарова Э. М., Малаев А. Х. К проблеме профессионального выгорания педагога // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 364–367.
2. Богдан Н. Н., Самсонова Е. А. Эмоциональное выгорание у преподавателей вузов: способы выявления и предупреждения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6 (96). Ч. 2. С. 170–175.
3. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб. : Питер, 1999. 363 с.
4. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: Взгляд на себя и на других. М. : Филинъ, 1996. 467 с.
5. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008. 336 с.
6. Всемирная организация здравоохранения: Международная классификация болезней: «профессиональный синдром» эмоционального выгорания. URL: https://www.who.int/mental_health/evidence/burn-out/ru/ (дата обращения: 14.05.2024).
7. Гайдар К. М., Малютина О. П. Особенности профессионального выгорания преподавателя высшей школы в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. № 2. С. 27–30.
8. Золотарева А. А. Диагностика апатии. М. : Смысл, 2020. 135 с.
9. Ильина И. Ю. Профессиональное выгорание преподавателей вузов: факторы возникновения и способы предотвращения // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». 2022. № 3 (27). С. 22–27.
10. Кочетков Н. В., Маринова Т. Ю., Орлов В. А. Актуальные зарубежные исследования профессионального выгорания у учителей // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 2. С. 43–52.
11. Кузнецова А. А. Особенности состояния выгорания у преподавателей высшей школы с учетом профессионально-должностного статуса // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 7. С. 17–18.
12. Курапова И. А. Система отношений в профессиональной деятельности и эмоциональное выгорание педагогов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 84–95.
13. Леушина И. В., Леушина Л. И. Профессиональная креативность преподавателя иностранного языка и результативность иноязычной подготовки студентов технического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 160–170.
14. Леушин И. О., Леушина И. В. Иностранный язык и индивидуализация подготовки студентов: реалии, тренды, варианты // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 147–154.
15. Макаренко А. Е. Использование информационных технологий для профилактики профессионального выгорания преподавателей // Вестник университета. 2020. № 1. С. 188–194.
16. Матвеева Т. Н. Проблема профессионального выгорания преподавателей высших учебных заведений // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 124–127.
17. Мессинева Е. М., Мануйлова Н. Б., Фетисов А. Г. Проблема профессионального выгорания у преподавателей ВУЗов // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/40PSMN221.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).

18. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко // Психологический практикум. URL: <https://psylist.net/praktikum/19.htm> (дата обращения: 14.05.2024).
19. Михайлова А. В., Власова К. М. Профессиональные деформации и профессиональное выгорание педагогов // Педагогическая перспектива. 2022. № 2 (6). С. 38–44.
20. Молчанова Л. Н. Состояние психического выгорания у педагогов высшей школы в контексте профессиональной успешности // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 128–132.
21. Никулина И. В. Профессиональное выгорание преподавателей вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 3 (90). С. 32–37.
22. Серегина И. И., Щербич Л. И. «Психологическое выгорание» преподавателей вуза: причины и последствия // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике). Курск : КГУ, 2007. С. 140–143.
23. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 512 с.
24. Ткачева Т. М., Сазонова З. С. Эмоциональное выгорание педагога вуза: превентивные меры и ликвидация последствий // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет». 2014. № 4. С. 30–35.
25. Фрейденбергер Х. Дж., Рихельсон Г. Выгорание: высокая цена высоких достижений. Нью-Йорк : Bantam Books, 1980. С. 356–358.
26. Хадарцев А. А., Токарев А. Р., Трефилова И. Л. Профессиональный стресс у преподавателей (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. 2019. № 4. С. 122–128.
27. Cardoso-Pulido M. J., Guijarro-Ojeda J. R., Pérez-Valverde C. A correlational predictive study of teacher well-being and professional success in foreign language student teachers // Mathematics. 2022. 10 (10): 1720. URL: https://www.researchgate.net/publication/360697920_A_Correlational_Predictive_Study_of_Teacher_Well-Being_and_Professional_Success_in_Foreign_Language_Student_Teachers?_sg=rLclv6oOxASBHlMQsWmmp1pgiaeGyjiAsfrDen75oQHZ9s7Pq6ohlNHl5teu3TbUUR9Eal4aeADD6l&_tp=eyJjb250ZXh0ljp7ImZpcnN0UGFnZSI6InNjaWVuY2VUb3BpYyIsInBhZ2UiOiJfZGlyZWNOIn19 (дата обращения: 23.08.2024).
28. Maslach C., Jackson S. E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // Journal of Health and Human Resources Administration. 1984. Vol. 7. Pp. 189–212.
29. Morska L., Polok K. New technologies and their impact on foreign language teacher professional burnout (under COVID-19 pandemic conditions) / M. Bukowska, I. Ladanivska // Advanced Education. 2022. № 20. Pp. 35–44.
30. Salvagioni D. A. J., Melanda F. N., Mesas A. E. Physical, psychological and occupational consequences of job burnout: a systematic review of prospective studies. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0185781> (дата обращения: 23.08.2024).
31. Yang D. Unpacking the role of Chinese EFL teacher aggression and burnout in their professional success: A teachers' psychology perspective // Frontiers in Psychology. URL: file:///C:/Users/%D0%9B%D1%8E%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%8C/Downloads/Unpacking_the_role_of_Chinese_EFL_teacher_aggressi.pdf (дата обращения: 23.08.2024).

Phenomenology and prevention of professional burnout of a foreign language teacher at a non-linguistic university

Leushina Irina Vladimirovna¹, Ryabova Lyubov Igorevna²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: leushinaiv@yandex.ru

²PhD in Technical Sciences, associate professor of the Department of Metallurgical Technologies and Equipment, Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-4363-0534. E-mail: kafmto@mail.ru

Abstract. The authors focus on the phenomenon of "professional burnout" of a foreign language teacher at a non-linguistic university. In recent years, the problem of professional burnout among members of the university community, especially in the context of the dynamic development of society, should constantly be the focus of attention of its representatives, since neglect of this problem determines the high risks of avalanche-like development of teachers of the same syndrome and a decrease in the effectiveness of their work with students. As part of the search to minimize and neutralize the negative consequences of this phenomenon, an information and analytical review of open sources on the research topic was conducted; the mechanism of profes-

sional burnout was identified; specific practical measures were formulated; experimental work was carried out to prove their effectiveness. The research objectives were solved using theoretical methods (critical analysis, comparison and generalization), as well as empirical methods of data collection and accumulation, control and measurement, evaluation and data processing (mathematical, statistical, graphical, tabular). It is shown that, taking into account the characteristic features of the linguistic education process in a non-linguistic university, namely: a clear professional orientation of this process as a whole; the subject-subject nature of interaction, varying roles and the dominance of divergent thinking of participants in the linguistic education process; The combination of personality- and practice-oriented approaches to graduate training has proved to be the best way to prevent and neutralize professional burnout, aimed at increasing the willingness of foreign language teachers at a non-linguistic university to communicate with students on the topics of their future professional activities. The results of the work can be used in the practice of teaching a foreign language at a non-linguistic university.

Keywords: higher school, teacher, foreign language, non-linguistic university, language education process, professional burnout, mechanism, prevention.

References

1. Abdulazimova T. H., Omarova E. M., Malaev A. H. *K probleme professional'nogo vygoraniya pedagoga* [On the problem of professional teacher burnout] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – The world of science, culture, education. 2023. No. 6 (103). Pp. 364–367.
2. Bogdan N. N., Samsonova E. A. *Emocional'noe vygoranie u prepodavatelej vuzov: sposoby vyvazheniya i preduprezhdeniya* [Emotional burnout among university teachers: ways to identify and prevent] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* – International Scientific Research Journal. 2020. No. 6 (96). Part 2. Pp. 170–175.
3. Bojko V. V. *Sindrom "emocional'nogo vygoraniya" v professional'nom obshchenii* [The syndrome of "emotional burnout" in professional communication]. SPb. Piter, 1999. 363 p.
4. Bojko V. V. *Energiya emocij v obshchenii: Vzglyad na sebya i na drugih* [The energy of emotions in communication: A look at oneself and others]. M. Filin, 1996. 467 p.
5. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. SPb. Piter, 2008. 336 p.
6. *Vsemirnaya organizaciya zdoravoohraneniya: Mezhdunarodnaya klassifikaciya boleznej: "professional'nyj sindrom" emocional'nogo vygoraniya* – World Health Organization: International classification of diseases: "occupational syndrome" of emotional burnout. Available at: https://www.who.int/mental_health/evidence/burnout/ru/ (date accessed: 14.05.2024).
7. Gajdar K. M., Malyutina O. P. *Osobennosti professional'nogo vygoraniya prepodavatelya vysshej shkoly v sovremennykh usloviyakh* [Features of professional burnout of a higher school teacher in modern conditions] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* – Herald of Voronezh State University. Series: Problems of higher education. 2016. No. 2. Pp. 27–30.
8. Zolotareva A. A. *Diagnostika apatii* [Diagnostics of apathy]. M. Smysl (Sense), 2020. 135 p.
9. Il'ina I. Yu. *Professional'noe vygoranie prepodavatelej vuzov: faktory vozniknoveniya i sposoby predotvrashcheniya* [Professional burnout of university teachers: factors of occurrence and ways of prevention] // *Nauchnyj zhurnal "Ekonomika. Sociologiya. Pravo"* – Scientific journal "Economics. Sociology. The right." 2022. No. 3 (27). Pp. 22–27.
10. Kochetkov N. V., Marinova T. Yu., Orlov V. A. *Aktual'nye zarubezhnye issledovaniya professional'nogo vygoraniya u uchitelej* [Actual foreign studies of professional burnout among teachers] // *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya* – Modern foreign psychology. 2023. Vol. 12. No. 2. Pp. 43–52.
11. Kuznecova A. A. *Osobennosti sostoyaniya vygoraniya u prepodavatelej vysshej shkoly s uchetom professional'no-dolzhnostnogo statusa* [Features of the state of burnout among higher school teachers, taking into account their professional and official status] // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* – Modern science-intensive technologies. 2012. No. 7. Pp. 17–18.
12. Kurapova I. A. *Sistema otnoshenij v professional'noj deyatel'nosti i emocional'noe vygoranie pedagogov* [The system of relations in professional activity and emotional burnout of teachers] // *Psichologicheskij zhurnal* – Psychological Journal. 2009. Vol. 30. No. 3. Pp. 84–95.
13. Leushina I. V., Leushina L. I. *Professional'naya kreativnost' prepodavatelya inostrannogo yazyka i rezul'tativnost' inoyazychnoj podgotovki studentov tekhnicheskogo vuza* [Professional creativity of a foreign language teacher and the effectiveness of foreign language training for students of a technical university] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2023. No. 495. Pp. 160–170.
14. Leushin I. O., Leushina I. V. *Inostrannyj yazyk i individualizaciya podgotovki studentov: realii, trendy, varianty* [Foreign language and individualization of student training: realities, trends, options] // *Vyshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. No. 3. Pp. 147–154.
15. Makarenko A. E. *Ispol'zovanie informacionnykh tekhnologij dlya profilaktiki professional'nogo vygoraniya prepodavatelej* [The use of information technologies to prevent professional burnout of teachers] // *Vestnik universiteta* – Herald of the University. 2020. No. 1. Pp. 188–194.

16. Matveeva T. N. *Problema professional'nogo vygoraniya prepodavatelej vysshih uchebnyh zavedenij* [The problem of professional burnout of teachers of higher educational institutions] // *Perspektivy nauki i obrazovaniya* – Perspectives of science and education. 2013. No. 6. Pp. 124–127.
17. Messineva E. M., Manujlova N. B., Fetisov A. G. *Problema professional'nogo vygoraniya u prepodavatelej VUZov* [The problem of professional burnout among university teachers] // *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* – Mir nauki. Pedagogy and psychology. 2021. No. 2. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/40PSMN221.pdf> (date accessed: 13.05.2024).
18. *Metodika diagnostiki urovnya emocional'nogo vygoraniya V. V. Boyko* – Methodology for diagnosing the level of emotional burnout by V. V. Boyko // Psychological practice. Available at: <https://psylist.net/praktikum/19.htm> (date accessed: 14.05.2024).
19. Mihajlova A. V., Vlasova K. M. *Professional'nye deformacii i professional'noe vygoranie pedagogov* [Professional deformations and professional burnout of teachers] // *Pedagogicheskaya perspektiva* – Pedagogical perspective. 2022. No. 2 (6). Pp. 38–44.
20. Molchanova L. N. *Sostoyanie psicheskogo vygoraniya u pedagogov vysshej shkoly v kontekste professional'noj uspešnosti* [The state of mental burnout among higher school teachers in the context of professional success] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2011. No. 348. Pp. 128–132.
21. Nikulina I. V. *Professional'noe vygoranie prepodavatelej vuza* [Professional burnout of university teachers] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social sciences, humanities, medical and biological sciences. 2023. Vol. 25. No. 3 (90). Pp. 32–37.
22. Seregina I. I., Shcherbich L. I. *"Psihologicheskoe vygoranie" prepodavatelej vuza: prichiny i posledstviya* ["Psychological burnout" of university teachers: causes and consequences] // *Problemy issledovaniya sindroma "vygoraniya" i puti ego korekcii u specialistov "pomogayushchih" professij (v medicinskoj, psihologicheskij i pedagogicheskij praktike)* – The problems of studying the "burnout" syndrome and ways to correct it among specialists in "helping" professions (in medical, psychological and pedagogical practice). Kursk. KSU, 2007. Pp. 140–143.
23. *Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste* – Stress, burnout, coping in a modern context / ed. by A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. M. Institute of Psychology RAS, 2011. 512 p.
24. Tkacheva T. M., Sazonova Z. S. *Emocional'noe vygoranie pedagoga vuza: preventivnye mery i likvidaciya posledstvij* [Emotional burnout of a university teacher: preventive measures and elimination of consequences] // *Vestnik Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Moskovskij gosudarstvennyj agroinženernyj universitet"* – Herald of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow State Agroengineering University". 2014. No. 4. Pp. 30–35.
25. Freudenberger H. J., Richelson G. *Vygoranie: vysokaya cena vysokih dostizhenij* [Burnout: the high price of high achievements]. New-York. Bantam Books, 1980. Pp. 356–358.
26. Hadarcev A. A., Tokarev A. R., Trefilova I. L. *Professional'nyj stress u prepodavatelej (obzor literatury)* [Professional stress among teachers (literature review)] // *Vestnik novyh medicinskih tekhnologij* – Herald of New Medical Technologies. 2019. No. 4. Pp. 122–128.
27. Cardoso-Pulido M. J., Guijarro-Ojeda J. R., Pérez-Valverde C. A correlational predictive study of teacher well-being and professional success in foreign language student teachers // *Mathematics*. 2022. 10 (10): 1720. Available at: https://www.researchgate.net/publication/360697920_A_Correlational_Predictive_Study_of_Teacher_Well-Being_and_Professional_Success_in_Foreign_Language_Student_Teachers?sg=rLclv6o_OxASBHljMQs-Wmmp1pgiaeGyjiAsfrDen75oQHZ9s7Pq6ohlNHI5teu3TbUUR9Eal4aeADD6l&tp=eyJlb250ZXh0ljp7ImZpcn-N0UGFnZSI6InNjaWVuY2VUb3BpYyIsInBhZ2UiOiJfZGlyZWNOIn19 (date accessed: 23.08.2024).
28. Maslach C., Jackson S. E. Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // *Journal of Health and Human Resources Administration*. 1984. Vol. 7. Pp. 189–212.
29. Morska L., Polok K. New technologies and their impact on foreign language teacher professional burnout (under COVID-19 pandemic conditions) / M. Bukowska, I. Ladanivska // *Advanced Education*. 2022. No. 20. Pp. 35–44.
30. Salvagioni D. A. J., Melanda F. N., Mesas A. E. Physical, psychological and occupational consequences of job burnout: a systematic review of prospective studies. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0185781> (date accessed: 23.08.2024).
31. Yang D. Unpacking the role of Chinese EFL teacher aggression and burnout in their professional success: A teachers' psychology perspective // *Frontiers in Psychology*. Available at: file:///C:/Users/%D0%9B%D1%8E%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%8C/Downloads/Unpacking_the_role_of_Chinese_EFL_teacher_aggressi.pdf (date accessed: 23.08.2024).

Поступила в редакцию: 22.05.2024

Принята к публикации: 17.10.2024

Композиция и структурные особенности речи педагога в педагогической ситуации

Доброва Виктория Вадимовна

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков,
Самарский государственный технический университет. Россия, г. Самара.
ORCID: 0000-0002-3037-4797. E-mail: victoria_dob@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор исследовательских практик изучения речевого поведения педагога, а также представлена авторская концепция понимания речевой составляющей педагогической ситуации. Проведенный анализ исследований, посвященных вербальному поведению педагога, показывает разнообразие тематик и подходов. Однако их результаты недостаточны для разработки теоретической базы и обсуждения комплексных результатов исследований речевого поведения педагогов. Языковая сторона педагогической деятельности остается на сегодняшний день малоизученной, что влечет за собой возникновение противоречия между повышенными требованиями к профессиональной компетентности современных педагогов и отсутствием понимания и эффективного теоретико-методологического инструментария создания и анализа речи педагога. Решить обозначенную проблему возможно при условии рассмотрения педагогической ситуации и речевого поведения педагога с привлечением методов педагогической семиологии и когнитивной лингвистики: компонентного анализа, контент-анализа, системно-структурного анализа, метода интерпретационного и контекстуального анализа. Базу исследования составляют описания опыта образовательной деятельности признанных мастеров прошлого, педагогов-новаторов, современных зарубежных практиков. Цель данной работы – рассмотрение состава и композиции речевой деятельности педагога в трансдисциплинарном ракурсе. В концепции автора статьи речевая деятельность педагога рассматривается как основная составляющая при организации и протекании педагогической ситуации. Образовательные и воспитательные задачи педагогической ситуации решаются с помощью системы педагогических средств и взаимосвязанных с ними коммуникативных и речевых средств. Педагогическая ситуация в авторской концепции представляется как речевая ситуация, поэтому акцент делается на нескольких речевых моментах, которые характеризуют взаимосвязанные смысловые элементы педагогической ситуации, а именно ее начало, развитие и завершение. Особенностью речевой педагогической ситуации является целостность речевой структуры, которая определяется выбором наиболее адекватной речевой формы и речевых средств, сочетанием спонтанности и клишированности. Понимание педагогической ситуации как речевой открывает способ маркирования ее границ, определения ее как начинающейся, развивающейся и завершающейся на основе речи педагога, выделения педагогической ситуации из всей массы смежных явлений и процессов. Результаты исследования позволили продолжить реализацию задачи педагогической семиологии в деле прояснения терминологического аппарата современной педагогики и совершенствования подготовки будущих педагогов.

Ключевые слова: педагогическая речь, речевое поведение, педагогическое взаимодействие, педагогическая ситуация, речевая ситуация, педагогическая семиология.

Введение. Важная роль педагога в осуществлении преподавательской и учебной деятельности не вызывает сомнения, так как его задача не ограничивается только передачей информации, но включает организационную, мотивационную, фасилитативную деятельности, что обеспечивает эффективную педагогическую коммуникацию и достижение целей обучения. Педагоги, способные эффективно общаться и продуктивно взаимодействовать с учениками, могут повысить качество учебного процесса и его результаты, оказывать значительное влияние на процесс обучения и индивидуальность учеников, создавать благоприятный социально-эмоциональный климат в классе.

Педагогическое взаимодействие – это двусторонние отношения, предполагающие активность учителя и учеников для достижения педагогических целей и решения образовательно-воспитательных задач. Педагогическое взаимодействие одновременно является смыслом и механизмом всех процессов, которые происходят в образовательном пространстве. Это «преднамеренный контакт педагога и воспитанников, следствием которого являются взаимные изменения в поведении, деятельности и отношениях» [12, с. 43].

Речевая деятельность в педагогическом взаимодействии выступает основным средством в общении с обучающимся, так как именно речевое общение упорядочивает и организует совместную деятельность в педагогическом процессе. Речевая деятельность педагога в педагогическом процессе представляется многообразным и многофункциональным явлением, поскольку именно педагог, используя определенные языковые средства, осуществляет отбор содержания учебного материала, управление процессом обучения, реализацию дидактической цели урока, активизацию и корректирование деятельности учащихся. Речевая деятельность также выступает основным средством педагогического воздействия и влияния.

Речь как сложный феномен не просто является способом передачи знаний и опыта от педагога к учащемуся, но представляет собой особую форму взаимосвязи субъектов образовательного процесса. К сожалению, речь педагога как инициатора и организатора педагогической ситуации остается все еще малоисследованной. При этом умение педагога выстроить взаимодействие с учениками, сделать свою речь действенной и эффективной, удержать внимание и выбрать наиболее оптимальные способы коммуникации в педагогических ситуациях является основным элементом профессионализма современного учителя. Поэтому в данной статье представлена авторская концепция содержания речи педагога в рамках педагогической ситуации, рассмотрены ее состав и композиция.

Материалы и методы. Выбор методов исследования обоснован особенностями описания педагогического дискурса с помощью педагогической семиологии. В исследовании использованы следующие методы: компонентный анализ, контент-анализ, системно-структурный анализ, метод интерпретационного и контекстуального анализа. В качестве основной базы исследования используются описания опыта образовательной деятельности, сделанные признанными мастерами прошлого (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинским, К. Д. Ушинским, Л.Н. Толстым), педагогами-новаторами (Ш. Амонашвили, В. Ф. Шаталовым, С. Ю. Кургановым, А. С. Ниллом и др.), современными зарубежными практиками (К. Тайсом, Б. Хаусамменом, Э. Бенджамин, Д. Брэнсфордом, А. Килчер и др.).

Результаты и их обсуждение. С середины 1980-х гг. в педагогической литературе обсуждается важность речевого поведения педагога и его влияние на результаты обучения, например, в работах E. Babad, F. Bernieri, R. Rosenthal [18], J. Gorham, [24], Н. А. Антоновой [1], Е. П. Дерюгиной [5]. Вербальное поведение изучалось с разных позиций и в разных формах, включая компетентность в области учебного общения [38], ясность мышления педагога [20], его влияние на мотивацию учащихся [14], речевую культуру педагога [9]. На основе результатов этих исследований ведется большое количество исследований речевого поведения педагогов в дальнейшем.

Сегодня в педагогических исследованиях изучают использование различных типов высказываний педагогов, вербального поведения и их влияние на индивидуальность и успеваемость учащихся [29]. Например, М. Флоресс, Л. Дженкинс, В. Рейнке и Л. МакКаун [23] изучают использование похвалы и приходят к выводу, что частое ее использование приводит к ухудшению поведения учащихся вне урока. Другие авторы рассматривают мотивационные высказывания, основанные на страхе перед экзаменами, которые воспринимаются как угроза, снижают мотивацию и повышают тревожность [29].

В ряде исследований, проведенных R. Collie, H. Granziera, A. Martin [19], описываются различные виды вербальных мотивационных стимулов, которые используются в педагогическом общении и влияют на результаты обучения. Эти наработки послужили основой для разработки стимулирующих высказываний, направленных на учеников с целью вовлечь их в выполнение школьных заданий такими исследователями, как E. Santana-Monagas, J. L. Núñez, J. F. Loro, J. A. Moreno-Murcia, J. León [32]. Рассматривая два вида таких сообщений: «Если мы пройдем эту тему раньше, я дам вам 5 минут свободного времени в конце урока» (подчеркивает преимущества выполнения задания и апеллирует к внешнему стимулу) и «Если вы сейчас не будете учиться, вы не сможете поступить в институт» (подчеркивает недостатки неучебы и апеллирует к внутреннему стимулу), исследователи пришли к выводу, что использование сообщений, обрамленных выгодой и апеллирующих к внутренним стимулам, положительно влияет на успеваемость студентов и повышает их мотивацию к учебе [33].

Ряд исследователей сосредотачивается на изучении речевой агрессии педагога и ее негативном влиянии на степень усвоения материала учениками [2]. Ими установлено, что агрессия в педагогической речи ведет к возникновению конфликтного поведения во всей педагогической коммуникации [4]. Результаты подобных исследований еще раз подчеркивают важность и актуальность проблемы речевого поведения педагогов.

Отдельные работы посвящены вовлекающим высказываниям педагога, которые используются для вовлечения учеников в выполнение школьных заданий [32]. Эти сообщения основаны на двух основных теориях: теории фреймов [30] и теории самоопределения [31]. Сторонники первой теории исследуют фреймы высказываний, которые подчеркивают преимущества участия в школьном задании или недостатки отказа от его выполнения. Так, высказывания о недостатках (потерях) приводят к повышению тревожности учащихся и ухудшению успеваемости [28; 29]. Сторонники второй теории рассматривают различные типы стимулов, мотивирующих учащихся. Это могут быть внешние (вознаграждения, наказания или чувства) или внутренние мотиваторы (как ценность учебы, удовольствие от занятий). Исследования показали, что ученики с внутренней мотивацией лучше вовлечены в учебный процесс и имеют более высокие результаты [36]. Независимо от типа мотивации, педагоги всегда подчеркивают важность успеваемости, чтобы заинтересовать учеников [21], ведь сдача предмета или получение хорошей оценки также может быть потенциальной целью, с которой, как правило, идентифицируют себя учащиеся, поскольку от этого зависят их будущие цели обучения [13; 26].

Другое направление современных педагогических исследований связано с восприятием речи учителя его учениками (Т. Urdan [39]), а также оценкой поведения учителей на основе таких факторов, как старание, пол, репутации, личностные качества учителя (Р. Spoor, В. Brockx, D. Mortelmans [34]). Данные наблюдения позволяют установить взаимосвязь между речевым поведением учителя и результатами обучения [37], между социальным статусом и социальными ролями педагога и успешностью выполнения педагогических задач [8].

С помощью методов прямого наблюдения изучаются паралингвистические и просодические особенности речи педагога в общении с учениками [27], эмоциональная интенсивность речи [11; 15], которые являются важнейшими предикторами эффективности коммуникации [25]. Особое внимание ученых привлекает в последнее время эмоциональная интенсивность речи учителя в образовательных контекстах, особенно в естественных условиях, поскольку она может влиять на запоминание информации через внимание [17], на академическую успеваемость и мотивацию учащихся к обучению, на эффективность общения в классе [22; 33].

Недавние исследования позволили изучить, как учителя распределяют время на уроке и, в зависимости от этого, используют вовлекающие и организующие высказывания. Результаты исследования свидетельствуют о том, что около 20–30 % времени в классе занимают не учебные занятия, а вовлекающие и организующие высказывания, которые косвенно влияют на успеваемость учащихся через их мотивацию к обучению [33].

Речь учителя рассматривается с позиции соответствия учебным потребностям учеников в исследованиях Ф. Юсуфа и О. Новиты [40], которые показали, что эффективность процесса обучения и его результаты, способность управлять классом и передавать содержание урока, имеют тесную связь с уровнем владения учителями языком. Такое соответствие устанавливается в зависимости от типа речи, особенностей речи и ее смысла. Правильный выбор вербальных педагогических стратегий и тактик способствует реализации основной цели педагогического дискурса, а именно – созданию условий для становления целостного человека, что осуществляется при помощи коммуникации [3; 10].

Многие современные исследования рассматривают требования, предъявляемые к педагогической речи, выделяя признаки профессиональной речи и определяя коммуникативную компетенцию. Так, в устах опытного педагога речь является средством педагогического воздействия на личность учащихся [6], главным орудием обучения и воспитания, показателем профессионального мастерства педагога [7]. Например, исследование речевого поведения учителя показало, что в процессе обучения учителя чаще используют директивную речь для управления и контроля над поведением учеников в процессе обучения, что позитивно влияет на качество процесса обучения и контроля вовлеченности учеников в учебу [16]. А исследование М. Суитно, Л. Вэви и Х. Аристы [35] описывает особенности речи педагогов для стимулирования готовности учеников к обучению в отличие от речи, стимулирующей сосредоточенность учеников в процессе обучения и их интерес. В процессе исследования речевое поведение учителя рассматривается как стимулирующее активность учащихся в начале учебного процесса, во время и в конце учебного процесса.

Результаты теоретического анализа исследований, посвященных вербальному поведению педагога, показывают разнообразие тематик и подходов, что может послужить ориентиром при выборе речевых стратегий и стилей речи для стимулирования интереса учащихся к

обучению, повышения их успеваемости и эффективности педагогического общения. Однако анализ теоретических источников показал, что исследования, посвященные структурным особенностям речи педагога, композиционным характеристикам, динамике речи педагога и, соответственно, эффективности педагогической коммуникации, связанной с построением педагогической речи, практически отсутствуют в педагогической литературе, а без них невозможна полноценная разработка теоретической базы и обсуждение комплексных результатов исследований речевого поведения учителей.

Основной инструмент деятельности педагога – его речь. Так, образовательные и воспитательные задачи педагогической ситуации решаются не только с помощью системы педагогических средств, но и взаимосвязанных с ними коммуникативных и речевых средств. При эффективной педагогической коммуникации обе эти системы соответствуют друг другу. Например, ставя проблемную задачу перед учащимися, педагог должен не просто составить систему вопросов, но и продумать их точные формулировки, подобрать соответствующую лексику, интонацию, паузы и т. д. К сожалению, система коммуникативных и речевых средств редко продумывается и оценивается педагогами, поэтому как результат не «срабатывает» и система избранных методических средств, то есть педагог не достигает ожидаемого эффекта.

В нашем исследовании речевая деятельность педагога рассматривается как основная составляющая при организации и протекании педагогической ситуации. Можно сказать, что педагогическая ситуация – это, в первую очередь, речевая ситуация. Предмет речи определяется задачей педагогической ситуации с ориентацией на конкретный результат. И в этой связи необходимо сделать акцент на выделенных нами композиционно-структурных составляющих речевой педагогической ситуации, которые характеризуют ее взаимосвязанные смысловые элементы, а именно начало, развитие и завершение педагогической ситуации. Предложенная далее концепция понимания композиции и структурных особенностей речевой педагогической ситуации базируется на анализе результатов проведенного автором эмпирического исследования 120 образцов педагогических ситуаций, описанных в педагогической и художественной литературе.

Особенность педагогической ситуации состоит в устойчивости, постоянстве ее содержательных характеристик, таких как, участники ситуации, внешние обстоятельства (место и время общения), внутренние обстоятельства (мотив и задачи). Это, как правило, учащиеся определенного возраста, подготовленности, организованности и т. д.; и определенное место совершения ситуации (например, классная комната), дистанция между говорящим и слушающим, особенности акустики и т. д. Педагог также должен хорошо понимать задачи педагогической ситуации, через которые реализуется педагогическая цель. Это так называемый набор характеристик ситуативного контекста, которые значимы для речевого поведения участников речевой педагогической ситуации и влияют на выбор ими речевых стратегий, средств и приемов.

Мы также выяснили, что особенностью речевой педагогической ситуации является целостность речевой структуры, которая определяется выбором наиболее адекватной речевой формы и речевых средств, сочетанием спонтанности и клишированности. Так, в зависимости от задач педагогического взаимодействия педагог определяет выбор методических приемов и речевых средств для их реализации, то есть способов передачи информации, организации взаимодействия, влияния, активизации и других. Сюда же можно отнести и сочетание языковых форм с невербальными компонентами коммуникации, которые могут использоваться с целью акцентирования семантически значимой информации, придания большей эмоциональности и экспрессивности речи, либо замещения языковых средств на жест, звук, смех и т. д., а порой и на действие.

Композиция и структура начала педагогической ситуации связаны с ориентированием учащихся в предстоящей деятельности и, как показал проведенный анализ, предполагают обозначение задач ситуации, объявление темы, то есть подготовку к восприятию (здесь можно также говорить о создании соответствующего эмоционального климата, установлении контакта, актуализации собственного опыта учащихся, активизации имеющихся у них знаний, обозначении важности темы, мотивировании и т. д.). Исходя из коммуникативных целей, вступительное слово педагога для обозначения начала педагогической ситуации выполняет не только информативную, но и воздействующую функцию. Языковая составляющая этого речевого отрывка, с одной стороны, характеризуется наличием определенной клишированности (это типичные клишированные фразы: «цель нашего урока – ...», «сегодня мы повто-

рим...», «на сегодняшнем уроке мы должны будем...», «запишите название темы...» и т. д.), но, с другой стороны, в нем проявляется индивидуальность говорящего, «эффект новизны», причем не только в содержании, но и в языковом воплощении. Маркирование начала педагогической ситуации может осуществляться педагогом и с помощью использования обращений, элементов беседы, постановки вопросов («Помоги-ка мне...», «Это что такое?», «сделай...», «я хочу поговорить с тобой о...» и т. д.). Помимо этого, начало речевой педагогической ситуации могут обозначать и такие средства, как интонация, смена тональности общения, паузация, изменение темпа речи, повторы и т. д. Таким образом, речь педагога, включая элементы невербальной коммуникации, на данном этапе должна озвучивать начало педагогической ситуации, то есть конкретизировать задачу, модель и условия предстоящего общения.

Центральная часть речевого педагогического взаимодействия характеризуется обычно большим объемом и содержанием и включает в себя сам процесс решения педагогической задачи. Как показало исследование, особенностью данного этапа речевой ситуации является использование разнообразной лексики в зависимости от предмета ситуации, поэтому он может в различном соотношении включать бытовую лексику, терминологию, разговорные фразы и т. д. Здесь также стоит отметить разницу в количественном соотношении речи педагога и учащихся, которая тоже может различаться в каждой конкретной педагогической ситуации. Композиционное членение такого педагогического диалога на структурно-смысловые части осуществляется с помощью специфических речевых средств, называемых композиционными сигналами. Сюда можно включить такие фразы, как «начинаем рассуждать так...», «именем прилагательным называется...», «первая часть проблемы может быть сформулирована и записана так», «переходим к главному», «выделим подчеркиванием главную информацию» и т. д. Различные проявления мимики, жестикуляции, телодвижений, голосовая интонация, изменение дистанции общения – все это характеризует состояние собеседников и их отношение друг к другу только в момент осуществления взаимодействия и выполняет функции по дополнению или замещению речи. На этом этапе происходит развитие педагогического взаимодействия.

Завершение педагогической ситуации – это разрешение/неразрешение проблемы, а также обобщение и подведение итогов. Заключительная часть может маркироваться такими выражениями, как: «итак, мы повторили...», «таким образом, мы с вами назвали...», «подведем итог...», «следовательно, ...». Среди вариантов обозначения завершения педагогической ситуации могут использоваться и невербальные компоненты, такие как смех, слезы, кивок, показательное молчание, а также действия (уход, поступок, сжатые кулаки и т. д.). На данном этапе цикл общения замыкается, осуществление взаимодействия начинается с первого этапа.

Таким образом, предложенная концепция базируется на авторском понимании педагогической ситуации, которая имеет несколько характеристик. Прежде всего, она создается (в том числе с помощью речевых средств) специально и планомерно в соответствии с целями образовательного процесса, а не возникает стихийно. Педагогическая ситуация подчинена конкретной единичной педагогической задаче по передаче кванта культуры, реализация которой невозможна без речевой деятельности педагога. Можно утверждать, что она ориентирована на взаимодействие одного человека, выполняющего педагогические функции с другим человеком/группой, являющимися объектами педагогического воздействия и субъектами взаимодействия. Педагогическая ситуация всегда происходит в определенном времени и пространстве и имеет соответствующие границы, которые, как мы выяснили, и определяются речевыми средствами. А значит, педагогическая ситуация – это, в первую очередь, ситуация речевая.

Выводы. Таким образом, предложенное в данной работе понимание педагогической ситуации как речевой позволяет говорить о ней не только как об определяющей по конкретной задаче, относительно неизменным участникам и условиям их взаимодействия. По нашему мнению, именно речевое наполнение педагогической ситуации открывает способ маркирования границ педагогической ситуации на основе речи педагога, определения ее как начинающейся, развивающейся и завершающейся, выделения педагогической ситуации из всей массы смежных явлений и процессов. Изучение педагогической речи и понимание педагогической ситуации как речевой представляет собой одно из перспективных направлений исследований педагогической семиологии. Результаты исследования позволили продолжить реализацию задачи педагогической семиологии в деле прояснения терминологического аппарата современной педагогики и совершенствования подготовки будущих педагогов.

Список литературы

1. Антонова Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке : дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 24 с.
2. Барченкова Я. В., Шейко Е. В. Речевая агрессия как языковое явление, препятствующее процессу обучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 5. С. 122–125. DOI: 10.30853/filnauki.2020.5.22.
3. Гаврюшкина М. Ю. Речевые стратегии и тактики // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 1417–1420.
4. Грибкова К. Е., Голованова И. Ю. Речевые тактики поведения в конфликте «учитель – ученик» // Психология и педагогика XXI в.: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2019. С. 34–37.
5. Дерюгина Е. П. Речевое поведение как целостная система речевых проявлений языковой личности учителя начальных классов // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 42. С. 29–30.
6. Доброва В. В. Сущность взаимодействия в педагогической ситуации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. Т. 20. № 3. С. 77–86. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2023.3.6.
7. Закирьянов К. З. Слово как главное орудие в работе учителя // Образование: традиции и инновации. 2021. № 1 (32). С. 35–40.
8. Каньгина А. М., Сосновцева Т. И. Особенности организации речи преподавателя как представителя профессии с повышенной речевой ответственностью // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации. Вып. 13. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 149–154.
9. Кокоева Н. В., Фардзинова М. Д. Речевая культура как одно из условий успешной профессиональной деятельности современного педагога // Наука среди нас. 2018. № 1 (5). С. 161–168.
10. Король Е. В., Жигулина Ю. О. Стратегии и тактики педагогического дискурса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 145–149.
11. Макарова Д. В. Формирование эмоционально-интеллектуальной составляющей речевого поведения учителя педагогического класса // Мир университетской науки: культура, образование. 2019. № 3. С. 41–46.
12. Общая и профессиональная педагогика : учебное пособие для студентов педагогических вузов / под ред. В. Д. Симоненко. М., 2005. 386 с.
13. Шарандина А. С. К вопросу о реализации оценки в англоязычном педагогическом дискурсе // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2022. С. 64–68.
14. Ahmadi A., Noetel M. A classification system for teachers' motivational behaviours recommended in self-determination theory interventions / P. Parker, R. Ryan, N. Ntoumanis, J. Reeve. 2022. DOI: 10.31234/osf.io/4vrym.
15. Alonso J. B., Cabrera J. New approach in quantification of emotional intensity from the speech signal: Emotional temperature / M. Medina, C. M. Travieso // Expert Systems with Applications. 2015. № 42 (24). Pp. 9554–9564. DOI: 10.1016/j.eswa.2015.07.062.
16. Andewi W., Waziana W. An Analysis of Teacher's Speech Acts in Teaching and Learning Process // Teknosastik. 2019. № 17 (1). Pp. 29–34. DOI: 10.33365/ts.v17i1.207.
17. Anikin A. The link between auditory salience and emotion intensity // Cognition & Emotion. 2020. № 34 (6). Pp. 1246–1259. DOI: 10.1080/02699931.2020.1736992.
18. Babad E., Bernieri F., Rosenthal R. Nonverbal and verbal behavior of preschool, remedial, and elementary school teachers // American Educational Research Journal. 1987. № 24 (3). Pp. 405–415.
19. Collie R. J., Griezera H. Teachers' motivational approach: Links with students' basic psychological need frustration, maladaptive engagement, and academic outcomes / A. J. Martin // Teaching and Teacher Education. 2019. № 86. DOI: 10.1016/j.tate.2019.07.002.
20. Comadena M. E., Hunt S. K. The effects of teacher clarity, nonverbal immediacy, and caring on student motivation, affective and cognitive learning / C. J. Simonds // Communication Research Reports. 2007. № 24 (3). Pp. 241–248. DOI: 10.1080/08824090701446617.
21. Dufaux S. Assessment for qualification and certification in upper secondary education. A review of country practices and research evidence // OECD Education Working Papers. 2012. № 83.
22. Falcon S., Alonso J., Leon J. Teachers' engaging messages, students' motivation to learn and academic performance: The moderating role of emotional intensity in speech // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 136. DOI: 10.1016/j.tate.2023.104375.
23. Floress M. T., Jenkins L. N. General education teachers' natural rates of praise: A preliminary investigation / W. M. Reinke, L. McKown // Behavioral Disorders. 2018. № 43 (4). Pp. 411–422. DOI: 10.1177/0198742917709472.
24. Gorham J. The relationship between verbal teacher immediacy behaviors and student learning // Communication Education. 1988. № 37 (1). Pp. 40–53. DOI: 10.1080/03634528809378702.

25. Holz N., Larrouy-Maestri P., Poeppel D. The paradoxical role of emotional intensity in the perception of vocal affect // *Scientific Reports*. 2021. № 11 (1). DOI: 10.1038/s41598-021-88431-0.
26. Lim S. Y., Chapman E. An investigation of the fennema-sherman mathematics anxiety subscale // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2012. № 46 (1). Pp. 26–37. DOI: 10.1177/0748175612459198.
27. Paulmann S., Weinstein N. Teachers' motivational prosody: A pre-registered experimental test of children's reactions to tone of voice used by teachers // *British Journal of Educational Psychology*. 2022. DOI: 10.1111/bjep.12567.
28. Putwain D. W., Nicholson L. Expectancy of success, attainment value, engagement, and achievement: A moderated mediation analysis / R. Pekrun, S. Becker, W. Symes // *Learning and Instruction*. 2019. № 60. Pp. 117–125. DOI: 10.1016/J.LEARNINSTRUC.2018.11.005.
29. Putwain D. W., Symes W. Teacher motivational messages used prior to examinations: What are they, how are they evaluated, and what are their educational outcomes? / L. J. Nicholson, R. Remedios // *Advances in motivation Science*. Vol. 8. Elsevier Ltd, 2021. Pp. 63–103. DOI: 10.1016/bs.adms.2020.01.001.
30. Rothman A. J., Salovey P. Shaping perceptions to motivate healthy behavior: The role of message framing // *Psychological Bulletin*. 1997. № 121 (1). Pp. 3–19. DOI: 10.1037/0033-2909.121.1.3.
31. Ryan R., Deci E. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions // *Contemporary Educational Psychology*. 2000. № 25 (1). Pp. 54–67. DOI: 10.1006/ceps.1999.1020.
32. Santana-Monagas E., Núñez J. L. What makes a student feel vital? Links between teacher-student relatedness and teachers' engaging messages / J. F. Loro, J. A. Moreno-Murcia, J. León // *European Journal of Psychology of Education*. 2023. DOI: 10.1007/s10212-022-00642-9.
33. Santana-Monagas E., Putwain D. W. Do teachers' engaging messages predict motivation to learn and performance? / J. Núñez, J. Loro, J. León // *Revista de Psicodidáctica*. 2022. № 27 (1). Pp. 86–95. DOI: 10.1016/j.psicoe.2021.11.001.
34. Spooren P., Brockx B., Mortelmans D. On the validity of student evaluation of teaching: The state of the art // *Review of Educational Research*. 2013. № 83 (4). Pp. 598–642. DOI: 10.3102/0034654313496870.
35. Suyitno M., Wevi L., Arista H. Teacher's speech to stimulate student in learning interaction // *RETORIKA*. 2021. DOI: 10.26858/retorika.v14i1.19055.
36. Taylor G., Jungert T. A self-determination theory approach to predicting school achievement over time: The unique role of intrinsic motivation / G. A. Mageau, K. Schattke, H. Dedic, S. Rosenfield et al. // *Contemporary Educational Psychology*. 2014. № 39 (4). Pp. 342–358. DOI: 10.1016/J.CEDPSYCH.2014.08.002.
37. Tempelaar D., Rienties B., Nguyen Q. Subjective data, objective data and the role of bias in predictive modelling: Lessons from a dispositional learning analytics application // *PLoS One*. 2020. № 15 (6). Pp. 1–29. DOI: 10.1371/journal.pone.0233977.
38. Tittsworth S., Quinlan M. M., Mazer J. P. Emotion in teaching and learning: Development and validation of the classroom emotions scale // *Communication Education*. 2010. № 59 (4). Pp. 431–452. DOI: 10.1080/03634521003746156.
39. Urdan T. Using multiple methods to assess students' perceptions of classroom goal structures // *European Psychologist*. 2004. № 9 (4). Pp. 222–231. DOI: 10.1027/1016-9040.9.4.222.
40. Yusuf F. N., Novita O. E. EFL teachers' perceived language proficiency and teaching effectiveness // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2020. № 9 (3). Pp. 580–588. DOI: 10.17509/ijal.v9i3.23208.

Composition and structural features of a teacher's speech in a pedagogical situation

Dobrova Victoria Vadimovna

PhD in Psychological Sciences, associate professor, Head of the Department of Foreign Languages,
Samara State Technical University. Russia, Samara. ORCID: 0000-0002-3037-4797.
E-mail: victoria_dob@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of research practices in the study of teacher speech behavior, as well as the author's concept of understanding the speech component of the pedagogical situation. The analysis of research on the verbal behavior of a teacher shows a variety of topics and approaches. However, their results are insufficient to develop a theoretical framework and discuss the comprehensive results of research on teachers' speech behavior. The linguistic side of pedagogical activity remains poorly understood today, which leads to a contradiction between the increased requirements for the professional competence of modern teachers and the lack of understanding and effective theoretical and methodological tools for creating and analyzing a teacher's speech. It is possible to solve this problem if the pedagogical situation and speech behavior of the teacher are considered using the methods of pedagogical semiology and cognitive linguistics: component analysis, content analysis, system-structural analysis, the method of interpretative and contextual analysis. The

research is based on descriptions of the educational experience of recognized masters of the past, innovative teachers, and modern foreign practitioners. The purpose of this work is to examine the composition and composition of a teacher's speech activity from a transdisciplinary perspective. In the author's concept, the speech activity of a teacher is considered as the main component in the organization and course of a pedagogical situation. The educational and educational tasks of the pedagogical situation are solved using a system of pedagogical tools and related communicative and speech tools. The pedagogical situation in the author's concept is presented as a speech situation, therefore, the emphasis is on several speech moments that characterize the inter-related semantic elements of the pedagogical situation, namely its beginning, development and completion. A feature of the speech pedagogical situation is the integrity of the speech structure, which is determined by the choice of the most appropriate speech form and speech tools, a combination of spontaneity and clichedness. Understanding the pedagogical situation as a speech situation opens up a way to mark its boundaries, define it as beginning, developing and ending based on the teacher's speech, and isolate the pedagogical situation from the whole mass of related phenomena and processes. The results of the study made it possible to continue the implementation of the task of pedagogical semiology in clarifying the terminological apparatus of modern pedagogy and improving the training of future teachers.

Keywords: pedagogical speech, speech behavior, pedagogical interaction, pedagogical situation, speech situation, pedagogical semiology.

References

1. Antonova N. A. *Pedagogicheskij diskurs: rechevoe povedenie uchitelya na uroke : diss. ... kand. filol. nauk* [Pedagogical discourse: teacher's speech behavior in the classroom : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Saratov, 2007. 24 p.
2. Barchenkova Ya. V., Shejko E. V. *Rehevaya agressiya kak yazykovoe yavlenie, prepyatstvuyushchee processu obucheniya* [Speech aggression as a linguistic phenomenon that hinders the learning process] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 122–125. DOI: 10.30853/filnauki.2020.5.22.
3. Gavryushkina M. Yu. *Rechevye strategii i taktiki* [Speech strategies and tactics] // *Innovacii. Nauka. Obrazovanie* – Innovations. Science. Education. 2022. No. 52. Pp. 1417–1420.
4. Gribkova K. E., Golovanova I. Yu. *Rechevye taktiki povedeniya v konflikte "uchitel' – uchenik"* [Speech tactics of behavior in a teacher–student conflict] // *Psihologiya i pedagogika XXI v.: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii : sb. statej Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* – Psychology and pedagogy of the XXI century: current issues, achievements and innovations : collection of articles of the All-Russian Student Scientific and practical conference. Orekhovo-Zuyevo. State University of Humanities and Technology, 2019. Pp. 34–37.
5. Deryugina E. P. *Rechevoe povedenie kak celostnaya sistema rechevyh proyavlenij yazykovoj lichnosti uchitelya nachal'nyh klassov* [Speech behavior as an integral system of speech manifestations of the linguistic personality of a primary school teacher] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Novgorod State University. 2007. No. 42. Pp. 29–30.
6. Dobrova V. V. *Sushchnost' vzaimodejstviya v pedagogicheskoy situacii* [The essence of interaction in a pedagogical situation] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki* – Herald of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2023. Vol. 20. No. 3. Pp. 77–86. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2023.3.6.
7. Zakir'yanov K. Z. *Slovo kak glavnoe orudie v rabote uchitelya* [The word as the main tool in the teacher's work] // *Obrazovanie: tradicii i innovacii* – Education: traditions and innovations. 2021. No. 1 (32). Pp. 35–40.
8. Kanygina A. M., Sosnovceva T. I. *Osobennosti organizacii rechi prepodavatelya kak predstavitelya professii s povyshennoj rechevoj otvetstvennost'yu* [Features of the organization of the teacher's speech as a representative of a profession with increased speech responsibility] // *Inostrannye yazyki: problemy prepodavaniya i riski kommunikacii* – Foreign languages: problems of teaching and risks of communication. Is. 13. Saratov. Saratov Source, 2020. Pp. 149–154.
9. Kokoeva N. V., Fardzinova M. D. *Rehevaya kul'tura kak jedno iz uslovij uspešnoy professional'noj deyatel'nosti sovremennogo pedagoga* [Speech culture as one of the conditions for successful professional activity of a modern teacher] // *Nauka sredi nas* – Science among us. 2018. No. 1 (5). Pp. 161–168.
10. Korol' E. V., Zhigulina Yu. O. *Strategii i taktiki pedagogicheskogo diskursa* [Strategies and tactics of pedagogical discourse] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2019. No. 2. Pp. 145–149.
11. Makarova D. V. *Formirovanie emocional'no-intellektual'noj sostavlyayushchej rechevogo povedeniya uchitelya pedagogicheskogo klassa* [Formation of the emotional and intellectual component of the speech behavior of a teacher of a pedagogical class] // *Mir universitetskoy nauki: kul'tura, obrazovanie* – The world of university science: culture, education. 2019. No. 3. Pp. 41–46.
12. *Obshchaya i professional'naya pedagogika : uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov* – General and professional pedagogy : a textbook for students of pedagogical universities / ed. by V. D. Simonenko, M., 2005. 386 p.

13. Sharandina A. S. *K voprosu o realizacii ocenki v angloyazychnom pedagogicheskom diskurse* [On the issue of the implementation of assessment in English-language pedagogical discourse] // *Inostrannye yazyki i sovremennye tendencii v inoyazychnom obrazovanii* – Foreign languages and modern trends in foreign language education. Voronezh. Voronezh State Pedagogical University, 2022. Pp. 64–68.
14. Ahmadi A., Noetel M. A classification system for teachers' motivational behaviours recommended in self-determination theory interventions / P. Parker, R. Ryan, N. Ntoumanis, J. Reeve. 2022. DOI: 10.31234/osf.io/4vrym.
15. Alonso J. B., Cabrera J. New approach in quantification of emotional intensity from the speech signal: Emotional temperature / M. Medina, C. M. Travieso // *Expert Systems with Applications*. 2015. No. 42 (24). Pp. 9554–9564. DOI: 10.1016/j.eswa.2015.07.062.
16. Andewi W., Waziana W. An Analysis of Teacher's Speech Acts in Teaching and Learning Process // *Teknosastik*. 2019. No. 17 (1). Pp. 29–34. DOI: 10.33365/ts.v17i1.207.
17. Anikin A. The link between auditory salience and emotion intensity // *Cognition & Emotion*. 2020. No. 34 (6). Pp. 1246–1259. DOI: 10.1080/02699931.2020.1736992.
18. Babad E., Bernieri F., Rosenthal R. Nonverbal and verbal behavior of preschool, remedial, and elementary school teachers // *American Educational Research Journal*. 1987. No. 24 (3). Pp. 405–415.
19. Collie R. J., Granziera H. Teachers' motivational approach: Links with students' basic psychological need frustration, maladaptive engagement, and academic outcomes / A. J. Martin // *Teaching and Teacher Education*. 2019. No. 86. DOI: 10.1016/j.tate.2019.07.002.
20. Comadena M. E., Hunt S. K. The effects of teacher clarity, nonverbal immediacy, and caring on student motivation, affective and cognitive learning / C. J. Simonds // *Communication Research Reports*. 2007. No. 24 (3). Pp. 241–248. DOI: 10.1080/08824090701446617.
21. Dufaux S. Assessment for qualification and certification in upper secondary education. A review of country practices and research evidence // *OECD Education Working Papers*. 2012. No. 83.
22. Falcon S., Alonso J., Leon J. Teachers' engaging messages, students' motivation to learn and academic performance: The moderating role of emotional intensity in speech // *Teaching and Teacher Education*. 2023. Vol. 136. DOI: 10.1016/j.tate.2023.104375.
23. Floress M. T., Jenkins L. N. General education teachers' natural rates of praise: A preliminary investigation / W. M. Reinke, L. McKown // *Behavioral Disorders*. 2018. No. 43 (4). Pp. 411–422. DOI: 10.1177/0198742917709472.
24. Gorham J. The relationship between verbal teacher immediacy behaviors and student learning // *Communication Education*. 1988. No. 37 (1). Pp. 40–53. DOI: 10.1080/03634528809378702.
25. Holz N., Larrouy-Maestri P., Poeppel D. The paradoxical role of emotional intensity in the perception of vocal affect // *Scientific Reports*. 2021. No. 11 (1). DOI: 10.1038/s41598-021-88431-0.
26. Lim S. Y., Chapman E. An investigation of the fennema-sherman mathematics anxiety subscale // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2012. No. 46 (1). Pp. 26–37. DOI: 10.1177/0748175612459198.
27. Paulmann S., Weinstein N. Teachers' motivational prosody: A pre-registered experimental test of children's reactions to tone of voice used by teachers // *British Journal of Educational Psychology*. 2022. DOI: 10.1111/bjep.12567.
28. Putwain D. W., Nicholson L. Expectancy of success, attainment value, engagement, and achievement: A moderated mediation analysis / R. Pekrun, S. Becker, W. Symes // *Learning and Instruction*. 2019. No. 60. Pp. 117–125. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2018.11.005.
29. Putwain D. W., Symes W. Teacher motivational messages used prior to examinations: What are they, how are they evaluated, and what are their educational outcomes? / L. J. Nicholson, R. Remedios // *Advances in Motivation Science*. Vol. 8. Elsevier Ltd, 2021. Pp. 63–103. DOI: 10.1016/bs.adms.2020.01.001.
30. Rothman A. J., Salovey P. Shaping perceptions to motivate healthy behavior: The role of message framing // *Psychological Bulletin*. 1997. No. 121 (1). Pp. 3–19. DOI: 10.1037/0033-2909.121.1.3.
31. Ryan R., Deci E. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions // *Contemporary Educational Psychology*. 2000. No. 25 (1). Pp. 54–67. DOI: 10.1006/ceps.1999.1020.
32. Santana-Monagas E., Núñez J. L. What makes a student feel vital? Links between teacher-student relatedness and teachers' engaging messages / J. F. Loro, J. A. Moreno-Murcia, J. León // *European Journal of Psychology of Education*. 2023. DOI: 10.1007/s10212-022-00642-9.
33. Santana-Monagas E., Putwain D. W. Do teachers' engaging messages predict motivation to learn and performance? / J. Núñez, J. Loro, J. León // *Revista de Psicodidáctica*. 2022. No. 27 (1). Pp. 86–95. DOI: 10.1016/j.psicoe.2021.11.001.
34. Spooren P., Brockx B., Mortelmans D. On the validity of student evaluation of teaching: The state of the art // *Review of Educational Research*. 2013. No. 83 (4). Pp. 598–642. DOI: 10.3102/0034654313496870.
35. Suyitno M., Wevi L., Arista H. Teacher's speech to stimulate student in learning interaction // *RETORIKA*. 2021. DOI: 10.26858/retorika.v14i1.19055.
36. Taylor G., Jungert T. A self-determination theory approach to predicting school achievement over time: The unique role of intrinsic motivation / G. A. Mageau, K. Schattke, H. Dedic, S. Rosenfield et al. // *Contemporary Educational Psychology*. 2014. No. 39 (4). Pp. 342–358. DOI: 10.1016/J.CEDPSYCH.2014.08.002.

37. Tempelaar D., Rienties B., Nguyen Q. Subjective data, objective data and the role of bias in predictive modelling: Lessons from a dispositional learning analytics application // PLoS One. 2020. No. 15 (6). Pp. 1–29. DOI: 10.1371/journal.pone.0233977.

38. Titsworth S., Quinlan M. M., Mazer J. P. Emotion in teaching and learning: Development and validation of the classroom emotions scale // Communication Education. 2010. No. 59 (4). Pp. 431–452. DOI: 10.1080/03634521003746156.

39. Urdan T. Using multiple methods to assess students' perceptions of classroom goal structures // European Psychologist. 2004. No. 9 (4). Pp. 222–231. DOI: 10.1027/1016-9040.9.4.222.

40. Yusuf F. N., Novita O. E. EFL teachers' perceived language proficiency and teaching effectiveness // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2020. No. 9 (3). Pp. 580–588. DOI: 10.17509/ijal.v9i3.23208.

Поступила в редакцию: 17.09.2024

Принята к публикации: 24.01.2025

Психометрическое обоснование многофакторной шкалы созависимости

Ершова Регина Вячеславовна¹, Соколова Анна Викторовна²,
Шляхта Дмитрий Александрович³

¹доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Россия, г. Москва. E-mail: ershova_rv@pfur.ru

²клинический психолог, КПП-терапевт, схема-терапевт (частная практика).

Россия, г. Волгоград. E-mail: asokolova.psy@gmail.com

³кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Россия, г. Москва. E-mail: shlyakhta-da@rudn.ru

Аннотация. Феномен созависимости изучается с позиций персонологического, интеракционно-го, конвергентного подходов и модели болезни более семидесяти лет. Однако до сих пор отсутствует единое представление о природе, внутренней структуре, факторах формирования созависимости, а методы ее диагностики разнятся в зависимости от подхода. Целью исследования стало психометрическое обоснование многофакторной шкалы созависимости и эмпирическая проверка теоретической концепции ее пятикомпонентного строения. Эксплораторный анализ с использованием коэффициентов альфа Кронбаха и омега МакДональда и подтверждающий факторный анализ на основе эстиматора ML (метод максимального правдоподобия) позволили подтвердить высокую надежность и внутреннюю согласованность пятифакторной структуры созависимости, корреляционный анализ многофакторной шкалы с опросником созависимости Спанн–Фишер подтвердил ее конструктивную валидность. Проведенное исследование позволило подтвердить выдвинутое предположение о созависимости как интегральной характеристике личности, которая реализуется через дисфункциональные отношения с другими, формируется под воздействием комплекса социальных, психологических, биологических факторов, проявляется на мотивационном (потребность в социальном одобрении, избегании негативной оценки со стороны других); когнитивном (самообесценивание, негативные представления о себе); эмоциональном (подавление собственных эмоций, легкое эмоциональное заражение); регулятивном (экстернальный локус контроля) и поведенческом (самопожертвование, пренебрежение собственными потребностями ради интересов другого) уровнях и приводит к резкому снижению качества жизни созависимого, формированию комплекса психоземotionalных, коммуникативных, соматических проблем.

Ключевые слова: созависимость, факторы созависимости, шкала созависимости, валидация шкалы созависимости, модель созависимости.

Введение. Анализ литературы последних десятилетий показывает заметный интерес исследователей к проблеме созависимости [3; 10; 13; 28; 43], при этом следует отметить, что до сих пор имеются существенные противоречия как в понимании самого феномена созависимости, его природы, внутренней структуры, проявлений и факторов формирования, так и в методах его диагностики. Изначально феномен созависимости рассматривался как состояние, возникающее у членов семьи больного алкоголизмом. В современной психологии взгляд на созависимость значительно расширился, теоретики и исследователи феномена «приоритетно рассматривают созависимость как следствие психологических (эмоциональных, когнитивных, личностных) искажений в развитии человека» [6].

Проведенный теоретический анализ позволяет говорить о четырех наиболее распространенных моделях созависимости: персонологической модели [12; 16], модели болезни [29; 39], интеракционной модели [9] и модели конвергенции [13; 40].

Согласно модели болезни считается, что высокий риск формирования созависимости возникает у людей, выросших в семьях алкоголиков или наркоманов, имеющих в анамнезе

эпизоды семейного насилия или воспитания психически нездоровым родителем [1; 7; 20; 24; 32; 33; 38; 41]. Инструменты измерения, разработанные в рамках этого подхода (Co-Dependence Test, Kitchens; «Шкала общей оценки созависимости С. А. Кулакова»; Codependent Questionnaire (CdQ) Roehling и Gaumond) обладают узкой направленностью, либо имеют ограничения, связанные с процедурой валидации.

Представители интеракционного подхода Ançel и Kabakçi определяют созависимость как патологические отношения, в которых взаимозависимость между человеком, зависящим от заботы другого, и лицом, осуществляющим уход, усиливается и поддерживается, что позволяет созависимому чувствовать одобрение и силу [9]. В рамках модели разработан Опросник межличностной зависимости Interpersonal Dependency Inventory (IDI), нацеленный на диагностику зависимости в межличностных отношениях: любовной зависимости, зависимости от партнера в широком понимании этого слова, зависимости в детско-родительских отношениях [21].

Авторы конвергентного подхода (Wright P. H. и Wright K. D) пытаются объединить персонологическое и интеракционное направление в своем, назовем его конвергентным, подходе [40]. Они предлагают рассматривать созависимость через призму символического интеракционизма – как продукт взаимоотношений человека со значимыми другими, в процессе которого личностные корреляты раскрываются и закрепляются, формируя синдром созависимости. Авторами подхода разработана форма Acquaintance Description Form, которая предлагает измерять отношения, игнорируя характеристики личности, что противоречит концептуальной позиции авторов, кроме того, эта форма не прошла достаточной психометрической проверки и практически не используется современными исследователями [39]. В рамках модели был предложен многофакторный опросник (Codependency Assessment Tool (CODAT), направленный на диагностику пяти базовых проявлений созависимости: внимание на других/пренебрежение к себе; низкая самооценка; сокрытие себя; медицинские проблемы; проблемы семейного происхождения [22].

С точки зрения персонологического подхода созависимость определяется как взаимоотношения с другими людьми и имеет четыре базовых компонента: экстернальный локус контроля, самопожертвование, ориентированность на контроль других и подавление собственных эмоций [15]. Представителями подхода являются ведущие исследователи феномена созависимости: Fischer и Spann, Friel и Friel; Sowle; Subby, Dear, Septien, Schaef, Whitfield, Артемцева, Исаева и Скупейко и др. Инструментами исследования созависимости в этом подходе, продемонстрировавшие достаточно высокую надежность и валидность, являются: шкала созависимости Спанна–Фишера (Spann–Fischer Codependency Scale, 1991) и хилуокский индекс созависимости (Holyoake Codependency Index (HCI), Dear, Hardie и Hall, 1990).

Несмотря на обширный теоретический и практический материал, посвященный созависимости, по мнению многих исследователей, отсутствие эмпирической валидации определений конструкта является мощным источником скептицизма по отношению к нему и некоторого «концептуального хаоса» [19; 40], это означает, что проблема поиска и описания природы этого феномена, эмпирической проверки его структуры, разработки на этой базе валидного метода его диагностики остается неразрешенной.

Как показал теоретический анализ, каждый из проанализированных подходов по отдельности не позволяет сформировать целостного взгляда на созависимость как системное психическое образование, формирующееся в дисфункциональных семьях и характеризующееся специфическими чертами на всех уровнях психической организации человека: психофизическом, индивидуально-психологическом и социально-психологическом [6].

Критически проанализировав и объединив результаты исследований, полученных в рамках реализации персонологического, интеракционного и конвергентного подходов, мы разработали многофакторную (комплексную) модель созависимости, в которой *созависимость* понимается как интегральная характеристика личности, которая реализуется через дисфункциональные отношения с другим и формируется под воздействием комплекса социальных, психологических, биологических факторов, она проявляется на мотивационном (потребность в социальном одобрении, избегании негативной оценки со стороны других); когнитивном (самообесценивание, негативные представления о себе); эмоциональном (подавление собственных эмоций, легкое эмоциональное заражение); регулятивном (экстернальный локус контроля) и поведенческом (самопожертвование, пренебрежение собственными потребностями ради интересов других) уровнях и приводит к резкому снижению качества жизни созависимого, формированию комплекса психоэмоциональных, коммуникативных, соматических проблем (рис. 1). На основе предложенной теоретической модели созависимо-

сти была разработана пятифакторная шкала созависимости. Структуру шкалы составили как выделенные в предшествующих исследованиях и входящие в синдром созависимости эмоциональные, регулятивные и поведенческие характеристики, так и новые шкалы, связанные с мотивационной и когнитивной сферами созависимых. *Регулятивный* компонент шкалы характеризует степень сформированности экстернального локуса контроля, который выделяется как один из важных диагностических критериев созависимости [15; 18; 25; 27]. *Эмоциональный* – определяет присутствие характерных для созависимых эмоций (страх, тревогу, беспокойство) и способ их переживания через подавление, игнорирование, преуменьшение собственных эмоций и легкое эмоциональное заражение. Potter-Efron и Potter-Efron, Schaef, Vlaicu; Yates и McDaniel и др. утверждают, что тревога и страх часто обнаруживаются у созависимых [30; 34; 37; 42]. *Поведенческий* компонент, проявляющийся в межличностных отношениях созависимых, рассматривается как один из важнейших диагностических критериев созависимости представителями всех научных школ: это – самопожертвование, пренебрежение собственными потребностями ради удовлетворения потребностей других [26]. *Мотивационный* компонент позволяет определить особенности мотивации, лежащей в основе созависимого поведения, в том числе стремление к социальному одобрению, подтверждению собственной «нужности», избегание негативной эмоциональной реакции другого, а также реакции отвержения. *Когнитивный* компонент отражает глубину самообесценивания и определяет базовые нелогичные убеждения созависимого.

Целью исследования стало психометрическое обоснование разработанной пятифакторной шкалы созависимости.

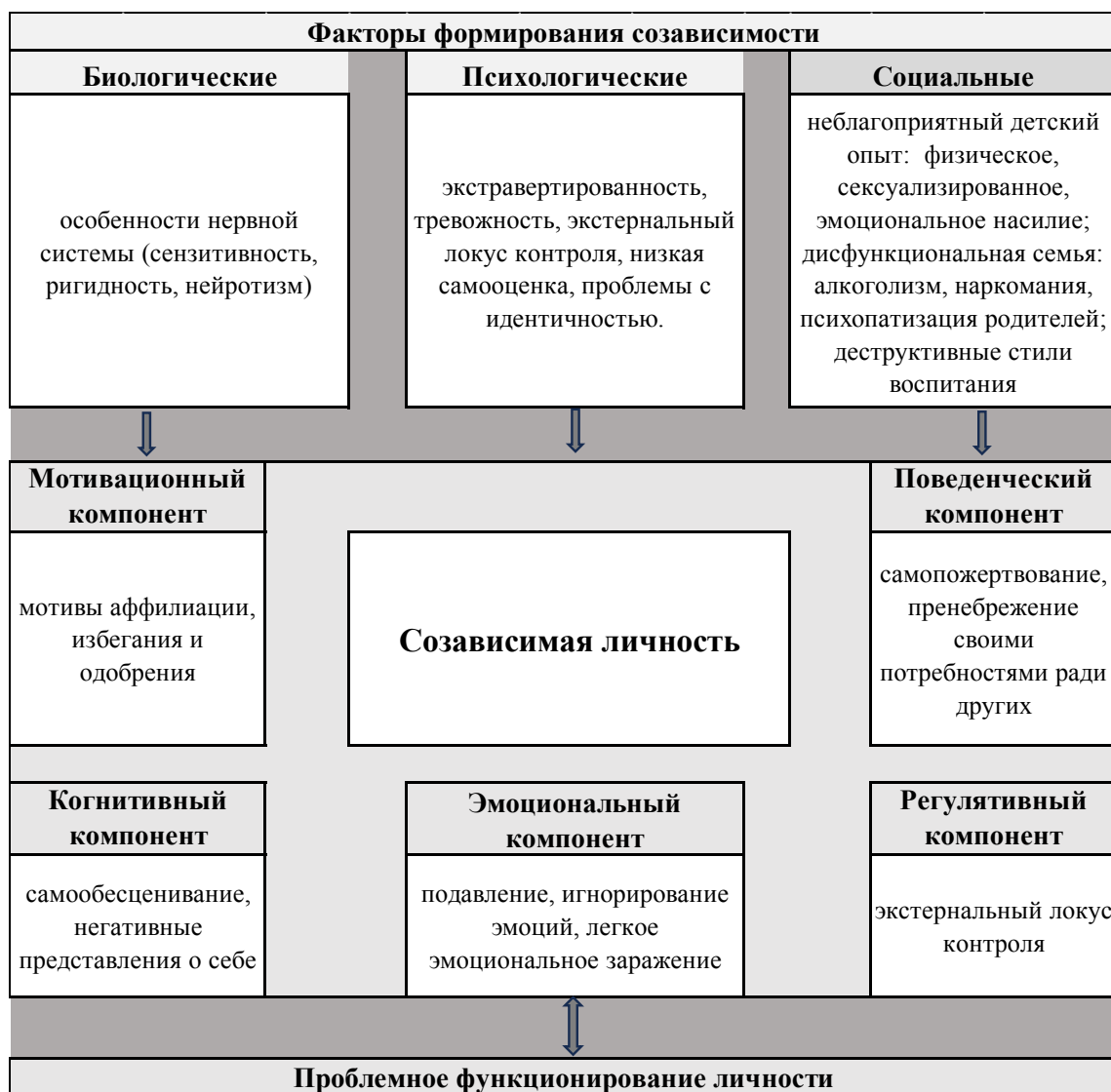

Рис. 1. Многофакторная модель созависимости

Методы и процедура исследования. Методы: авторский опросник, разработанный на основе теоретического представления о пятифакторном строении созависимости.

Первоначальный вариант пятифакторной шкалы созависимости состоял из 60 вопросов, по 12 вопросов по каждому из 5 компонентов, свое согласие с каждым пунктом опросника респонденты оценивали по 4-балльной шкале от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен». Сумма баллов по шести шкалам варьировалась от 0 до 240 баллов, этот показатель отражает общий уровень созависимости. Вопросы формировались с опорой на выделенные в результате теоретического анализа в исследованиях разных авторов личностные проявления созависимости, в соответствии с теоретической концепцией созависимости как многофакторной характеристики личности.

В процедуре эмпирической валидации концепции пятифакторного строения созависимости были использованы данные, полученные от 279 респондентов в возрасте от 19 до 39 лет, 68 мужчин ($M=21,7$ лет), 211 женщин ($M=24,3$ лет), из анализа было исключено 29 некорректно заполненных анкет. Данные собирались онлайн, через социальные сети, путем привлечения клиентов психологического центра, в исследовании также студенты университета.

Психометрическая проверка шкал созависимости проводилась с использованием коэффициентов α Кронбаха и ω МакДональда и конфирматорного факторного анализа с использованием компьютерной среды R, версия 4.3.2 (2023-10-31) модуль Psych version 2.4.1., lavaan версия 0.6-17, semTools версия 0.5-6 и Jamovi, версия 2.3.21 [31].

Для проверки внутренней валидности разработанной пятифакторной шкалы была использована шкала созависимости Спанн-Фишер (Spann-Fischer Codependency Scale), адаптация Бердичевского, Падун, Гагариной). Ее результаты были соотнесены с данными авторского опросника с использованием корреляционного анализа.

Результаты исследования. Статистика надежности первоначального варианта шкалы представлена в таблице 1. Значения показателей α Кронбаха и ω МакДональда по всем шкалам и опроснику в целом составили более 0,75, что указывает на хорошую согласованность шкал опросника.

Таблица 1

Коэффициенты α Кронбаха и ω МакДональда первоначального варианта опросника созависимости

Шкалы опросника	α Кронбаха	ω МакДональда	ω МакДональда compRelSEM
Регулятивный	0,798	0,808	0.741
Эмоциональный	0,856	0,862	0.787
Когнитивный	0,808	0,809	0.851
Мотивационный	0,796	0,8	0.789
Поведенческий	0,771	0,778	0.803
Созависимость	0,935	0,935	0.814 (0.931)

Примечание: коэффициенты альфа и омега рассчитаны с помощью функции compRelSEM пакета semTools версия 0.5-6.

Проведенный далее порядковый ω -факторный анализ показал, что все пункты эмоционального и когнитивного компонентов вошли в основной факторы (g), что говорит об их внутренней согласованности, однако факторные нагрузки на общий фактор g вопросов № 3 «Мне неудобно делиться своими чувствами» (0,2), № 9 «Я склонен скрывать свои чувства и казаться невозмутимым» (0,2), № 21 «Чаще всего я стараюсь не показывать свои истинные чувства» (0,2) эмоционального компонента, вопроса № 22 «Если я перестану контролировать жизнь моих близких, партнера, может произойти нечто ужасное» (0,3) когнитивного компонента оказались достаточно слабыми: менее или равны 0,3.

В структуре регуляторного компонента вопрос № 71 «Я с удовольствием откликаюсь на просьбы других о помощи в каких-либо вопросах» не вошел в структуру общего фактора g, а вопросы № 66 «Я охотно выполняю чьи-либо поручения» (0,2), № 56 «Я стараюсь выполнять данные мною обещания во что бы то ни стало» (0,3), № 50 «В решении своих проблем я часто рассчитываю на помощь других людей» (0,3), № 44 «В принятии большинства решений я полагаюсь на своего партнера или близких мне людей» (0,3), № 38 «Прежде чем что-то сделать, я всегда советуюсь с кем-нибудь из знакомых» (0,3) показали слабые или очень слабые нагрузки на общий фактор.

В мотивационном компоненте вопросы № 5 «Иногда я принимаю решение за другого, так как уверен в его правильности» и № 17 «Иногда я манипулирую другими, чтобы добиться желаемого» мотивационного компонента опросника не вошли в структуру общего g фактора, вопрос № 11 «Я привык влиять на поведение других, пытаюсь убедить их в том, как вернее поступать» показал слабую (0,2) нагрузку на фактор, оставшиеся пункты показали высокую согласованность.

Два пункта «Поведенческого компонента» № 36 «Мне становится спокойнее, и моя тревога снижается тогда, когда у меня есть кто-то рядом», № 18 «Иногда я «наказываю» партнера отказом от секса» оказались не включенными в структуру генерального фактора, а вопросы № 6 «Я часто даю советы другим или высказываю свою точку зрения несмотря на то, что меня об этом не просят» (0,3) и № 12 «Я пытаюсь убедить других в том, что они “на самом деле” думают и что они “должны” чувствовать» (0,3) продемонстрировали слабые нагрузки на g фактор.

Все перечисленные пункты были исключены из итогового варианта пятифакторной шкалы созависимости, таким образом в итоговую шкалу вошло 43 утверждения: 6 пунктов регуляторного компонента, 9 – эмоционального компонента, 8 – поведенческого компонента, 11 – когнитивного компонента, 9 – мотивационного компонента.

Статистика надежности итогового варианта шкалы созависимости представлена в таблице 2.

Коэффициенты альфы Кронбаха и омега МакДональда, а также данные порядкового ω -факторного анализа продемонстрировали хорошую внутреннюю согласованность как многофакторной шкалы созависимости в целом ($\alpha = 0,942$, $\omega = 0,8$), так и отдельных ее субшкал.

Таблица 2

Коэффициенты α Кронбаха и ω МакДональда итогового варианта опросника созависимости

Шкалы опросника	α Кронбаха	ω МакДональда	ω МакДональда compRelSEM
Регулятивный	0,822	0,825	0.825
Эмоциональный	0,861	0,867	0.816
Когнитивный	0,802	0,803	0.862
Мотивационный	0,809	0,816	0.832
Поведенческий	0,797	0,805	0.808
Созависимость	0,942	0,943	0.791 (0.937)

Примечание: коэффициенты альфа и омега рассчитаны с помощью функции compRelSEM пакета semTools версия 0.5-6.

В ходе конфирматорного факторного анализа были протестированы однофакторная и исходная пятифакторная теоретические модели созависимости с общим фактором второго порядка. Двойные нагрузки в оцениваемую модель не включались. Модель оценивалась с использованием эстиматора ML, использовались робастные оценки стандартных ошибок. Показатели соответствия моделей данным представлены в таблице 3 и на рис. 2, стандартизированные нагрузки пунктов шкал опросника представлены на рис. 2. Как следует из таблицы 3, пятифакторная модель по параметру RMSEA демонстрирует хорошую согласованность (0,037) и, следовательно, может быть содержательно интерпретирована, тогда как показатель RMSEA (0,092) однофакторной модели не достигает критических значений, в связи с этим предпочтительной является пятифакторная структура шкалы созависимости [11].

Таблица 3

Показатели соответствия конфирматорной модели

Model	χ^2	df	p	NNFI (TLI)	CFI	RMSEA	95 %CI
1 (1Ф)	2662	860	<0,001	0,595	0,615	0,092	0,088-0,095
2 (5Ф)	1151	855	<0,001	0,98	0,981	0,037	0,032-0,043

Примечание. χ^2 – значение статистики хи-квадрат; df – число степеней свободы; p – уровень значимости; NNFI (TLI) – ненормированный индекс соответствия Такера-Льюиса; CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера; RMSEA – квадратичная усредненная ошибки аппроксимации; 95 % CI – границы доверительного интервала для RMSEA.

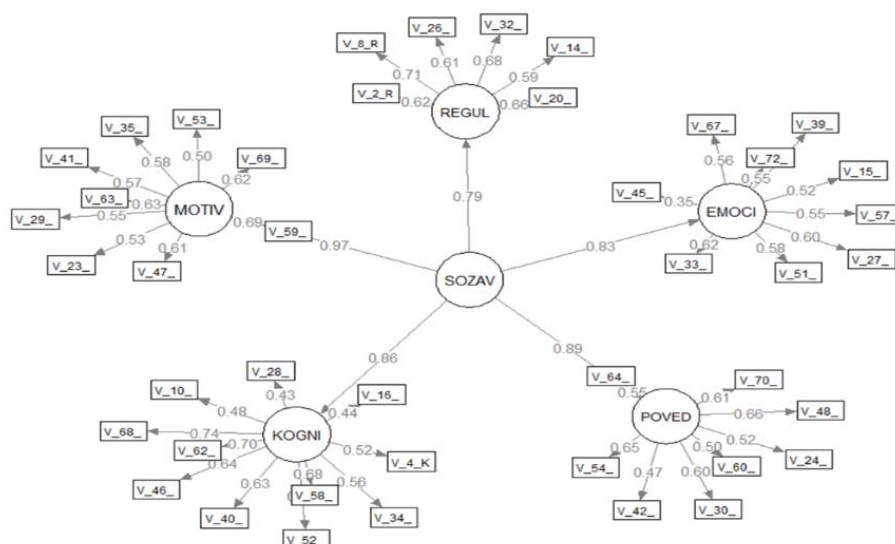

Рис. 2. Стандартизованные параметры факторной модели (все параметры значимы $p < 0,001$):
EMOCI – Эмоциональный компонент; KOGNI – Когнитивный компонент; POVED – Поведенческий компонент;
MOTIV – Мотивационный компонент; REGUL – Регулятивный компонент; SOZAV – Созависимость.

Для проверки внутренней валидности шкалы созависимости было проведено корреляционное сравнение полученных результатов с результатами Опросника созависимости Spann–Фишер (Spann–Fischer Codependency Scale) (таблица 4).

Таблица 4

Корреляции шкалы созависимости со шкалой созависимости Spann–Фишер

Пятифакторная шкала созависимости	Шкала созависимости Spann–Фишер
Регулятивный компонент	0,56***
Эмоциональный компонент	0,69***
Когнитивный компонент	0,69***
Мотивационный компонент	0,63***
Поведенческий компонент	0,64***
Созависимость общая	0,74***

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Все субшкалы пятифакторной шкалы и суммарный балл созависимости статистически значимо прокоррелировали с показателем созависимости опросника Spann–Фишер ($p \leq 0,001$). Полученные результаты свидетельствуют о достаточной конструктивной валидности разработанной пятифакторной шкалы созависимости.

Таким образом, итоговая версия разработанной нами шкалы (таблица 5) созависимости включает пять шкал и 43 утверждения: регулятивный компонент 6 вопросов, $M=18,78$, $SD=5,52$; эмоциональный компонент 9 вопросов $M=13,91$, $SD=4,34$, когнитивный компонент 11 вопросов $M=20,3$, $SD=5,95$; мотивационный компонент 9 вопросов $M=13,38$, $SD=3,79$; поведенческий компонент 8 вопросов $M=17,29$, $SD=4,99$. Интегральный балл созависимости подсчитывается как сумма баллов по пяти шкалам (минимальный балл – 43, максимальный балл – 172, $M=85,42$, $SD=19,96$).

Таблица 5

Многофакторный опросник созависимости

Регулятивный	V_2_Мне сложно системно и планомерно выполнять работу, я часто отвлекаюсь
	V_8_Я часто отказываюсь от принятых решений под воздействием внешних обстоятельств
	V_14_Я склонен поддаваться импульсам
	V_20_Я часто бросаю начатое дело
	V_26_Я редко бываю настойчивым в отстаивании своих интересов
	V_32_Я испытываю сложность с тем, чтобы сфокусироваться на выполнении какого-либо дела

Окончание табл. 5

Эмоциональный	V_15_Я часто отрицаю, искажаю или преуменьшаю то, что я чувствую
	V_27_Когда со мной кто-то рядом испытывает беспокойство, я тоже начинаю беспокоиться
	V_33_Мое настроение часто зависит от настроения окружающих меня людей
	V_39_Порой мне сложно отделить свои чувства от чувств другого
	V_45_Проблемы близких мне людей я принимаю слишком близко к сердцу
	V_51_В стрессовой ситуации тревога, беспокойство овладевает мной
	V_57_Иногда мне сложно сдерживать эмоции, они «накрывают» меня
	V_67_Мои чувства бывают сильнее меня
	V_72_Я часто бываю захвачен долгое время одним чувством
Когнитивный	V_4_Люди часто используют меня в своих целях
	V_10_В жизненных ситуациях лучше полагаться на мнение других, чем на собственное
	V_16_Большинство людей достигают больших результатов и более успешны в жизни
	V_28_Я считаю, что большинство моих близких не способны сами позаботиться о себе
	V_34_Жизнь часто несправедлива ко мне
	V_40_Я ценю одобрение другими моих мыслей, чувств и поведения больше, чем свое собственное
	V_46_Я считаю себя неполноценным
	V_52_Я считаю себя ни на что не способным
	V_62_Мне стыдно за то, какой я есть
Мотивационный	V_68_Я считаю, что другие люди лучше меня
	V_23_Я склонен давать советы другим, чтобы быть нужным
	V_29_В отношениях я склонен замалчивать проблемы вместо того, чтобы обсуждать их, из-за страха ответной реакции
	V_35_Я могу отказаться от своего намерения сделать что-то важное для себя, если близкий мне человек не поддержит мою идею
	V_41_Чаще всего я предпочитаю молчать и мириться с неуважением, чтобы сохранить мир
	V_47_Из-за страха того, что мой близкий перестанет со мной общаться, мне сложно защищать себя и отстаивать свои интересы
	V_53_Чтобы чувствовать себя в безопасности, мне необходимо присутствие другого человека
	V_59_Я боюсь выражать свои чувства и убеждения, если они отличаются от чувств других
Поведенческий	V_63_Я иду на компромисс, в ущерб своим ценностям и целям, чтобы избежать отвержения и гнева
	V_69_Я действую так, чтобы вызывать у других одобрение
	V_24_Я склонен вовлекаться в проблемы моего партнера больше, чем в собственные
	V_30_Иногда я совершаю поступки, с которыми не согласен, лишь бы угодить партнеру
	V_42_Я закрываю глаза на ложь и манипуляции со стороны других
	V_48_Чтобы сохранить отношения и не остаться одному, я часто нахожу оправдание безответственному поведению моих близких
	V_54_Я часто ощущаю давление со стороны близких
	V_60_Даже если отношения причиняют мне боль, я готов многое терпеть
	V_64_Я мирюсь с тем, что близкие не принимают меня таким, какой я есть, часто ищут во мне недостатки
	V_70_В отношениях мне часто приходится мириться с неуважением и жестокостью близкого человека

Обсуждение результатов. Целью данного исследования было психометрическое обоснование пятифакторной модели созависимости, включающей мотивационный, когнитивный, регулятивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Общая шкала созависимости и отдельные субшкалы опросника показали хорошую внутреннюю согласованность, корреляционный анализ подтвердил конструктивную валидность методики, а конфирматорный анализ пятифакторную структуру феномена созависимости.

Следует особенно подчеркнуть, что разработанная шкала не противоречит имеющимся представлениям, а напротив, углубляет и систематизирует представления о созависимости.

Три из пяти компонентов шкалы (эмоциональный, регуляторный и поведенческий) полностью соответствуют представлениям о синдроме созависимости, описанном в персонологическом подходе [16]. Регулятивный компонент пятифакторной шкалы изучает степень сформированности экстернального локуса контроля, который выделяется как один из важных диагностических критериев созависимости [15; 18; 25; 27].

Эмоциональный компонент пятифакторной шкалы созависимости определяет присутствие характерных для созависимых эмоций (страх, тревогу, беспокойство) и способ переживания эмоциональных состояний (подавление, игнорирование или преуменьшение собственных эмоций, легкое эмоциональное заражение). Potter-Efron и Potter-Efron, Schaef, Vlaicu; Yates и McDaniel и др. утверждают, что тревога и страх часто обнаруживаются у созависимых [30; 34; 37; 42]. Как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях одним из проявлений симптомокомплекса созависимости считается подавление и игнорирование эмоций [10; 23; 16]. Так же как в нашей концепции, эмоциональная реактивность изучается в структуре личностных характеристик авторами Holyoake Codependency Index [14].

Вопросы поведенческого компонента шкалы направлены на изучение поведенческого паттерна, проявляющегося в межличностных отношениях созависимых, он рассматривается как один из важнейших диагностических критериев созависимости представителями всех научных школ: это – самопожертвование, пренебрежение собственными потребностями, ради удовлетворения потребностей других [26].

Несмотря на то, что многие исследователи подчеркивают специфику мотивации, лежащей в основе созависимости, ее мотивационные не вводятся в качестве самостоятельного диагностического фактора ни в один из проанализированных нами опросников. Мотивационный компонент пятифакторной шкалы изучает особенности мотивации, лежащей в основе созависимого поведения, в том числе стремление к социальному одобрению, подтверждению собственной «нужности», избегание негативной эмоциональной реакции со стороны другого и реакции отвержения. Аналогичные характеристики созависимости встречаются в работах ряда авторов [6; 8; 12; 15; 16; 26; 29; 36].

Пожалуй, впервые в опросник созависимости был введен когнитивный компонент, при том что важность изучения когнитивной составляющей этого феномена неоднократно подчеркивалась исследователями [2]. В структуру компонента были включены вопросы, позволяющие оценить выраженность когнитивных искажений (нелогичных убеждений) в отношении других и в отношении себя. Ответы на вопросы когнитивной субшкалы помогают не только продиагностировать глубину самоообесценивания, но и определить базовые нелогичные убеждения, которые могут стать терапевтическими мишенями в работе с созависимым клиентом [17].

Выводы. В рамках исследования была проведена эмпирическая валидация теоретического представления о созависимости как комплексном феномене, проявляющемся на мотивационном, когнитивном, эмоциональном, регулятивном и поведенческом уровне психической организации человека. Психометрическое обоснование в процессе исследования многофакторная шкала созависимости существенно обогащает возможности диагностики созависимости для научных и терапевтических целей.

Дальнейшие направления исследований могут быть связаны с выведением нормативных показателей созависимости для разных возрастных когорт, определением типов созависимого поведения, проведением сравнительных исследований созависимости.

Список литературы

1. Ананьева Г. А. Семья: химическая зависимость и созависимость. Работа с созависимостью. М. : Класс, 2003. 187 с.
2. Артемцева Н. Г., Малкина С. А. Когнитивные ошибки созависимых как способ защиты от неопределенности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 19. № 1. С. 153–166.
3. Береза Ж. В., Исаева Е. Р. Влияние психотерапевтической коррекции созависимости матерей наркозависимых пациентов на эффективность лечебно-реабилитационного процесса // Психология. Психофизиология. 2018. Т. 11. № 2. С. 54–62. DOI: 10.14529/psy180206.
4. Березин С. В., Лисецкий К. С., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости. М. : МПА, 2001. 188 с.
5. Винников Л. И. Созависимость как психологический феномен // Достижения науки и образования. 2019. № 9–1 (50). С. 40–41.

6. Ершова Р. В, Соколова А. В. К проблеме концептуализации феномена созависимости в психологии // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 1 (147). С. 110–119.
7. Москаленко В. Д. Взрослые дети больных зависимостями – группа множественного риска // Наркология. 2009. Т. 8. № 2. С. 76–84.
8. Посохова С. Т., Стряпухина Ю. В. Некоторые подходы к определению феномена созависимости // Modernity: человек и культура. 2022. С. 130–138.
9. Ançel G., Kabakçi E. Psychometric properties of the Turkish form of codependency assessment tool // Archives of psychiatric nursing. 2009. Vol. 23. № 6. Pp. 441–453. DOI: 10.1016/j.apnu.2008.10.004.
10. Bacon I. et al. The lived experience of codependency: An interpretative phenomenological analysis // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. Vol. 18. Pp. 754–771. DOI: 10.1007/s11469-018-9983-8.
11. Brown T. A. Confirmatory factor analysis for applied research. Guilford publications, 2015. 420 p.
12. Cermak T. Co-addiction as a disease. Psychiatric Annals. 1991. № 21 (5). Pp. 266–272. DOI: 10.3928/0048-5713-19910501-05.
13. Cullen J., Carr A. Codependency: An empirical study from a systemic perspective // Contemporary Family Therapy. 1999. Vol. 21. Pp. 505–526. DOI: 10.1023/A:1021627205565.
14. Dear G. E., Hardie J. B., Hall A. The development of the Holyoake Codependency Index. 1990. Vol. 90. № 2.
15. Dear G. E., Roberts C. M. Validation of the Holyoake codependency index // The Journal of psychology. 2005. Vol. 139. № 4. Pp. 293–314. DOI: 10.3200/JRLP.139.4.293-314.
16. Fischer J. L., Spann L. Measuring codependency // Alcoholism Treatment Quarterly. 1991. Vol. 8. № 1. Pp. 87–100.
17. Flanagan C., Atkinson T., Young J. An introduction to Schema Therapy // Creative Methods in Schema Therapy: Advances and Innovation in Clinical Practice. 2020. 360 p.
18. Fuller J. A., Warner R. M. Family stressors as predictors of codependency // Genetic Social and General Psychology Monographs. 2000. Vol. 126. № 1. Pp. 5–24.
19. Gombert E. S. L. On terms used and abused: the concept of “codependency” // Current issues in alcohol/drug studies. Routledge, 2019. Pp. 113–132.
20. Hands M., Dear G. Co-dependency: a critical review // Drug and Alcohol Review. 1994. Vol. 13. № 4. Pp. 437–445. DOI: 10.1080/09595239400185571.
21. Hirschfeld R. M. A. et al. A measure of interpersonal dependency // Journal of personality assessment. 1977. Vol. 41. № 6. Pp. 610–618. DOI: 10.1207/s15327752jpa4106_6.
22. Hughes-Hammer C., Martsolf D. S., Zeller R. A. Development and testing of the codependency assessment tool // Archives of psychiatric nursing. 1998. Vol. 12. № 5. Pp. 264–272. DOI: 10.1016/S0883-9417(98)80036-8.
23. Kolenova A. et al. Personality Traits, Approval Motivation, and Empathy as Predictors of Cognitive Regulation of Emotions and Behavioral Self-Control in Codependent Women // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2023. Vol. 11. № 2. Pp. 187–197. DOI: 10.23947/2334-8496-2023-11-2-187-197.
24. Lawson A. W., Lawson G. W. Families and drugs // Addiction counseling review. 2004. Pp. 175–202.
25. Lymankina A. Features of the relationship of codependence in middle-aged women with self-esteem and anxiety // Paradigm of Knowledge. 2023. Vol. 2. № 56.
26. Marks A. D. G. et al. Development and validation of a revised measure of codependency // Australian Journal of Psychology. 2012. Vol. 64. № 3. Pp. 119–127.
27. Pagano-Stalzer C. Reconceptualizing Codependency: Psychometric Properties of a Novel Instrument and Clinical Correlates : дисс. Adelphi University, 2021.
28. Parker F. M., Faulk D., LoBello S. G. Assessing codependency and family pathology in nursing students // Journal of Addictions Nursing. 2003. Vol. 14. № 2. Pp. 85–90.
29. Peele S., Brodsky A. Love and addiction. 1975. 326 p.
30. Potter-Efron R. T., Potter-Efron P. Assessment of co-dependency with individuals from alcoholic and chemically dependent families // Alcoholism Treatment Quarterly. 1989. Vol. 6. № 1. Pp. 37–57.
31. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. 2021. URL: <https://www.R-project.org/>.
32. Rozhnova T. M. et al. The phenomenon of codependency: psychological and medical genetic aspects // Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics. 2020. Vol. 12. № 5. Pp. 53–59.
33. Rumman G. Relationship Obsessive Compulsive Disorder: Intellectualization in Codependent Relationships as an Unconscious Defense Against Intimacy. Pacifica Graduate Institute, 2020.
34. Schaef A. Co-dependence: Mistreated and misunderstood. 1986.
35. Subby R. C. Lost in the shuffle: The co-dependent reality. Simon and Schuster, 2010. 154 p.
36. Tanhan F., Mukba G. A psychometric analysis concerning the turkish version of the Spann-Fischer codependency scale // Pamukkale Universitesi Egitim Fakultesi Dergisi-Pamukkale University Journal of Education. 2014. № 36. Pp. 179–189.
37. Vlaicu C. et al. Co-dependency in intimate relationship-a learned behaviour // International Journal of Theology, Philosophy and Science. 2020. Vol. 4. № 6. Pp. 82–89.

38. Wegscheider-Cruse S., Cruse J. R. Understanding codependency: The science behind it and how to break the cycle. Health Communications, 2012. 192 p.
39. Whitfield C. L. Co-dependence: Our most common addiction-some physical, mental, emotional and spiritual perspectives // Co-Dependency. Routledge, 2014. Pp. 19–36.
40. Wright P. H., Wright K. D. Codependency: Addictive love, adjustive relating, or both? // Contemporary family therapy. 1991. Vol. 13. № 5. Pp. 435–454.
41. Yariy V. V. Treatment and rehabilitation integrated system and its effectiveness for codependent families with alcohol addicted husbands // Sciences of Europe. 2016. № 7–1 (7).
42. Yates J. G., McDaniel J. L. Are you losing yourself in codependency? // AJN The American Journal of Nursing. 1994. Vol. 94. № 4. Pp. 32–36.
43. Zielinski M. et al. Codependency and prefrontal cortex functioning: preliminary examination of substance use disorder impacted family members // The American journal on addictions. 2019. Vol. 28. № 5. Pp. 367–375.

Psychometric substantiation of the multifactorial scale of codependency

Ershova Regina Vyacheslavovna¹, Sokolova Anna Viktorovna²,
Shlyakhta Dmitry Alexandrovich³

¹Doctor of Psychological Sciences, professor, professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. E-mail: ershova_rv@pfur.ru

²clinical psychologist, CBT therapist, schema therapist (private practice). Russia, Volgograd.
E-mail: asokolova.psy@gmail.com

³PhD in Psychological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow.
E-mail: shlyakhta-da@rudn.ru

Abstract. The phenomenon of codependency has been studied from the standpoint of personological, interactive, convergent approaches and the disease model for more than seventy years. However, there is still no unified understanding of the nature, internal structure, and factors of codependency formation, and the methods of its diagnosis vary depending on the approach. The purpose of the study was the psychometric substantiation of the multifactorial scale of codependency and the empirical verification of the theoretical concept of its five-component structure. Exploratory analysis using Cronbach's alpha and McDonald's omega coefficients and confirmatory factor analysis based on the ML estimator (maximum likelihood method) confirmed the high reliability and internal consistency of the five-factor codependency structure, correlation analysis of the multifactor scale with the Spann-Fisher codependency questionnaire confirmed its constructive validity. The conducted research allowed us to confirm the assumption of codependency as an integral characteristic of a personality, which is realized through dysfunctional relationships with others, is formed under the influence of a complex of social, psychological, biological factors, manifests itself on the motivational (the need for social approval, avoiding negative evaluation by others); cognitive (self-depreciation, negative self-image); emotional (suppression of one's own emotions, mild emotional infection); regulatory (external locus of control) and behavioral (self-sacrifice, neglect of one's own needs for the sake of the interests of another) levels and leads to a sharp decrease in the quality of life of a codependent, the formation of a complex of psycho-emotional, communicative, somatic problems.

Keywords: codependency, codependency factors, codependency scale, codependency scale validation, codependency model.

References

1. Anan'eva G. A. *Sem'ya: himicheskaya zavisimost' i sozavisimost'. Rabota s sozavisimost'yu* [Family: chemical dependence and codependency. Working with codependency]. M. Class, 2003. 187 p.
2. Artemceva N. G., Malkina S. A. *Kognitivnye oshibki sozavisimyyh kak sposob zashchity ot neopredelennosti* [Cognitive errors of codependents as a way of protection from uncertainty] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki* – Herald of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2022. Vol. 19. No. 1. Pp. 153–166.
3. Bereza Zh. V., Isaeva E. R. *Vliyanie psihoterapevticheskoy korrektsii sozavisimosti materej narkozavisimyyh pacientov na effektivnost' lechebno-reabilitatsionnogo processa* [The influence of psychotherapeutic correction of codependency of mothers of drug-dependent patients on the effectiveness of the treatment and rehabilitation process] // *Psihologiya. Psihofiziologiya* – Psychology. Psychophysiology. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 54–62. DOI: 10.14529/psy180206.

4. Berezin S. V., Liseckij K. S., Nazarov E. A. *Psihologiya narkoticheskoy zavisimosti i sozavisimosti* [Psychology of drug addiction and codependency]. M. IPA, 2001. 188 p.
5. Vinnikov L. I. *Sozavisimost' kak psihologicheskij fenomen* [Codependency as a psychological phenomenon] // *Dostizheniya nauki i obrazovaniya* – Achievements of science and education. 2019. No. 9–1 (50). Pp. 40–41.
6. Ershova R. V., Sokolova A. V. *K probleme konceptualizatsii fenomena sozavisimosti v psihologii* [On the problem of conceptualizing the phenomenon of codependency in psychology] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2023. No. 1 (147). Pp. 110–119.
7. Moskalenko V. D. *Vzroslye deti bol'nyh zavisimostyami – gruppa mnozhestvennogo riska* [Adult children with addictions are a group of multiple risk] // *Narkologiya* – Narcology. 2009. Vol. 8. No. 2. Pp. 76–84.
8. Posohova S. T., Stryapuhina Yu. V. *Nekotorye podhody k opredeleniyu fenomena sozavisimosti* [Some approaches to the definition of the phenomenon of codependency] // *Modernity: chelovek i kul'tura* – Modernity: man and culture. 2022. Pp. 130–138.
9. Ançel G., Kabakçi E. Psychometric properties of the Turkish form of codependency assessment tool // *Archives of psychiatric nursing*. 2009. Vol. 23. No. 6. Pp. 441–453. DOI: 10.1016/j.apnu.2008.10.004.
10. Bacon I. et al. The lived experience of codependency: An interpretative phenomenological analysis // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. Vol. 18. Pp. 754–771. DOI: 10.1007/s11469-018-9983-8.
11. Brown T. A. *Confirmatory factor analysis for applied research*. Guilford publications, 2015. 420 p.
12. Cermak T. Co-addiction as a disease. *Psychiatric Annals*. 1991. No. 21 (5). Pp. 266–272. DOI: 10.3928/0048-5713-19910501-05.
13. Cullen J., Carr A. Codependency: An empirical study from a systemic perspective // *Contemporary Family Therapy*. 1999. Vol. 21. Pp. 505–526. DOI: 10.1023/A:1021627205565.
14. Dear G. E., Hardie J. B., Hall A. The development of the Holyoake Codependency Index. 1990. Vol. 90. No. 2.
15. Dear G. E., Roberts C. M. Validation of the Holyoake codependency index // *The Journal of psychology*. 2005. Vol. 139. No. 4. Pp. 293–314. DOI: 10.3200/JRPL.139.4.293-314.
16. Fischer J. L., Spann L. Measuring codependency // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 1991. Vol. 8. No. 1. Pp. 87–100.
17. Flanagan C., Atkinson T., Young J. An introduction to Schema Therapy // *Creative Methods in Schema Therapy: Advances and Innovation in Clinical Practice*. 2020. 360 p.
18. Fuller J. A., Warner R. M. Family stressors as predictors of codependency // *Genetic Social and General Psychology Monographs*. 2000. Vol. 126. No. 1. Pp. 5–24.
19. Gombert E. S. L. On terms used and abused: the concept of "codependency" // *Current issues in alcohol/drug studies*. Routledge, 2019. Pp. 113–132.
20. Hands M., Dear G. Co-dependency: a critical review // *Drug and Alcohol Review*. 1994. Vol. 13. No. 4. Pp. 437–445. DOI: 10.1080/09595239400185571.
21. Hirschfeld R. M. A. et al. A measure of interpersonal dependency // *Journal of personality assessment*. 1977. Vol. 41. No. 6. Pp. 610–618. DOI: 10.1207/s15327752jpa4106_6.
22. Hughes-Hammer C., Martsof D. S., Zeller R. A. Development and testing of the codependency assessment tool // *Archives of psychiatric nursing*. 1998. Vol. 12. No. 5. Pp. 264–272. DOI: 10.1016/S0883-9417(98)80036-8.
23. Kolenova A. et al. Personality Traits, Approval Motivation, and Empathy as Predictors of Cognitive Regulation of Emotions and Behavioral Self-Control in Codependent Women // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 187–197. DOI: 10.23947/2334-8496-2023-11-2-187-197.
24. Lawson A. W., Lawson G. W. Families and drugs // *Addiction counseling review*. 2004. Pp. 175–202.
25. Lymanikina A. Features of the relationship of codependence in middle-aged women with self-esteem and anxiety // *Paradigm of Knowledge*. 2023. Vol. 2. No. 56.
26. Marks A. D. G. et al. Development and validation of a revised measure of codependency // *Australian Journal of Psychology*. 2012. Vol. 64. No. 3. Pp. 119–127.
27. Pagano-Stalzer C. *Reconceptualizing Codependency: Psychometric Properties of a Novel Instrument and Clinical Correlates* : дисс. Adelphi University, 2021.
28. Parker F. M., Faulk D., LoBello S. G. Assessing codependency and family pathology in nursing students // *Journal of Addictions Nursing*. 2003. Vol. 14. No. 2. Pp. 85–90.
29. Peele S., Brodsky A. Love and addiction. 1975. 326 p.
30. Potter-Efron R. T., Potter-Efron P. Assessment of co-dependency with individuals from alcoholic and chemically dependent families // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 1989. Vol. 6. No. 1. Pp. 37–57.
31. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. 2021. Available at: <https://www.R-project.org/>.
32. Rozhnova T. M. et al. The phenomenon of codependency: psychological and medical genetic aspects // *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*. 2020. Vol. 12. No. 5. Pp. 53–59.
33. Rumman G. *Relationship Obsessive Compulsive Disorder: Intellectualization in Codependent Relationships as an Unconscious Defense Against Intimacy*. Pacifica Graduate Institute, 2020.
34. Schaef A. *Co-dependence: Mistreated and misunderstood*. 1986.
35. Subby R. C. *Lost in the shuffle: The co-dependent reality*. Simon and Schuster, 2010. 154 p.

36. *Tanhan F., Mukba G.* A psychometric analysis concerning the turkish version of the Spann-Fischer codependency scale // Pamukkale Universitesi Egitim Fakultesi Dergisi-Pamukkale University Journal of Education. 2014. No. 36. Pp. 179–189.
37. *Vlaicu C. et al.* Co-dependency in intimate relationship-a learned behaviour // International Journal of Theology, Philosophy and Science. 2020. Vol. 4. No 6. Pp. 82–89.
38. *Wegscheider-Cruse S., Cruse J. R.* Understanding codependency: The science behind it and how to break the cycle. Health Communications, 2012. 192 с.
39. *Whitfield C. L.* Co-dependence: Our most common addiction-some physical, mental, emotional and spiritual perspectives // Co-Dependency. Routledge, 2014. Pp. 19–36.
40. *Wright P. H., Wright K. D.* Codependency: Addictive love, adjustive relating, or both? // Contemporary family therapy. 1991. Vol. 13. No. 5. Pp. 435–454.
41. *Yariy V. V.* Treatment and rehabilitation integrated system and its effectiveness for codependent families with alcohol addicted husbands // Sciences of Europe. 2016. No. 7–1 (7).
42. *Yates J. G., McDaniel J. L.* Are you losing yourself in codependency? // AJN The American Journal of Nursing. 1994. Vol. 94. No. 4. Pp. 32–36.
43. *Zielinski M. et al.* Codependency and prefrontal cortex functioning: preliminary examination of substance use disorder impacted family members // The American journal on addictions. 2019. Vol. 28. No. 5. Pp. 367–375.

Поступила в редакцию: 02.10.2024

Принята к публикации: 16.12.2024

Метакогнитивная включенность в интеллектуальную деятельность студентов на начальных и финальных курсах обучения в вузе

Виноградова Яна Евгеньевна¹, Бызова Валентина Михайловна²

¹кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии,

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-3030-5257. E-mail: yana.e.vinogradova@gmail.com

²доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии,

Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.

ORCID: 0000-0001-6362-7714. E-mail: vbysova@mail.ru

Аннотация. В современной науке исследования успешности деятельности прочно связаны с феноменом когнитивной регуляции. Однако в последние годы исследовательское внимание чаще обращено на эмоциональную регуляцию. Дж. Флейвелл утверждает метапознание как важный компонент когнитивного развития человека. Метапознание рассматривается как способность к регуляции с применением метакогнитивного мониторинга интеллектуальной деятельности и стабилизируется к завершению школьного обучения. Данное предположение обуславливает исследовательский интерес к особенностям метакогнитивной регуляции студентов. В статье представлены результаты исследования метакогнитивной включенности в интеллектуальную деятельность студентов университетов. Целью исследования является выявление особенностей метакогнитивной включенности в интеллектуальную деятельность студентов. Выдвинуто предположение о том, что выраженность показателей метакогнитивной включенности в деятельность студентов, обучающихся на начальных курсах, ниже по сравнению со студентами старших курсов. В опросе приняли участие 264 студента второго и четвертого курсов (возраст 19–21 год). Измерение проводили с помощью методик: метакогнитивная включенность в интеллектуальную деятельность, эмоциональный интеллект, осознанная саморегуляция. Также измеряли показатель субъективной удовлетворенности жизнью. Обнаружено, что общие показатели метакогнитивной включенности студентов начальных и финальных курсов достоверно не различаются. Однако в структуре взаимосвязей системы психической саморегуляции (межличностный эмоциональный интеллект, регуляторный процесс оценивания результатов, метакогнитивное знание, метакогнитивная регуляция) студентов финальных курсов регистрируется меньшее количество взаимосвязей. Также для данной группы выявлены более плотные корреляции со шкалой удовлетворенности жизнью. Показатели удовлетворенности жизнью достоверно выше у студентов финальных курсов. Выявленные высокие оценки субъективного благополучия студентов финальных курсов и их плотная взаимосвязь с компонентами метакогнитивной включенности в деятельность подтверждают выводы Дж. Флейвелла о влиянии метакогнитивной регуляции на успешность в повседневной деятельности. Полученные результаты применимы в подготовке учебных курсов для студентов начальных и финальных этапов обучения.

Ключевые слова: метакогнитивная включенность в интеллектуальную деятельность, психическая регуляция, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие.

Введение. Согласно Г. Шроу и Р. Деннисон, метакогнитивная включенность позволяет человеку планировать, отслеживать и контролировать процессы собственной интеллектуальной деятельности. Метакогнитивная включенность является одним из ключевых элементов, необходимых для развития автономии и самостоятельности личности [24]. Исследование метакогнитивной включенности в деятельность как компонента метапознания относится к фундаментальным проблемам психологии.

Феномен метакогнитивной включенности в деятельность является эмпирическим отображением теоретической модели метакогнитивного мониторинга интеллектуальной деятельности Дж. Флейвелла. В своей программной статье автор определяет метакогнитивный мониторинг как интегратор интеллектуальной деятельности. В исследовательских проектах аккумулируется эмпирический материал и формулирует выводы, которые позволяют утверждать, что метакогнитивный мониторинг является важным ресурсом развития когнитивной сферы личности и успешно демонстрируется старшими школьниками [20].

Конструкт включает: метакогнитивные знания, метакогнитивный опыт, и метакогнитивные действия (стратегии). Компоненты метапознания предоставляют широкий спектр возможностей для возникновения мыслей и чувств по поводу собственного мышления и в случаях требуемого контроля качества интеллектуальной деятельности [20]. Автор определяет особенное место метапознания в передаче информации, устном убеждении, понимании прочитанного, решении проблем, социальном познании, видах самоконтроля и самоинструктирования (метакогнитивная вовлеченность) [21].

В зарубежной психологии теоретические положения модели Дж. Флейвелла являются основанием для многочисленных исследований [15; 18; 19; 22; 25].

В отечественной психологии отмечается особый интерес к метакогнитивной включенности в контексте эффективности учебной деятельности [5; 6; 7; 10; 14].

Однако исследований метакогнитивной включенности как компонента системы саморегуляции, позволяющей осознанно понимать действительность, недостаточно. В то же время современная реальность формирует заказ на освоение личностью новых стратегий обработки и систематизации огромных потоков информации, что способствует формированию актуальной картины мира, повышению уровня осмысленности жизни [1].

И. В. Дубровина подчеркивает, что субъективная осмысленность жизни является эквивалентом ощущения счастья [4]. Д. А. Леонтьев поясняет, что счастье соответствует эмпирической модели субъективного благополучия, что позволяет диагностировать важный аспект психологического благополучия [8].

Нами ранее проведено исследование вклада метакогнитивной включенности в систему психической саморегуляции студентов: обнаружены значимые корреляции с общим уровнем самоорганизации деятельности, с рядом шкал психологического благополучия: личностным ростом, целями в жизни и автономией, а также с большинством шкал эмоционального интеллекта [3].

Ранее нами были изучены представления молодежи о психологическом благополучии, стратегиях его достижения и способах преодоления субъективного неблагополучия. По данным опроса, выделены студенты с разными уровнями психологического благополучия, которые отличались различными стратегиями его достижения. По мнению студентов, с высоким уровнем благополучия, в отличие от низкого, необходима когнитивная активность, понимание своих чувств и эмоций, стремление к анализу происходящего. Было выявлено, что одним из предикторов благополучия являются компоненты метакогнитивной включенности в деятельность [2].

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей метакогнитивной включенности в интеллектуальную деятельность студентов.

Метод. В исследовании опирались на системный подход, концепцию Дж. Флейвелла. Целью исследования стало выявление особенностей метакогнитивной включенности в интеллектуальную деятельность студентов.

Основная гипотеза: показатели выраженности метакогнитивной включенности в интеллектуальную деятельность студентов финальных курсов отличаются по сравнению с показателями студентов начальных курсов.

Частные гипотезы:

- структура взаимосвязей компонентов психической саморегуляции (эмоциональный интеллект, осознанная саморегуляция и метакогнитивная включенность) студентов финальных курсов не соответствует аналогичной структуре студентов начальных курсов;
- метакогнитивная включенность в деятельность образует взаимосвязи с показателями субъективной удовлетворенности жизнью.

Участниками исследования стали студенты вторых и четвертых курсов, обучающиеся в Санкт-Петербургских университетах: 264 человека, в возрасте 19–21 года (средний возраст 20 лет). Из них 214 студентов вторых курсов (10 % молодых людей и 90 % девушек; средний возраст – $M 19,06$ $SD 0,4$) и 50 студентов четвертого курса (10 % молодых людей и 90 % девушек; средний возраст – $M 20,9$ $SD 0,9$).

В период исследования все респонденты были включены в текущую учебную деятельность, не сдавали зачеты и экзамены. Участие в исследовании было добровольным.

Процедура исследования предполагала заполнение электронных версий опросников. Для диагностики характеристик разных сфер психической саморегуляции использовались следующие методики:

– опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» Г. Шроу и Р. Деннисон (1994) в адаптации А. В. Карпова, И. М. Скитяевой (2005) и последующей модификации Е. И. Периковой, В. М. Бызовой, направленный на оценку общего показателя метакогнитивной включенности и его компонентов: метакогнитивных знаний и метакогнитивного регулирования, декларативных, процедурных и условных знаний, контроля компонентов, структуры исправления ошибок [13];

– опросник «Стиль саморегуляции поведения», разработанный В. И. Моросановой и направленный на выявление стилей осознанной саморегуляции: регуляторных процессов (планирование, моделирование, программирование, контроль и оценка) и регуляторно-личностных свойств (гибкость и самостоятельность) [11];

– опросник «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина направлен на диагностику показателей ЭИ – внутриличностного ЭИ, включающего понимание и управление своими эмоциями, и межличностного ЭИ, включающего понимание и управление эмоциями других людей [9];

– шкала удовлетворенности жизнью (ШУЖ), разработанная Э. Динером с соавторами (E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen, S. Griffin, 1985) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, позволяет интегрально оценить субъективную удовлетворенность текущими условиями жизни, достигнутыми целями и отношением к жизни, направлена на изучение когнитивных компонентов субъективного благополучия [12].

Математико-статистический анализ данных проводился с помощью программы SPSS 27.0 с использованием описательных статистик, сравнительного (Т-критерий) и корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты исследования. По результатам анализа описательных статистик были получены следующие характеристики системы психической саморегуляции (таблица 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ средних показателей сфер системы психической саморегуляции студентов 2 и 4 курсов

Характеристики сфер психической саморегуляции	Выборка 2 курса (N=214)		Выборка 4 курса (N=50)		Т-критерий Р-уровень
	M	SD	M	SD	
Метакогнитивная включенность в деятельность	125,8	14,8	122,35	19,9	0,238
Метакогнитивные знания	45,16	8,8	45,6	6,7	0,750
Метакогнитивная регуляция	80,3	10,5	77,2	12,0	0,135
Декларативные знания	19,6	3,3	19,1	4,2	0,445
Процедурные знания	10,9	2,3	11,1	2,8	0,671
Условные знания	15,7	2,9	15,5	2,9	0,640
Метакогнитивное планирование	16,3	3,3	14,9	2,4	0,033
Стратегия управления информацией	8,4	1,9	8,6	3,0	0,489
Контроль компонентов	24,3	3,7	22,6	5,1	0,025
Структура исправления ошибок	17,0	3,4	16,3	3,1	0,280
Оценка	15,9	3,3	14,9	3,0	0,079
Осознанная саморегуляция	30,6	6,1	34,06	6,1	0,004
Регуляторный процесс планирование	5,8	1,8	4,9	1,7	0,008
Регуляторный процесс моделирование	6,2	1,9	6,1	1,4	0,791
Регуляторный процесс программирование	5,9	1,6	5,8	1,6	0,753
Регуляторный процесс оценивание результата	6,2	1,6	5,8	1,6	0,281
Гибкость	5,7	2,0	6,3	2,0	0,114
Самостоятельность	5,4	1,9	5,87	1,9	0,188
Эмоциональный интеллект					
Межличностный	66,7	9,4	39,5	11,5	0,000
Внутриличностный	66,6	9,4	38,1	13,2	0,000
Понимание эмоций	65,7	10,5	38,8	12,0	0,000
Управления эмоциями	66,8	10,3	40,8	12,5	0,000

Примечание. $p \leq 0,05$. М – среднее значение; SD – стандартное отклонение. Шрифтом выделен достоверный уровень значимости.

Из таблицы 1 видно, что значимых различий в показателях метакогнитивных знаний выборок не выявлено. Однако выявлены различия в процессах метакогнитивной регуляции: показатели планирования студентов 2 курса ($M 16,3 SD 3,3$) выше по сравнению с показателями студентов 4 курса ($M 14,9 SD 2,4$) на высоком уровне значимости ($p=0,033$); показатели контроля компонентов студентов 2 курса ($M 24,3 SD 3,7$) выше показателей студентов 4 курса ($M 22,6 SD 5,1$) на достоверном уровне значимости ($p=0,025$).

Также выявлены различия в показателях осознанной саморегуляции: у студентов 2 курса показатель осознанной саморегуляции ($M 30,6 SD 6,1$) оказался ниже по сравнению с показателем студентов 4 курса ($M 34,06 SD 6,1$) на высоком уровне значимости ($p=0,004$).

Среди регуляторных процессов различие выявлено в показателе планирования студентов 2 курса ($M 5,8 SD 1,8$), которое значимо выше ($p=0,008$) по сравнению с показателем студентов 4 курса ($M 4,9 SD 1,7$). Все показатели компонентов эмоционального интеллекта студентов 2 курса значимо выше ($p \leq 0,001$) показателей студентов 4 курса: межличностный, внутриличностный ЭИ, понимание и управление эмоциями.

Также были проанализированы показатели субъективной оценки удовлетворенности жизнью студентов 4 и 2 курса (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ показателей удовлетворенности жизнью

	Выборка 2 курс (N=214)		Выборка 4 курс (N=50)		Т-критерий р-уровень
	M	SD	M	SD	
Удовлетворенность жизнью	18,7	3,7	20,35	3,7	0,032

Примечание. $p \leq 0,05$. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение. Шрифтом выделен достоверный уровень значимости.

Из таблицы 2 можно видеть, что показатель удовлетворенности жизнью студентов 4 курса ($M 20,35 SD 3,7$) значимо выше ($p=0,032$) по сравнению с показателем студентов 2 курса ($M 18,7 SD 3,7$).

Необходимо заметить, что значимых различий исследуемых показателей у молодых людей, по сравнению с девушками, не выявлено.

Для уточнения результатов был проведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в таблицах 3, 4.

Таблица 3

Корреляции метакогнитивной включенности с показателями системы психической регуляции и УЖ в выборке студентов 2 курса

Показатели системы психической регуляции	Метакогнитивная включенность
Межличностный эмоциональный интеллект	0,373 0,000
Внутриличностный эмоциональный интеллект	0,335 0,000
Осознанная саморегуляция	0,261 0,000
Процесс планирование	0,214 0,000
Процесс программирование	0,355 0,000
Процесс моделирование	-
Процесс оценка результатов	0,229 0,001
Гибкость	0,198 0,004
Самостоятельность	-
Метакогнитивное знание	0,744 0,000
Метакогнитивное регулирование	0,929 0,000
Потенциал самоизменений	0,290 0,000
Удовлетворенность жизнью	0,264 0,000

Примечание. Коэффициент корреляции Пирсона, $p \leq 0,05$.

Из таблицы 3 видно, что в выборке 2 курса выявлены статистически значимые взаимосвязи межличностного эмоционального интеллекта ($r=0,373$ $p=0,000$) и внутриличностного эмоционального интеллекта ($r=0,335$ $p=0,000$). Также выявлены взаимосвязи метакогнитивной включенности в деятельность и регуляторных процессов, которые образуют общий показатель осознанной саморегуляции: планирование ($r=0,214$ $p=0,000$), программирование ($r=0,355$ $p=0,000$), процесс оценки результатов ($r=0,229$ $p=0,001$). Для процесса моделирование досто-

верных взаимосвязей обнаружено не было. Метакогнитивная включенность в деятельность образует слабую взаимосвязь с регуляторной чертой личности гибкость ($r=0,198$ $p=0,004$). С самостоятельностью связей не обнаружено. Компонент метакогнитивной включенности в деятельность метакогнитивное регулирование ($r=0,929$ $p=0,000$) образует более плотную взаимосвязь, чем метакогнитивные знания ($r=0,744$ $p=0,000$).

Выявлены слабые взаимосвязи метакогнитивной включенности в деятельность и показателей психологического благополучия: удовлетворенности жизнью ($r=0,264$ $p=0,000$), потенциала самоизменений ($r=0,290$ $p=0,000$).

Взаимосвязи компонентов системы психической саморегуляции и удовлетворенности жизнью в выборке студентов 4 курса показаны в таблице 4.

Таблица 4

Корреляции метавключенности с показателями системы психической регуляции и УЖ в выборке студентов 4 курса

Показатели системы психической регуляции	Метакогнитивная Включенность
Межличностный эмоциональный интеллект	0,380 0,035
Внутриличностный эмоциональный интеллект	-
Осознанная саморегуляция	-
Процесс планирование	-
Процесс программирование	-
Процесс моделирование	-
Процесс оценивание результатов	0,491 0,005
Гибкость	-
Самостоятельность	-
Метакогнитивное знание	0,933 0,000
Метакогнитивное регулирование	0,964 0,000
Потенциал самоизменений	0,568 0,001
Удовлетворенность жизнью	0,462 0,009

Примечание. Коэффициент корреляции Пирсона, $p \leq 0,05$.

Из таблицы 4 видно, что в выборке 4 курса статистически значимую корреляцию с метакогнитивной включенностью образуют межличностный эмоциональный интеллект ($r=0,380$ $p=0,035$) и показатель оценивания результатов ($r=0,491$ $p=0,005$). Метакогнитивные знания ($r=0,933$ $p=0,000$) и метакогнитивное регулирование ($r=0,964$ $p=0,000$) образуют плотные взаимосвязи с метакогнитивной включенностью. Выявлены взаимосвязи метакогнитивной включенности в деятельность и психологического благополучия: удовлетворенность жизнью ($r=0,462$ $p=0,009$) и потенциал самоизменений ($r=0,568$ $p=0,001$).

Обсуждение результатов. Выявлено, что студенты 2 курса демонстрируют более высокие показатели метакогнитивного планирования и контроля компонентов, а также регуляторного планирования, по сравнению со студентами 4 курса. Однако значимых различий показателей общей метакогнитивной включенности в деятельность (метакогнитивного знания, метакогнитивной регуляции) студентов 4 курса, по сравнению со студентами 2 курса, не выявлено. Развитие студентов в начале обучения выше, чем в конце. Это можно объяснить тем, что интерес и мотивация к обучению в начале более выражены, чем в конце. К концу обучения в поддержании мотивации студентов возрастает роль научных руководителей. Исследователи метапознания подтверждают подобные различия в метакогнитивной деятельности студентов [15].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что компоненты метакогнитивной включенности в деятельность плотно связаны со всеми компонентами сфер психической регуляции у студентов 2 курса. Тогда как студенты 4 курса демонстрируют другую корреляционную структуру. Выявленные особенности метакогнитивной включенности в деятельность отображают закономерности метакогнитивного развития и подтверждают выводы современных исследований [16; 19].

В исследовании показано, что показатели удовлетворенности жизнью студентов 4 курса значимо выше, по сравнению со студентами 2 курса. Данные результаты могут быть связаны с выявленными особенностями структуры психической саморегуляции студентов и соотносятся с теоретическими выводами J. Johnson [23] об изменениях регуляторных структур личности в ходе ее конструктивного развития.

Дж. Флейвелл отмечает, что метакогнитивные переживания (метакогнитивная включенность в интеллектуальную деятельность) помогают приобрести чувство уверенности в достижении целей и задач, снизить переживания возможных неудач [21]. И только планомерное развитие метавключенности позволяет человеку расширить перспективы будущего, не оценивая свои действия в соответствии с единственным правильным ответом.

Заключение. Студентов, обучающихся на начальных и финальных курсах, заметно различает структура взаимосвязей метакогнитивной включенности, системы психической саморегуляции в деятельность, а также показателей психологического благополучия. Участники исследования в целом продемонстрировали высокий уровень метакогнитивной включенности. Выявленные особенности системы психической саморегуляции студентов выпускных курсов отличаются плотными связями компонентов метакогнитивной включенности в интеллектуальную деятельность и сказываются на показателях субъективного благополучия.

В целях оптимизации учебной деятельности необходимо повысить роль не только научных руководителей, но и преподавателей. Метакогнитивная включенность преподавателей благоприятно повлияет на эффективность учебного процесса, позволит сформировать навыки, позволяющие решать новые учебные задачи на финальных курсах обучения. Результаты исследования могут быть использованы для программ повышения квалификации преподавательского состава в аспекте метакогнитивной включенности.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология и социальные изменения. Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 5–15.
2. Бызова В. М., Перикова Е. А. Представления молодежи о психологическом благополучии и стратегиях его достижения // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 118–130. DOI: 10.17223/17267080/70/9.
3. Бызова В. М., Перикова Е. И., Ловягина А. Е. Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 126–140. DOI: 10.17223/17267080/73/8.
4. Дубровина И. В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № 3. С. 9–21. DOI: 10.17759/bppe.2020170301.
5. Косцова М. В., Гришина А. В., Лешкевич С. А. Исследовательский потенциал студентов вуза в контексте метакогнитивной включенности // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 5 (143). С. 1–5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.143.58.
6. Кофейникова Ю. Л., Николаева Ш., Хукуматшоева Ш. Диагностика метакогниций студентов психолого-педагогического профиля в процессе профессионального обучения // Педагогика и психология образования. 2019. № 2. С. 153–160.
7. Ластовенко Д. В. Особенности саморегуляционных и метакогнитивных характеристик студентов инженерных специальностей ракетно-космической отрасли // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/48PSMN121.pdf> (дата обращения: 07.09.2024).
8. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02.
9. Люсин Д. В. Опросник эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процесса к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
10. Мельникова М. Л., Максимова Л. А. Связь показателей метакогнитивной включенности, универсальных компетенций в обучаемости в юношеском возрасте / О. А. Чикова, Ю. Р. Богданчикова // Педагогическое образование в России. 2022. № 3. С. 198–207.
11. Моросанова В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 57–83. DOI: 10.24412/2073-0861-2022-3-57-82.
12. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
13. Перикова Е. И., Бызова В. М. Факторная структура русскоязычной версии опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность» // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 2. С. 116–126. DOI: 10.17759/chp.2022180213.
14. Проненко Е. А., Беликова М. Е., Скрипкина Т. П. Отчуждение студентов от обучения: могут ли метакогнитивная регуляция и осознание смысла обучения помочь его преодолеть? // Российский психологический журнал. 2023. № 20 (2). С. 240–285. DOI: 10.21702/rpj.2023.2.15.

15. Bui T. H. & Johnson N. F. Self-regulation and metacognition in a flipped classroom: EFL students' perspectives at a Vietnamese university // *Issues in Educational Research*. 2024. Vol. 34 (1). Pp. 19–36. URL: <http://www.iier.org.au/iier34/bui.pdf>.
16. De Vries J. H., Spengler M. Personality Development in Emerging Adulthood – How the Perception of Life Events and Mindset Affect Personality Trait Change / A. Frintrup, P. Mussel // *Frontal Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 671421. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.671421.
17. Diener, Emmons. The Satisfaction with life scale / Larsen, Griffin // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49 (1). Pp. 71–75.
18. Dörrenbächer-Ulrich L., Dilhuit S. & Perels F. Investigating the relationship between self-regulated learning, metacognition, and executive functions by focusing on academic transition phases: a systematic review // *Curr Psychol*. 2024. Vol. 43. Pp. 16045–16072. DOI: 10.1007/s12144-023-05551-8.
19. Faisal khellab, Demirel Ö., Mohammadzadeh B. Effect of Teaching Metacognitive Reading Strategies on Reading Comprehension of Engineering Students. *Article Reuse Guidelines*. 2022. Vol. 12 (4). DOI: 10.1177/21582440221138069.
20. Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving / In L. B. Resnick (Ed.) // *The nature of intelligence*. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1976. Pp. 231–235.
21. Flavell J. H. Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive – Developmental Inquiry // *American psychologist*. 1979. Vol. 34 (10). Pp. 906–911.
22. Gurat M. G., & Jr., C. T. M. Metacognitive Strategy Knowledge Use through Mathematical Problem Solving amongst Pre-service Teachers // *American Journal of Educational Research*. 2016. Vol. 4 (2). Pp. 170–189. DOI: 10.12691/education-4-2-5.
23. Johnson J. «Units of analysis for the description and explanation of personality» in *Handbook of Personality Psychology* / eds R. Hogan and S. Briggs. San Diego, CA : Academic Press, 1997. Pp. 73–93.
24. Schraw G., Dennison R. S. Assessing metacognitive awareness // *Contemporary Educational Psychology*. 1994. Vol. 19. Pp. 460–475. DOI: 10.1006/ceps.1994.1033.
25. Tomasello M. An agency-based model of executive and metacognitive regulation // *Frontiers in Developmental Psychology*. 2024. Vol. 2. Pp. 1–11. DOI: 10.3389/fdpys.2024.1367381.

Metacognitive involvement in the intellectual activity of students in the initial and final courses of study at the university

Vinogradova Yana Evgenievna¹, Byzova Valentina Mikhailovna²

¹PhD in Psychological Sciences, associate professor of the Department of Social Psychology, St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0002-3030-5257. E-mail: yana.e.vinogradova@gmail.com

²Doctor of Psychological Sciences, professor, professor of the Department of General Psychology, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0001-6362-7714. E-mail: vbysova@mail.ru

Abstract. In modern science, research on the success of activity is strongly linked to the phenomenon of cognitive regulation. However, in recent years, research attention has been increasingly focused on emotional regulation. J. Flavell asserts metacognition as an important component of human cognitive development. Metacognition is considered as the ability to regulate using metacognitive monitoring of intellectual activity and stabilizes by the end of school education. This assumption leads to a research interest in the peculiarities of students' metacognitive regulation. The article presents the results of a study of metacognitive involvement in the intellectual activity of university students. The purpose of the study is to identify the features of metacognitive involvement in the intellectual activity of students. It is suggested that the severity of indicators of metacognitive involvement in the activities of students enrolled in the initial courses is lower compared with senior students. 264 second and fourth year students (aged 19–21 years) took part in the survey. The measurement was carried out using the following methods: metacognitive involvement in intellectual activity, emotional intelligence, conscious self-regulation. Subjective life satisfaction was also measured. It was found that the general indicators of metacognitive involvement of students in the initial and final courses do not significantly differ. However, fewer relationships are registered in the structure of the interrelations of the system of mental self-regulation (interpersonal emotional intelligence, the regulatory process of evaluating results, metacognitive knowledge, metacognitive regulation) of final year students. There are also denser correlations with the life satisfaction scale for this group. Life satisfaction rates are significantly higher among final year students. The revealed high scores of the subjective well-being of final-year students and their close relationship with the components of metacognitive involvement in activities confirm the conclusions of J. J. Flavell on the impact of metacognitive regulation on success in daily activities. The results obtained are applicable in the preparation of training courses for students of the initial and final stages of education.

Keywords: metacognitive involvement in intellectual activity, mental regulation, life satisfaction, subjective well-being.

References

1. Andreeva G. M. *Social'naya psihologiya i social'nye izmeneniya. Psihologicheskij zhurnal* [Social psychology and social changes. Psychological journal]. 2005. Vol. 26. No. 5. Pp. 5–15.
2. Byzova V. M., Perikova E. A. *Predstavleniya molodezhi o psihologicheskom blagopoluchii i strategiyah ego dostizheniya* [Representations of youth about psychological well-being and strategies for its achievement] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal – Siberian Psychological Journal*. 2018. No. 70. Pp. 118–130. DOI: 10.17223/17267080/70/9.
3. Byzova V. M., Perikova E. I., Lovyagina A. E. *Metakognitivnaya vklyuchennost' v sisteme psichicheskoy samoregulyacii studentov* [Metacognitive involvement in the system of mental self-regulation of students] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal – Siberian Psychological Journal*. 2019. No. 73. Pp. 126–140. DOI: 10.17223/17267080/73/8.
4. Dubrovina I. V. *Fenomen "psihologicheskoe blagopoluchie" v kontekste social'noj situacii razvitiya* [The phenomenon of "psychological well-being" in the context of the social situation of development] // *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya – Herald of practical psychology of education*. 2020. Vol. 17. No. 3. Pp. 9–21. DOI: 10.17759/bppe.2020170301.
5. Koscova M. V., Grishina A. V., Leshkevich S. A. *Issledovatel'skij potencial studentov vuza v kontekste metakognitivnoj vklyuchennosti* [The research potential of university students in the context of metacognitive inclusion] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International Scientific Research Journal*. 2024. No. 5 (143). Pp. 1–5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.143.58.
6. Kofejnikova Yu. L., Nikolaeva Sh., Hukumatshoeva Sh. *Diagnostika metakognicij studentov psihologo-pedagogicheskogo profilya v processe professional'nogo obucheniya* [Diagnostics of metacognitions of students of a psychological and pedagogical profile in the process of professional training] // *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya – Pedagogy and psychology of education*. 2019. No. 2. Pp. 153–160.
7. Lastovenko D. V. *Osobennosti samoregulyacionnyh i metakognitivnyh harakteristik studentov inzhenernyh special'nostej raketno-kosmicheskoy otrasli* [Features of self-regulatory and metacognitive characteristics of engineering students in the rocket and space industry] // *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya – The world of science. Pedagogy and psychology*. 2021. No. 1. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/48PSMN121.pdf> (date accessed: 07.09.2024).
8. Leont'ev D. A. *Schast'e i sub'ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatijnogo polya* [Happiness and subjective well-being: towards the construction of a conceptual field] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny – Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020. No. 1. Pp. 14–37. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.02.
9. Lyusin D. V. *Oprosnik emocional'nyj intellekt EmIn: novye psihometricheskie dannye* [Questionnaire emotional intelligence EmIn: new psychometric data] // *Social'nyj i emocional'nyj intellekt: ot processa k izmeneniyam – Social and emotional intelligence: from process to measurements* / ed. by D. V. Lyusin, D. V. Ushakov. M. Institute of Psychology of RAS, 2009. Pp. 264–278.
10. Mel'nikova M. L., Maksimova L. A. *Svyaz' pokazatelej metakognitivnoj vklyuchennosti, universal'nyh kompetencij v obuchaemosti v yunosheskom vozraste* [The relationship between indicators of metacognitive inclusion, universal competencies in learning in adolescence] / O. A. Chikova, Yu. R. Bogdanchikova // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Teacher education in Russia*. 2022. No. 3. Pp. 198–207.
11. Morosanova V. I. *Psihologiya osoznannoj samoregulyacii: ot istokov k sovremennym issledovaniyam* [Psychology of conscious self-regulation: from the origins to modern research] // *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya – Theoretical and experimental psychology*. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 57–83. DOI: 10.24412/2073-0861-2022-3-57-82.
12. Osin E. N., Leont'ev D. A. *Kratkie shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya: psihometricheskie harakteristiki i sravnitel'nyj analiz* [Short diagnostic scales of subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny – Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020. No. 1. Pp. 117–142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
13. Perikova E. I., Byzova V. M. *Faktornaya struktura russkoyazychnoj versii oprosnika "Metakognitivnaya vklyuchennost' v deyatel'nost'"* [Factor structure of the Russian-language version of the questionnaire "Metacognitive involvement in activity"] // *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya – Cultural and historical psychology*. 2022. Vol. 18. No. 2. Pp. 116–126. DOI: 10.17759/chp.2022180213.
14. Pronenko E. A., Belikova M. E., Skripkina T. P. *Otchuzhdenie studentov ot obucheniya: mogut li metakognitivnaya regulyaciya i osoznanie smysla obucheniya pomoch' ego preodolet'?* [Alienation of students from learning: can metacognitive regulation and awareness of the meaning of learning help overcome it?] // *Rossijskij psihologicheskij zhurnal – Russian Psychological Journal*. 2023. No. 20 (2). Pp. 240–285. DOI: 10.21702/rpj.2023.2.15.
15. Bui T. H. & Johnson N. F. *Self-regulation and metacognition in a flipped classroom: EFL students' perspectives at a Vietnamese university* // *Issues in Educational Research*. 2024. Vol. 34 (1). Pp. 19–36. Available at: <http://www.iier.org.au/iier34/bui.pdf>.

16. *De Vries J. H., Spengler M.* Personality Development in Emerging Adulthood – How the Perception of Life Events and Mindset Affect Personality Trait Change / A. Frintrup, P. Mussel // *Frontal Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 671421. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.671421.
17. *Diener, Emmons.* The Satisfaction with life scale / Larsen, Griffin // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49 (1). Pp. 71–75.
18. *Dörrenbächer-Ulrich L., Dilhuit S. & Perels F.* Investigating the relationship between self-regulated learning, metacognition, and executive functions by focusing on academic transition phases: a systematic review // *Curr Psychol*. 2024. Vol. 43. Pp. 16045–16072. DOI: 10.1007/s12144-023-05551-8.
19. *Faisal khellab, Demirel Ö., Mohammadzadeh B.* Effect of Teaching Metacognitive Reading Strategies on Reading Comprehension of Engineering Students. *Article Reuse Guidelines*. 2022. Vol. 12 (4). DOI: 10.1177/21582440221138069.
20. *Flavell J. H.* Metacognitive aspects of problem solving / In L. B. Resnick (Ed.) // *The nature of intelligence*. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1976. Pp. 231–235.
21. *Flavell J. H.* Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive – Developmental Inquiry // *American psychologist*. 1979. Vol. 34 (10). Pp. 906–911.
22. *Gurat M. G., & Jr., C. T. M.* Metacognitive Strategy Knowledge Use through Mathematical Problem Solving amongst Pre-service Teachers // *American Journal of Educational Research*. 2016. Vol. 4 (2). Pp. 170–189. DOI: 10.12691/education-4-2-5.
23. *Johnson J.* «Units of analysis for the description and explanation of personality» in *Handbook of Personality Psychology* / eds R. Hogan and S. Briggs. SanDiego, CA : Academic Press, 1997. Pp. 73–93.
24. *Schraw G., Dennison R. S.* Assessing metacognitive awareness // *Contemporary Educational Psychology*. 1994. Vol. 19. Pp. 460–475. DOI: 10.1006/ceps.1994.1033.
25. *Tomasello M.* An agency-based model of executive and metacognitive regulation // *Frontiers in Developmental Psychology*. 2024. Vol. 2. Pp. 1–11. DOI: 10.3389/fdpys.2024.1367381.

Поступила в редакцию: 05.11.2024

Принята к публикации: 16.12.2024

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 3 (153) (2024)

16+

Редактор А. В. Мариева
Технический редактор Л. А. Кислицына
Дизайн обложки А. К. Долгова
Редактор выпускающий А. Ю. Егоров
Ответственный за выпуск И. В. Смольняк

Подписано в печать 16.02.2025 г.
Дата выхода в свет 10.03.2025 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 200 экз. Заказ № 61.

Подписной индекс журнала «Вестник Вятского государственного университета»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН085

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. (8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36